

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Корявко Г.Е	<i>ПОСТМОДЕРНИЗМ: КРИЗИС СОЗНАНИЯ ИЛИ НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ</i>	8
Бачинин В.А.	<i>ОТ ПРОТОМОДЕРНА КАК КРИЗИСА КЛАССИЧЕСКОГО ХРИСТИАНСТВА К ПОСТМОДЕРНУ КАК КРИЗИСУ СЕКУЛЯРИЗМА</i>	15
Лихих Г.А.	<i>НА ОБЛОМКАХ ИСТОРИИ ИЛИ В КНИГЕ ЖИЗНИ?</i>	27
Калябин Г.А.	<i>РАЗВИТИЕ ТОЧНЫХ НАУК В 20-М ВЕКЕ И ХРИСТИАНСКАЯ АПОЛОГЕТИКА</i>	33
Спичак А.И.	<i>ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЙ ХАОС – БОГОСЛОВ- СКО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА УСТРОЙСТВО МИРА В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА</i>	41
Кликунов Н.Д	<i>КОНЦЕПЦИЯ СВЕДЕНБОРГА – ПОПЫТКА ПРИМИРЕНИЯ ВСЕБЛАГОСТИ И ВСЕМОГУЩЕСТВА БОГА</i>	51
Хачатрян Т.	<i>ПРАВОСЛАВНАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА И ЭСТЕТИКА ПОСТМОДЕРНИЗМА</i>	54
Телепов М.Н.	<i>ПСИХОЛОГИЯ И БИБЛИЯ</i>	62
Сазонова Н.П.	<i>ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ</i>	68
Ольховский В.С.	<i>УНИКАЛЬНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА – ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА</i>	75
Пилюгина Е.В.	<i>КТО МЫ: ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНА</i>	104
Шаповалов В.Л.	<i>РОССИЯ В МИРЕ ПОСТМОДЕРНА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ</i>	112
Гурский А.В.	<i>ПРАВДА ВСЕГДА ОДНА?</i>	116
Асеева И.А.	<i>ДИАЛОГ КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО В ТРАДИЦИЯХ ПОСТМОДЕРНИЗМА</i>	122
Черенков М.Н.	<i>ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА VERSUS ПОСТМОДЕРНИЗМ</i>	132

Лихих Д.Г.	КОНЦЕПЦИЯ ГРЕХА В ХРИСТИАНСТВЕ И РЕЛИГИИ «ЭРЫ ВОДОЛЕЯ» (НЬЮ-ЭЙДЖ)	135
Жохов В.Н.	ДИАЛОГ БОГОСЛОВИЯ И НАУКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	141
Озеров Ю.В.	ПОСТМОДЕРНИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ	151
Спичак И.А.	СПАСЕТ ЛИ МИР КРАСОТА?	155
Тинякова Е. А.	СЕМИОТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА	160
Кузнецов Д.П.	ПОСТМОДЕРН И МЕДИЦИНСКАЯ ЭТИКА	167
Закурдаева К.А.	БИОТЕХНОЛОГИЯ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ	170
Орлова Н.Х.	ЗАЧАТИЕ IN VITRO И ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ	175
Копцева Н.Г.	ФЕНОМЕН СМЕРТИ И ПРОБЛЕМА БЕССМЕРТИЯ	181
Толмачев А.В.	ЭВТАНАЗИЯ – ПРАВО НА УБИЙСТВО?	187
Телепова Н.Н.	ПЛАНИРОВАНИЕ СЕМЬИ: РОК ИЛИ СВОБОДА	195
Телепова Н.Н.	ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ НА РАДИО	199
Телепов М. Н.	ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СУПРУГОВ К КОНСТРУКТИВНОМУ РЕШЕНИЮ КОНФЛИКТОВ	206
Калябин Г.А.	АТЕИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК	210
Ямпольский Л.М.	ПОСТМОДЕРНИЗМ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ	213
Каримов Р. Х.		
Туякбасарова Н.А.	ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА ПОД ВЛИЯНИЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	219
Баркатунов В.Ф.	НРАВСТВЕННО- ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ	229
Малов С.В.	ЧТО МЫ ОСТАВИМ НАШИМ ДЕТАМ?	237
Приглашение на конференцию		242

**Уважаемые участники конференции,
Уважаемые гости города!**

Приветствую вас в городе Курске и выражаю уверенность, что работа международной конференции послужит укреплению взаимопонимания и сближению интересов личностей, общества и церквей.

И жители, и гости нашего города замечают перемены, произошедшие в Курске в последнее время. Строятся новые жилые дома, бизнес-центры, здания банков. Благоустраиваются улицы, проводится капитальный ремонт дорог. Но за введением в строй объектов, отвечающих современным требованиям, мы не забываем о своих культурных устремлениях, духовных корнях.

Мы помним о курянах, защищавших родную землю в дружинах князя Игоря. С гордостью мы читаем строки «Слова о полку Игореве», посвященные нашим землякам. Чтим тех, кто защищал Отчизну в битвах минувшего века.

Совсем недавно в Курске установили несколько памятников: маршалу Константину Рокоссовскому, военным медикам, нашему земляку, великому русскому композитору Георгию Васильевичу Свиридову. Одну из улиц Курска украсит памятник другому знаменитому земляку, замечательному писателю Евгению Ивановичу Носову. Его произведения: «Шумит луговая овсяница», «Красное вино победы» наполнены искренней любовью к родной земле и человеку, на ней живущему.

Выдающийся философ восемнадцатого столетия Иммануил Кант писал: «Для человека чрезвычайно важно знать, как надлежащим образом занять своё место в мире, и правильно понять, каким нужно быть, чтобы быть человеком». Думаю, что эти слова могут служить формулой совместных усилий государства и религиозных объединений во благо развития общества.

21 век наряду с новыми благами цивилизации принёс и новые угрозы человечеству: терроризм, национальный экстремизм, религиозную рознь. Общество продолжают разъедать такие социальные пороки, как наркомания и алкоголизм. Уверен, что каж-

дый из присутствующих в этом зале желает искоренения их и стремится сделать для этого всё от него зависящее. Власти города и области в свою очередь стремятся, чтобы развивалась наша экономика, формировалось здоровое отношение к собственности, укреплялось предпринимательство, чтобы все наши жители имели достойные условия жизни. Это, на мой взгляд, должно способствовать духовному развитию каждого человека и всего общества.

Меня, как гражданина, как главу города не могут не волновать такие проблемы, как рост детской и молодёжной преступности, распад семей. Я не могу смириться с тем, что часть наших детей превращается в беспризорников и бродяг, что молодёжь губит себя алкоголем и наркотиками, прожигает жизнь за игровыми автоматами. Уверен, что противостоять этому мы сможем только сообща.

Свою задачу я вижу в том, чтобы, объединяя усилия неравнодушных людей, создать в Курске благоприятные условия для всестороннего развития любого человека.

Желаю вам успешной работы и благополучия!

Пленарные доклады

Корявко Галина Егоровна,
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философии и
социальных дисциплин Курского
института менеджмента, экономики и
бизнеса, (Курск)

Об авторе: родилась 10.03.1944 г. в г. Курске. Окончила философский факультет МГУ(1969) и аспирантуру того же факультета (1976). Работала преподавателем, доцентом Хабаровского медицинского института, доцентом, профессором Самарского государственного института искусств и культуры, зав. каф. философии и истории Самарской сельскохозяйственной академии. Почетный работник высшего профессионального образования

Круг научных интересов – особенности философского сознания, - его структура, тенденции и традиции исторического развития, способы деятельности религиозного, нравственного, художественного, политического, правового сознания. Имеет более пятидесяти публикаций, среди них монографии и учебные пособия по философии и логике.

ПОСТМОДЕРНИЗМ: КРИЗИС СОЗНАНИЯ ИЛИ НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

... один и тот же предмет всякий раз вызывал к жизни и рождал иное значение, но вместе с этим значением отзывались ... все значения прошлого.

М.Кундер

1. В обсуждении любой проблемы для меня, в соответствии с личными предпочтениями и в силу профессиональной привычки, исходным является понимание того, что «мы разные, но мы

вместе». Думается, что принцип этот адекватен предмету обсуждения – самому постмодернизму. Я бы назвала указанный принцип *социальной парадигмой* постмодернизма, под которой я попытаюсь обнаружить ее метафизическую сущность.

2. Оценки постмодернизма не однозначны. Многочисленны отрицательные, *сопадающие* с оценками современного периода истории общества как кризисного. Как заметил современный писатель Мишель Уэльбек, – «Никто больше не понимает, как надо жить». Постмодернизм нередко воспринимается как задуманный темными силами проект. И этому проекту присваиваются все беды современной эпохи. Несколько примеров таких оценок. Стивен Ходж (США): «Современная философия постмодернизма, отрицающая абсолютную истину и объективную мораль, лишает человеческую жизнь смысла». (Сб.: «Человек и христианский мир». Вып.9. Симферополь. 2004. с.24). М. Румянцев (Россия): «Постмодерн – состояние деградации и упадка». (Журн. «Философия хозяйства», №1. 2004). Макворд (США) называет суть происходящего «эпохой чуждости миру». Ю.Осипов (Россия) именует постмодерн разрушителем, который отбрасывает смыслы: Бога нет, природы нет. Постмодерн – высший продукт истории, отрицающий саму историю. (Указ. журн. «Философия хозяйства»).

С приведенными оценками можно согласиться, учитывая два фактора. Первый – это характеристики современного периода *кризиса*, являющегося временем *смены* одной уходящей эпохи, модернистской, другой – только рождающейся – постмодернистской. Второй фактор – следует разобраться, что в кризисе принадлежит уходящему, а что – приходящему на его место.

3. Постмодернизм обнаруживает себя не как некое систематизированное построение: он не идеология, поскольку не обладает фальшивой генеалогией – он вырастает из всего, что было; он не обладает квазинаучным обоснованием, это больше художественное, нравственное видение человеческого мира; он не имеет политической направленности. Постмодернизм обнаруживает себя главным образом как *отвращение* (скорее этического и эстетического характера) к тем принципам, которые обеспечивали проект модерна на протяжении последних веков. Главным предметом отвращения является история, понимаемая как *прогресс*.

Модерн возвел в высшую степень *протипоставленность* настоящего момента прошлому. Подлинностью провозгласил настоящее, отрекаясь от прошлого как не подлинного. Отношение к прошлому одно: его насильственная замена. Отношение к будущему тоже насильственное. Оно мыслится в повелительном наклонении, сужая возможности до одной. Постоянно присутствует революционная прямота, линейность. Впереди некая *обязательная* реальность, которая должна стать благом и осуществиться. Лестница прогресса, заметил М. Эпштейн, «ведет на эшафот». (Эпштейн М. Заметки о четвертой мировой. Звезда.2002. №5. С.212).

Неудовлетворенность прошлым – суть модерна, - в конце концов, нашла свое выражение в концепции «неудавшейся истории», «конца истории», последнего дитя эпохи модернизма. Это именно модернизм проектировал и конструировал общество как убегающее от прошлого, отбрасывающее его. Он историю смоделировал и осуществил подобно ракете, летящей потому, что выбрасывает горючее. Так и история, в модернистском варианте, отбрасывала пройденное в движении к совершенству. Модерн (как эпоха) – это временной вектор, утрачивающий связь с созданным пространством существования. Эпоха модерна агрессивна во всех отношениях настоящего к прошлому, и это перенесено на внутреннюю структуру бытия и сознания: наука агрессивна религии и наоборот, христианство агрессивно язычеству и другим вероисповеданиям, искусство агрессивно морали, а все они вместе враждебны вчера достигнутому и напрягаются превзойти его. Этому проекту общественного развития приходит конец, воспринимаемый как «конец истории». Да, конец, но конец в его определенном понимании, которое, может быть, достаточно точно когда-то охарактеризовал Честертон. Он писал, что на языке томизма «конец» не уничтожение, но свершение. Как Господь – конец творения. Мы не исчезаем, а становимся вечными. Всмотримся в постмодернизм с этой точки зрения, с точки зрения «вечности», разумеется, не в божественном, а в ее человеческом воплощении.

4. Постмодернизм – это свершение истории и ее законное дитя, это не кризис наших раздумий о человечестве и человеке, а их реальное состояние. Умберто Эко заметил, что постмодернизм не столько общекультурное течение или направление искусства, сколько новый тип мироощущения и духовное состояние, т.е. но-

вый тип метафизического, мировоззренческого, того, что регулирует человеческое и общечеловеческое существование.

Главное в постмодернистском мире – это изменение структуры *трансцендирования*. Структура бытия приобретает, в отличие от временной и прогрессорской структуры модернизма, *пространственно-временной характер*. Она нацелена на включение *всей истории* (в многообразии ее ценностей и смыслов) в пространство реального существования общества и человека. Идентичности постмодернизма присуще историческое (временное) в его личностном, реальном воплощении. Все, что достигнуто историей, имеет право на постоянное осуществление и каждый раз все в новых и новых формах. Возникает иллюзия отказа от оценочного подхода – все ценности равноправны. Но это отказ от другого – от модернистского механизма идеологической селекции ценностей и навязывания их личности от имени сообщества – национального, политического, религиозного. Надо признать, что личность была подчинена интересу не ценности, а интересу сообщества, в любом из которых важнейшей была вертикаль единообразия: в морали, политике, экономике и в чем угодно. В постмодернистском сознании в принципе нельзя выстраивать единственную вертикаль. Все накопленные историей смыслы и ценности равны для своей реализации. Таким образом, постмодернизм воскрешает, реабилитирует историю, ее детали и полноту. Это похоже на идею «вечного возвращения», но, скорее, это возникающая новая способность человечества – жить в пространстве истории.

5. Постмодернизм, в качестве новой эпохи, включает в себя прошлое и все его парадигмы, выстраивая из смыслов и ценностей пространство личного осуществления. Он возвращает историю в человеческий мир. Это требует единства времени (истории) и сознания, которое, заново прочитывая свершенное, перевоплощает его в существование. Еще Гуссерль говорил, что время образует единство с сознанием. Для понимания этого осмелюсь продолжить близкую, особенно верующим, мысль о том, что человечество училось и учится, изучая две книги, созданные Творцом: первую - Библию и вторую – Природу. Но можно продолжить этот ряд. Он создал и третью книгу – Книгу Истории Человечества, которую мы только начинаем читать, делая время содержанием сознания.

Пресловутое «История ничему не учит» постмодерн заменяет на «История как квинтэссенция существования – учитель в постижении Замысла Божьего (или, для сомневающихся в Нем, - смысла существования)». История, наряду с первыми двумя книгами, - это третья ученическая книга человечества. Вот это и есть новая парадигма эпохи постмодернизма.

«Жить в истории», жить в свершившемся – это требует культивирования чувства преемственности, чему агрессивно противостоит воспитанное веками чувство отчуждения: нынешнего состояния прошедшему, одной нации другой, религиозное, отчуждение экономики от нравственности, политики от того и другого. В свое время Ленин одобрил тезис Зомбарта о том, что в марксизме нет ни грани этики, а есть только экономическая закономерность. Чем это отчуждение обернулось, объяснять не надо.

6. Постмодернизм не содействует, а противодействует распаду культуры и взаимоотношению ее составных: экономики и нравственности, религии, политики, права. Понятно, что новая эпоха нуждается в новом человеке, или, лучше сказать, «заново» открывает человека. Петер Козловски, исследуя современное преодоление отчуждения (дуализма) экономики, этики и религии, называет изменения человека в начавшуюся эпоху постмодерна «реантропоморфизацией», т.е. повторным очеловечиванием (см.: Козловски П. Принципы этической экономики. СПб.: Экономическая школа 1999. С.16 и др.). Основной механизм (или способ) этого «повторного очеловечивания» - это личностный *в ы б о р* в историческом пространстве – выбор ценностей, норм, установок, который совершается индивидом, освобождающимся от принуждения сообществ: национальных, культурных, политических, религиозных, научных и прочих. Это выбор тех же историей созданных национальных, нравственных, религиозных ценностей, но совершаемый свободно от внешнего принуждения («от имени» науки, наций, политики, религии).

Поэтому постмодернизм – это реабилитация гуманизма, признающего самоценность индивида и его право на самореализацию в пространстве общечеловеческого существования. Собственно, это переход от «негативной» свободы к ее «позитивной» форме – форме творчества. Понятно, что это существенно трансформирует человека, его психику, его сознание. Постмодернизм поворачивает сознание к одной из самых глубинных его интен-

ций - узнаванию, которое не есть только знание, хотя и включает его, но есть у-знание, т.е. обнаружение в чем-то своего. Выбор – это всегда узнавание, что делает «нечто» своим, собственностью: нравственную норму, религиозное убеждение и прочее. Узнавание делает сущностью собственности индивидуальную духовность, придает собственности духовный характер.

7. Постмодернизм, как новая эпоха, приносит с собой новые, ранее неведомые проблемы, воспринимаемые сегодня как факторы деструктивного типа. В политике не только тоталитарные и авторитарные, но и демократические и либеральные сообщества все больше имеют дело с задачей соотношения политического режима с, по выражению Стенли Коуэлла, «этическими и эстетическими практиками частного самоконструирования», которое одновременно является упражнением в социальной ответственности. Частное самоконструирование, как механизм реализации постмодернистского индивида, порождает множество моделей жизни и поведения, а не одну, как это у Платона, Канта, Маркса. Это служит задаче многообразного поиска лучшей жизни, лучшей справедливости, порождает новые гипотезы, как можно жить лучше и их критику. Тем самым предохраняет общество от конформизма - любимого дитя эпохи модерна.

Но это многообразие поиска и «частное самоконструирование» приходит в противоречие с принципом европейского права – формального равенства перед законом, который потому закон, что одинаков для всех и не учитывает частные цели и средства. Т.е. сталкиваются в противоречии существующее право и ход истории. Как заметил Ю.Каграманов, «нельзя, опираясь на закон, остановить историю, но нельзя оставить позади закон» (Каграманов Ю. Святая земля и вокруг нее // Новый мир. 2004 №9. с.136). Вектор права поворачивается в эпоху постмодернизма: если раньше право защищало интересы сообщества от посягательств индивида, то в рождающуюся эпоху этот вектор дополняется защитой интересов индивида от посягательств сообщества.

Следующая острая проблема, рождаемая постмодернизмом – свобода и нравственность. Эту проблему я бы охарактеризовала кратко: нравственность без свободы гнетуща, свобода без нравственных ограничений опасна. Здесь также наблюдается поворот от этики долга, господствовавшей в предыдущую эпоху, к этике частного самоосуществления, своеобразному варианту гедони-

стической этики, обогащенной императивами внутреннего самоконтроля. Это, в свою очередь, выводит на проблему религии в постмодернистском мире. Постмодернизм - это конец светских идеологий, единолично претендовавших на целостное (смысловое, линейное) видение человека и мира, бывших антагонистом религии. Постмодерн изымает религию из религиозного гетто, куда ее поместила секуляризация. Но одновременно постмодерн отказывает религиозным традициям быть доминирующими и определяющими, легитимизирует многообразие религий. Он позволяет религии, принимая ее опыт, смыслы, религиозные символы, быть вместе и наряду с остальными, не отдавая никакого ценностного предпочтения. Таково же отношение к опыту нации, искусства, науки, к опыту античности и средневековья, возрождения к опыту каждого культурного сообщества.

Изменение вектора трансцендирования для религии означает возможность возврата к видению прошлого и будущего в соответствии с пониманием того и другого Августином бл., который считал, что нет прошлого, нет будущего, а есть *н а с т о я щ е е* прошлого и *н а с т о я щ е е* будущего. Вера, повернутая к настоящему существованию и осуществлению человека, – это постмодернистский поворот вектора религиозного понимания мира. Может быть, наиболее своевременно на это требование отозвался протестантизм.

8. Понятно, что все названное коренным образом меняет один из важнейших механизмов человеческого осуществления. Процесс идентификации совершается, и идентичность (то, что делает человека индивидуальностью и личностью) формируются не с позиций одного вида, типа, формы сознания, т.е. не с позиций «одинокоего сознания», а с позиций системного и целостного сознания. Не только нравственные традиции (тем более одной нации), не только научный и религиозный опыт (тем более, с позиций одной конфессии), не только право отдельного государства, но многообразие опыта – условие для осуществления идентификации. Человек возвращается к себе путем превращения исторического времени во время сознания индивида. В этом смысле постмодерн, на мой взгляд, очень близок христианству. Это единственная религия, в которой, как отмечал еще О. Шпенглер, «непосредственно данная человеческая судьба делается символом и средоточением всего творения».

Бачинин Владислав

Аркадьевич,

*доктор социологических наук,
профессор, Социологический
институт РАН, (Санкт-Петербург).
Автор около 200 публикаций, в
том числе 25 книг по проблемам
социологии, философии, права,
религии, культурологии.*

ОТ ПРОТОМОДЕРНА КАК КРИЗИСА КЛАССИЧЕСКОГО ХРИСТИАНСТВА К ПОСТМОДЕРНУ КАК КРИЗИСУ СЕКУЛЯРИЗМА

За полтора столетия своей истории, с середины XIX в. до начала XXI в., модернизм (модерн) прошел через три этапа эволюции – *протомодерн (ранний модерн)*, собственно *модерн (зрелый модерн)* и *постмодерн (поздний модерн)*. Каждый из периодов имел протяженность, в среднем, полвека. В социальном аспекте им соответствовали три исторических этапа: 1) последняя ступень перехода от традиционного общества к индустриальному (протомодерн); 2) разветвление и реализация всех положительных и отрицательных возможностей индустриального общества (зрелый модерн); 3) переход к постиндустриальному, информационному обществу (постмодерн).

Со времени появления, развития и утверждения модернизма как культурного стиля происходил постепенный, а затем все более убыстряющийся отход культурного сознания от традиций классического христианства. Внешне это выглядело как распад целостного универсума тех норм, ценностей и смыслов, из которых складывалась классическая культура, и одновременно как возникновение новых причудливых комбинаций из разрозненных остаточных форм.

На этапе протомодерна еще не произошел окончательный разрыв с эпохой классики, с ее идеями, принципами, тематикой, творческими методами. Вместе с тем, многое уже начало изменяться в самом духе времени и в умонастроениях художников и

мыслителей. Прежние нормативно-ценностные ориентиры стали утрачивать свою императивность, а культурное сознание становилось все более раскованным. Универсум высших смыслов, осененных авторитетом классических традиций, медленно распадался. Художники утрачивали доверие к нему, а заодно и к окружающей их реальности. Ценностные ориентиры культурного сознания стали перемещаться из сферы серьезного мироотношения и соответствующих ему творческих установок в игровую сферу, где творческая свобода становилась практически беспредельной.

С позиций христианского сознания, эпоха модернизма – это последний акт великой исторической мистерии, раскола между Богом и человеком. Раскол достиг своего предела, когда человек вообразил, что Бог «мертв», а личное и государственное безбожие стало превращаться в норму. Модернизм предстал как эстетика соблазна, оправдывающая бесчисленные повторения одного и того же экзистенциального эксперимента, заставляющего философов, художников, писателей, поэтов воображать, каким мир может быть без Бога и без Христа. Модернистское художественно-эстетическое сознание начало производить книги, картины, спектакли, в которых были растиражированы герои, живущие так, как будто Иисус Христос никогда не существовал и не было почти двух тысячелетий истории христианской цивилизации. Человек незаметно для себя оказался жертвой собственного разывающегося эстетического и метафизического воображения. Презревший священные запреты, он двинулся по пути вседозволенности. Для модернистского искусства стали привычными акты эстетического террора, метафизического вандализма. Они совершались на протяжении жизни нескольких поколений философов и художников и прежде всего тех из них, кто не желал соглашаться с тем, что Бог онтологически бессмертен и неуязвим, что Он в принципе не может умереть. Единственное, что удалось каждому из них в отдельности, – это «убить» Бога внутри своего культурного мира, погрузить этот мир в состояние сиротства.

Если в эпоху классики человек сознавал себя благоразумным субъектом, последовательно восходящим по ступеням исторического прогресса, то в постклассическом духовном пространстве он стал ощущать себя существом, выпавшим из прочных нормативно-ценностных структур и оставшимся беззащитным

перед одолевающими его «бесами» саморазрушения, безумия и вседозволенности.

Одно из главных внутренних противоречий культуры модернизма – это противоречие «традиция – новация», определявшее динамику эволюции модернистского искусства. Если в рамках протомодерна традиции еще довели над новациями и содержание произведений искусства, появившихся в тех условиях, отличалось значительной духовной насыщенностью, то в условиях зрелого модерна новациям удалось опрокинуть абсолютное большинство культурных традиций, перешагнуть через них и устремиться навстречу безрелигиозной, имморальной пустоте.

Возникла атмосфера безответственной игры подложными разновидностями общепринятых ценностей. Типичной формой культуротворческой деятельности становится жонглирование фальшивыми двойниками («симулякрами») существующих смыслов, ценностей и норм. На культурное сознание легла печать «разорванности», символом которой мог бы выступить дидеротовский образ «сумасшедшего фортепиано». Это отчетливо проявилось в таких направлениях модернистского искусства, как кубизм, сюрреализм, абстракционизм и др.

Основные стилевые признаки культуры зрелого модерна:

1) аномативность как ориентированность на сознательный разрыв с классическими традициями и как творческая вседозволенность;

2) претензии на содержательную многомерность, смысловую многозначность создаваемых творений, превращавшие их в подобия неких лабиринтов, внутри которых зритель или читатель мог бесконечно долго блуждать без всякой надежды выбраться к свету понимания;

3) отрицание всех существующих ценностных иерархий, духовная опустошенность тех остаточных аксиологических форм, которые еще сохранялись в рамках произведений;

4) открытость, разомкнутость интеллектуальных и художественных форм, их способность эволюционировать в самых разных направлениях, в том числе по пути, ведущему к их саморазрушению и самоуничтожению.

К 1960-м гг. нигилистический задор модернизма сполна насытился свободой от традиций и канонов. Многие философы и художники стали испытывать чувство некой «бездомности», «за-

брошенности», оторванности от чего-то важного, существенного. В результате возникли психологические и мировоззренческие предпосылки для возврата в лоно оставленных классических традиций. Культура оказалось в роли библейского блудного сына, прошедшего через испытания всеми возможными соблазнами, пресытившегося свободой, уставшего от странствий и возмечтавшего о возвращении в отчие пенаты. Так заявила о себе эпоха постмодернизма, представшая как переходный период постепенного расставания с модернизмом, успевшим полностью «выговориться», утолить все свои притязания, исчерпать все потенциалы и в какой-то мере устать от обстановки интеллектуальной и эстетической вседозволенности.

На первый взгляд могло показаться, что постмодернизм продолжил столь характерную для него и продолжающуюся со времен Ницше переоценку ценностей. Но впервые предметом переоценки стали ценности самого модернизма, и возникла ситуация самоотрицания, породившая, по словам Ю. Хабермаса, “модернизм наоборот”. Постмодернизм, как и модерн, оказался открытой системой умонастроений, но это была открытость уже иного рода: если модернизм был открыт прежде всего для разного рода деструкций, то постмодернизм обнаружил конструктивную устремленность, готовность к восстановлению оборвавшихся связей с классическим прошлым. Сказалась морально-психологическая усталость от обстановки безбрежного нигилизма, от оголтелой вседозволенности и расхристанности модернистской культуры. Обнаружилась ностальгия по духовному наследию классического прошлого. Для культуры, искусства, философии стало актуальным сознание собственной укорененности в духовном опыте прошлого, обнаружилось желание черпать материал из этой кладовой. Но при этом постмодернистскому сознанию не хотелось заботиться ни о смысловых соответствиях, ни о гармонических пропорциях образующихся сочетаний. Поэтому стали рождаться многочисленные философские штудии и художественно-эстетические опусы, в которых замутненные смыслы нередко граничили с бредом и безумием. То есть продолжала сказываться остававшаяся пока еще достаточно ощутимой привязанность современной культуры к модернистским стереотипам.

Основные черты и свойства новообразующейся парадигмы постмодерна:

1) культура постмодерна пока не имеет устойчивых, ясно выраженных стилевых признаков;

2) вектор культуротворческих устремлений разворачивается и устремляется вновь, как это уже было в эпоху классики, прочь от хаоса, навстречу порядку. Теперь, на излете эпохи модерна, культурное сознание пришло к отчетливому пониманию ценности, продуктивности хаоса. На этой волне стала успешно набирать силу синергетика, а в метафизической сфере широко распространился особый стиль философствования в виде склонности манипулировать «обломками» смысловых, ценностных, нормативных структур и извлекать из этих игр разные по своей значимости познавательные и эстетические эффекты;

3) вновь утверждается нормативность в самых разных видах, возникает тенденция движения от капризной мозаичности и беспринципной коллажности к симфонизму; этой тенденции соответствует образ «сжимающейся Вселенной», и это уже не хаос, но пока еще и не космос, а нечто среднее между ними с явно выраженной динамикой возрождения порядка, некогда разрушенного модернизмом;

4) философско-эстетическое сознание, пока еще пребывающее в плену симпатий к различного рода путаным неопределенностям, ризомам, лабиринтам, уже несет в себе установку на поиск новых форм системности;

5) культурное сознание пребывает в состоянии перехода от былой исторической антитезы принципов порядка и хаоса, т. е. от доминирования идеи порядка в классическую эпоху и преобладания идеи хаоса в культуре модерна к примирению этих двух онтологем в содержании третьей - онтологемы хаосмоса. Соединение моделей космоса и хаоса, накладывание одной на другую дает лабиринт или ризому символами культуры постмодернизма. Эпоха постмодернизма выступает как время становления нового типа порядка, непохожего на порядок классического типа, некогда разрушенный модерном.

Реальное пространство постмодернизма оказалось гораздо шире тех сугубо культурологических границ постфрейдистского и постструктуралистского характера, которыми его пытались огородить Ж. Деррида, Ж.- Ф. Лиотар, Ж. Лакан, Ж. Бодрийяр и другие европейские «отцы» постмодерна. Это особенно отчетливо видно с христианских позиций.

Полтора столетия господства модернизма – самая бесславная эпоха в истории христианского мира, когда утвердилось и стало господствовать убеждение, будто Бог «мертв», а дьявол здравствует, и когда эстетику теодицеи («оправдания Бога») сменила эстетика дьяволодицеи («оправдания дьявола»). Современное секулярное сознание не понимает, что эпоха модерна не случайно совпала с невиданными по размаху глобальными бедствиями человечества. Оно не желает понимать, что это еще и эпоха великого возмездия за все безумные попытки покушений на Бога. Это эпоха обретения миллионами людей тяжкого, сумрачного опыта жизни без Христа. И хотя этот опыт предельно отягощает человеческое существование, его воздействие на современную культуру пока еще не смертельно. Оно похоже на то воздействие, которое произвел Иуда на Христа и апостолов. Несмотря на свое предательство, он не изменил направления того пути, по которому шел Иисус, не поколебал веры апостолов. Модернизм, предавший Бога и Христа, умирает на рубеже тысячелетий столь же бесславно, как и предатель Иуда. А в возникновении явившегося ему на смену постмодерна присутствует нечто обнадеживающее, похожее на крик утопающего, который еще не знает, что будет спасен: «Господи, верую! Помоги моему неверию!»

1. Христиане относятся к постмодернистским исканиям без особого сочувствия. И так будет продолжаться до тех пор, пока лекарство, способное исцелить больной дух современной культуры, будет изыскиваться за пределами христианства. Но за пределами христианства господствует та же самая среда, которая некогда отравила культуру и до сих пор удерживает ее в состоянии духовной немощи. Культуре, чтобы исцелиться, необходимо дышать чистым воздухом христианской веры, черпать силы из чистого источника христианского откровения. Однако, лучшее, на что пока способно постмодернистское сознание, – это оперирование квазихристианскими категориями и манипуляции различными симулякрами, имеющими весьма отдаленное сходство с христианскими понятиями. Так, вместо Бога как Личности, как Субъекта, с Которым можно вступать в диалог, оно склоняется к пантеистическому, безличному пониманию Бога. Оно выказывает довольно пренебрежительное отношение к разуму и истине, рассматривает их как что-то необязательное и строит на этом основании апологии плюрализма и мультипарадигмальности. Между

тем, для христианского сознания все то, что не совпадает с христианской истиной, - это ложь.

Для постмодернистского сознания, как и во времена Ж. Ренана, характерны «своеобразные восторги по отношению к Христу». Они выглядят как восхищение нравственной и религиозной гениальностью Иисуса. Но поскольку постмодернист далек от веры в воскресшего Христа, его Иисус не имеет ничего общего с действительным Иисусом Нового Завета.

Лихих Геннадий Алексеевич,
епископ Церквей ЕХБ Курской
области.

Международным биографическим
центром Кембриджа включен в
номинацию «2000 Outstanding
Religious Leaders of the 20th Century»

*Убежден, что Библия вечна и
современна для любой эпохи,
а учение Иисуса Христа здорово,
практично и жизненно необходимо
каждому человеку.*

Об авторе: епископ Церквей ЕХБ Курской области с 1988 года.
Христианское воспитание получил в семье. Окончил медицинский
университет (КГМУ), г. Курск. Во время службы в армии и в годы
учебы познакомился с теорией и практикой атеизма. Поэтому
имел возможность сравнивать и выбирать. Принял крещение по
вере в 1976 году. В студенческие годы участвовал в христианском
молодежном движении.

НА ОБЛОМКАХ ИСТОРИИ ИЛИ В КНИГЕ ЖИЗНИ?

Наш соотечественник Александр Сергеевич Пушкин мечтал о том времени, когда над Россией взойдет «звезда пленительного счастья», и воспрянувшие от сна потомки «на обломках самовластья» напишут имена борцов за ее свободу [1]. Его коллега – поэт Владимир Маяковский, которому как раз довелось жить в эту эпоху, был свидетелем того, как именно это происходило:

*В наших жилах кровь, а не водица,
Мы идем сквозь револьверный лай,
Чтобы, умирая, воплотиться
В пароходы, строчки и другие долгие дела [2].*

Сотни названий городов, многие тысячи улиц и площадей призваны были стать нерукотворными памятниками тем, кто носил эти имена. Не забыты были также театры, университеты, горные вершины и даже небесные светила. И они напоминали о величии «властителей дум» и их законном праве на почет и уваже-

ние не только современников, но и будущих поколений. Эти имена звучали с самых высоких трибун в столицах и в песнях народных акынов в далеких аулах. Но, увы... Пришли иные времена, звучат другие имена.

Стоит заметить, что желание «сделать себе имя» появилось на заре человеческой истории. Когда люди, жившие после потопа, стали распространяться на земле, у них возникла интересная идея: «И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню высотою до небес; и сделаем себе имя прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли» [3]. Однако, несмотря на наличие солидного кадрового потенциала, новых прогрессивных технологий, вдохновляющей цели, то есть того, что в менеджменте считается залогом успеха в любом бизнесе, это начинание не было удачным. В их планы вмешался Господь. Бог смешал язык, на котором все говорили, нарушив тем самым систему их коммуникации – еще одно условие успешного бизнеса. Они перестали понимать друг друга и прекратили строить город. «По сему дано ему имя: Вавилон» [4]. Развалины города и его название (Вавилон означает: смешение) стало памятником одному из первых вызовов Всевышнему, синонимом беспорядка, разрушения и проклятия. Люди «сделали себе имя», но не то, на которое надеялись.

Возможно, **другим повезло больше**, чем незадачливым строителям Вавилонской башни или коммунистической утопии. Если мы слышим имена Сократ, Моцарт, Суворов, Гагарин, Калашников, уже нет необходимости что-то говорить и объяснять. Имя само говорит за себя. Родители дали прекрасные имена своим детям. Но, безусловно, это только одна часть дела. Эти люди не только получили имя от родителей, но и создали его всей своей жизнью.

А вот другой ряд имен: «Вольво», «Битлз», «Реал», «Кока-Кола», «Юкос». Эти имена не только содержат важную информацию, но и являются колоссальной ценностью. Приобретая автомобиль, компьютер, музыкальный инструмент, вы платите не только за качество товара, но и за принадлежность его к известной торговой марке, за брэнд. Компания «Кока-Кола», продающая свою продукцию по всему миру, подсчитала, что самое ценное у них – это не их заводы, оборудование, концентраты и даже не произведенный напиток. Название фирмы они оценили в 68,9 миллиарда долларов. Брэнд «Кока-Кола» - самый дорогой товар мира! *(Для сравнения: самая «дорогая» фотомодель Дженифер Лопес оценила свое тело в 1 миллиард).*

Среди прочих ценностей в древнем мире особенно почиталось драгоценное миро, или масть. Женщина, которая помазала Иисуса Христа, принесла алавастровый сосуд мира стоимостью в 300 динариев (1 динарий – дневная плата работника в винограднике). Но «доброе имя лучше дорогой масти», пишет мудрый Екклесиаст [5]. Велика цена доброго имени. Неудивительно, что люди так ценят личные, партийные или корпоративные имена.

Библейский царь Давид вел многочисленные войны с окружающими народами, но мечтал о мире и покое для своей земли. Неслучайно его сын получил имя Соломон (мирный). И действительно, он был человеком миролюбивым. Государство его было также крепко, как и при отце. Однако Соломон предпочитал не воевать, а дружить с соседями, заключив с ними, как сейчас говорят, взаимовыгодные договоры. Соломон оставил по себе доброе имя и подтвердил его своей жизнью.

Мы видим в Новом Завете ученика Иисуса Христа по имени Иоанн. Его называли «Сын грома» [6]. Очевидно, он имел «крутой» характер, готовый, как гром и молния, разить несогласных. Со временем этот вспыльчивый и невыдержанный человек стал кротким и внимательным к людям учеником, к которому имел особую любовь его Господь и Учитель. Прожив долгую жизнь, Иоанн понял, что в соответствии со своим именем (Иоанн - милость, благодать Божья), его призвание не разить, а любить и благословлять. Евангелие, Послания и Откровение Иоанна наполнены любовью и благодатью. Рефреном звучит его любимое наставление - «любите друг друга» [7].

Велика цена доброго имени. Но вместе с тем в книге Екклесиаста мы читаем ещё одно выражение: «Мертвые мухи портят и делают зловонною благовонную масть мироварника» [8]. Представьте себе человека, который приготовил миро и оставил его без присмотра до утра. Утром приходит - а там мухи. Все пришло в негодность, все надо выбросить.

Человек призван сохранить свое доброе имя. Однако и **имя может быть испорчено «мертвыми мухами»**. Ангелу Сардийской церкви сказаны такие слова: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» [9]. Хорошее имя, которое сохранилось и осталось прежним у Ангела Сардийской церкви, утратило свой смысл и содержание. Интересный пример из антиутопии Джорджа Оруэлла «1984». В Океании -государстве, построенном на принципах зла, ненависти, вражды и лжи, вопросами войны заведует министерство мира. Министерство правды пытается убедить всех, что война – это мир, а свобода – это рабство. А вопросами охраны

порядка ведает внушающее страх министерство любви. Попасть в него можно только преодолев целый лабиринт колючей проволоки, стальных дверей и замаскированных пулеметных гнезд [10]. Все вместе они готовят жителей страны к неделям ненависти и другим подобным мероприятиям. Названия у этих служб просто прекрасные, но вот содержание деятельности им прямо противоположно. Грех, дословно «промах» (амартия – греч.), невыполнение божественного предназначения, уничтожает доброе имя и приводит к духовной смерти: «ты носишь имя, будто жив, но ты мертв».

Каждый из живущих имеет право выбора. И как важно, чтобы мы ответственно относились к выбору своих путей. «В те дни, когда управляли судьи, случился голод на земле. И пошел один человек из Вифлеема Иудейского со своею женою и двумя сыновьями своими жить на полях Моавитских. Имя человека того Елимелех, имя жены его Ноеминь... И пришли они на поля Моавитские, и остались там» [11]. Обстоятельства жизни этих людей были очень тяжелыми, и, спасаясь от голода, они покидают свою родину. Семья идет с надеждой, что на новом месте их жизнь будет лучше. Но горек оказался хлеб чужбины! Вскоре Елимелех и его сыновья умирают, а Ноеминь вынуждена возвратиться в свою землю. «Это Ноеминь?!» - восклицают встречающие ее соседи. Но она сказала им: «Не называйте меня Ноеминью (приятная), а называйте меня Марою (горькая), потому что Вседержитель послал мне великую горесть» [12]. Бог милостив, и, потеряв своих сыновей в земле Моавитской, Ноеминь возвратилась со снохой по имени Руфь, которая стала ей благословенной помощницей. Но её муж и дети так и остались в чужой земле. Выбор неправильного пути приводит к горечи утрат и разочарованию.

Апостол Петр приводит в пример человека, имя которого стало нарицательным. «Оставивши прямой путь, они заблудились, идя по следам Валаама, сына Восорова, который возлюбил мзду несправедную, но был облечен в своем беззаконии: бессловесная ослица, проговоривши человеческим голосом, остановила безумие пророка» [13]. Вас не шокирует выражение «безумие пророка»? Валаам был пророком, и Бог через него показывал людям Свою волю. Однако он предпочел таланту от Господа дары моавитского царя Валака. Результатом его безумия и противления Богу стала бесславная смерть. А сколько тысяч великих еще повторили его судьбу, променяв свои таланты, а иногда и саму душу, на звон «презренного», но столь желанного металла! Но и приобретение целого мира не сможет возместить потерю собственной души [14].

Среди многих тысяч имен на нашей планете совершенно уникально имя Иисуса Христа. «Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» [15]. Ведь «...Бог превознес Его и дал Ему **имя выше всякого имени**, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» [16]. И тем не менее, Господь и Спаситель дает людям право на Свое имя. «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими» [17]. К сожалению, многие остаются всю жизнь только номинальными христианами.

Имя Иисуса Христа сохранилось чистым и праведным, несмотря на вражду, клевету, злословие и осуждение на смерть. Мы помним, что имя христиан часто также старались представить как бесчестное. Злые люди хотели бы, чтобы все добрые имена были такими же грязными, как и у них самих. Напрасные ожидания. Как это ни парадоксально, но тот, кто переносит несправедливое злословие, блажен: «Блаженны вы, когда... пронесут имя ваше как бесчестное за Сына Человеческого... велика вам награда на небесах» [18]. Самый справедливый, неподкупный и милостивый Судия – Всевышний, даст ему новое имя: «Побеждающему... дам белый камень и на камне написанное новое имя» [19]. Известно, что в древности судьи поднимали черный камень в знак осуждения и белый – в знак оправдания.

При всем разнообразии людей, живущих на земле, их **всех объединяет одно имя**. Это имя – Человек! «И сотворил Бог человека по образу Своему... Мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: Человек» [20]. Поражаясь могуществом Творца и величию Его творения, Гавриил Державин восклицает:

*В воздушном океане оном,
Миры умножив миллионом
Стократ других миров,- и то,
Когда дерзну сравнить с Тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед Тобой – ничто.*

Но его охватывает изумление и перед собственной способностью подобного постижения. Он видит отражение Бога в себе самом и все более изумляется:

*Ничто! – Но Ты во мне сияешь
Величеством Твоих доброт;
Во мне Себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод [21].*

Вечное чело, вечный образ Творца, отражение его в нашей жизни – вот наше высокое призвание! В этом основание нашего оптимизма, нашей веры и надежды. И поэтому неудивительно, что, обладая свободной волей, человек эпохи постмодерна сам выбирает, оставить ли свое имя на обломках истории или быть с теми, «которых имена - в книге жизни» [22].

Литература:

1. Пушкин А.С.- К Чаадаеву. Сочинения в трех томах. Т.1 М. Художественная литература,1987, стр.327.
2. Маяковский В. В. - Товарищу Нетте, пароходу и человеку. Стихотворения, поэмы, драматургия. М. Московский рабочий,1978.
3. Бытие 11,3-4.
4. Бытие 11,9.
5. Екклесиаст 7,1.
6. Марк 3,17.
7. 1Иоанна 4,11.
8. Екклесиаст 10,1.
9. Откровение 3,1.
10. Оруэл Джордж - 1984. «Новый мир» №2,1989, стр.133
11. Руфь 1,1-2.
12. Руфь 1,20.
- 13.2 Петра 2,15-16.
14. Марк 8,36.
15. Деяния Апостолов 4.12.
16. Филиппийцам 2,9-10.
- 17.1 Иоанна 3,1
18. Лука 6,22-23.
19. Откровение 2:17.
20. Бытие 1,27; Быт.5,2.
21. Державин Г.Р. - Бог. «Поэзия небес», СПб. Библия для всех, 1999. стр.26.
22. Филиппийцам 4,3.

**Калябин Геннадий
Анатольевич,**

*доктор физико-математических наук,
профессор кафедры информатики,
математики и естественнонаучных
дисциплин - Самарская
Гуманитарная Академия,
ведущий научный сотрудник
Института Систем Обработки
Изображений РАН, профессор
кафедры православной педагогики -
Самарская Православная Духовная
Семинария, (Самара).*

РАЗВИТИЕ ТОЧНЫХ НАУК В 20-М ВЕКЕ И ХРИСТИАНСКАЯ АПОЛОГЕТИКА

Первые годы каждого нового столетия всегда становились периодом осмысления итогов века прошедшего. В настоящее время уже появились глубокие и серьезные анализы военно-политической и социально-экономической истории, развития науки и техники, различных направлений философии, литературы, искусства, архитектуры и других областей человеческой деятельности. В данном кратком обзоре приводятся факты и сообщения, которые могут оказаться полезными при выработке православными своего отношения к достижениям математики и естественных наук (физики, космологии, геологии, биологии).

Бодрый оптимизм

Пророческие слова Александра Сергеевича Пушкина:

*"О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт - сын ошибок трудных,
И гений - парадоксов друг", -*

в значительной степени исполнились уже в 19-м столетии, и к его концу многим казалось даже, что большая часть знаний в естественных науках уже получена. В 1900 Максу Планку его более опытные коллеги советовали не начинать занятия физикой, потому что наука эта неперспективная, 95% ее проблем решены,

кроме разве нескольких небольших деталей, касающихся излучения черного тела, отрицательного результата опыта Майкельсона-Морли, новых довольно странных явлений Столетовского фотоэффекта и Беккерелевской радиоактивности, да выбора более подходящей модели атома, тогда как все остальное уже известно с замечательной точностью. Сейчас мы знаем, что каждая из этих «деталей» дала начало обширным отраслям новой физики, таким как теория относительности, квантовая механика (ее основоположником стал именно Макс Планк!) и теория элементарных частиц.

Благодаря гораздо более качественным и мощным телескопам и вновь созданным усовершенствованным приборам, астрономия также совершила значительный прорыв. Было обнаружено величественное и огромное по масштабам явление расширения Вселенной, проявляющееся в "красном смещении" света, приходящего от далеких галактик. Тем самым космология стала, наконец, областью науки, а не полем философских спекуляций и религиозных интуиций.

«Наука № 1», как часто именуют математику, также достигла огромного прогресса: многие (хотя и не все) известные старые проблемы были успешно решены (самым знаменитым результатом явилось доказательство в 1995 так называемой Великой теоремы Ферма, поставленной в середине 17-го века), появились совершенно новые отрасли математического знания, среди них теория алгоритмов, образующая (совместно с радиотехническими технологиями и физикой твердого тела) базис компьютерных наук. Огромны успехи и во многих других науках (химия, биология, исследования космоса). Все это способствовало прогрессу в развитии техники и технологий, чрезвычайно изменивших промышленность, сельское хозяйство, медицину, образование и облегчивших повседневную жизнь людей.

Трезвый пессимизм

Очевидно, с другой стороны, что развитие новых технологий как-то неотвратимо приводит к множеству вредных последствий, например, открытие цепной реакции деления урана привело не только к новому неисчерпаемому источнику энергии («мирный атом»), но - и что более существенно - к созданию ядерного оружия, уже примененного во Второй мировой войне и обладающего ужасающей разрушительной способностью, что было предсказано в Новом Завете: «стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет 3, 10). Радиоактив-

ное заражение - еще один результат открытия ядерных реакций - представляет собой по сути «трансмутацию» элементов, о которой мечтали средневековые алхимики. Поразительно, но факт: слово «попынь», которым в Апокалипсисе (8, 11) названа «звезда, спавшая с неба», в украинском языке совпадает с названием города Чернобыль, где в 1986 произошла крупнейшая в истории ядерная катастрофа. Загрязнение почвы, воды, воздуха и даже космоса «обычными» отходами человеческой деятельности стало серьезной проблемой для многих стран. Биологические эксперименты в качестве побочного продукта дали новые заболевания (СПИД, атипичная пневмония), а опыты (с плохо предсказуемыми результатами) по клонированию человека заостряют многие нравственно-этические вопросы. Компьютеры, чрезвычайно полезные в науке, технике и других областях, часто вызывают тяжелые психологические и умственные расстройства у молодых людей, увлекающихся компьютерными играми и интернетом. И все, конечно, знают, что среди изобретений 20-го века значатся военные самолеты (гражданские тоже могут быть использованы для массовидных убийств!), вертолеты, танки, химические и касетные бомбы, лазерные прицелы, разнообразные ракеты (высокоточные межконтинентальные, средней дальности и крылатые) с различными типами боеголовок и масса других видов новейших ужасающих вооружений.

Изъяны современного естествознания

Список «самых интересных и важных проблем в физике и астрофизике на 21-й век» был составлен академиком В.Л. Гинзбургом, самым яростным из современных российских атеистов и лауреатом Нобелевской премии за 2003 г. Под № 21 там значится «экспериментальная проверка общей теории относительности», поскольку «мы часто экстраполируем ее до расстояний, на которых она никогда не проверялась, - от атомных размеров до миллиардов световых лет». № 23 - это космологическая проблема (инфляция-раздувание, квинтэссенция и т.п.). И тем самым предлагавшиеся ранее решения объявляются недостоверными. «Острейший вопрос» (№ 27) - о природе «скрытой массы», связан с тем фактом, что полное наблюдаемое количество всех известных видов материи в 20-50 РАЗ (НЕ на 20-50 %!) меньше, чем то, которое необходимо для гравитационной устойчивости звездных систем и всей Вселенной. В.Л.Гинзбург, комментируя вопрос № 28 (происхождение космических лучей сверхвысоких энергий),

отмечает, что «для этой проблемы ранее уже давались убедительные объяснения, но потом оказалось, что все они были несостоятельны и *принимались только в силу многократного повторения*». Это глубокое замечание В.Л. Гинзбурга может быть с полным правом отнесено и ко многим другим концепциям современной физики и космологии.

Что касается полноты современной «научной картины мира», то ситуация подобна той, которая была 100 лет назад и, может быть, еще хуже: в космологии обнаружилось, что 95-99% общей массы галактик составляет так называемая «темная материя», чьи свойства неизвестны, поскольку она никак (исключая гравитационное притяжение) не взаимодействует ни с одним типом наблюдаемых объектов. В геологии сейчас принимается, что 95% земных слоев были сформированы в течение коротких периодов катастрофических изменений, а не в процессах медленного осаждения. В биологии только 3% расшифрованной информации генома отнесено к определенным функциям организмов. Логично поэтому предположить, что и современное неведение (т.е. отсутствие знаний об отсутствии знаний) остается огромным. Слишком оптимистичными и несерьезными выглядят попытки полагаться на выводы наук, которые через 10-20 лет могут резко измениться.

Новейшие измышления материалистов

В середине 20-го века выяснилось, что в рамках принятых космологических моделей требуется невероятно высокая степень взаимной согласованности большого числа физических параметров для того, чтобы объяснить саму возможность возникновения и поддержания жизни. Ничтожные отклонения (сравнимые с добавлением или с удалением из огромного океана одной-единственной капли) привели бы к тому, что вся вселенная превратилась бы в однородное разреженное газовое облако (без звезд и галактик) либо в массивный железный шар; и в том и в другом случае говорить о планетах, живых существах, а тем более о разумных наблюдателях, изучающих вселенную, было бы просто немыслимо. Этот ныне хорошо проверенный научный факт (о непостижимой благоприятности всех законов и параметров природы для возникновения в ней разума), высказанный в 1958 молодым алма-атинским астрономом Г.М. Иддисом и позднее перетолкованный западными учеными Дикке и Картером (1974), именуется в настоящее время «антропным принципом». С точки зрения христианской, антропный принцип является яркой научной иллюстрацией

люстрацией Божественной премудрости. Например, вице-президент Российской Академии Наук Владимир Евгеньевич Фортов в 1998 году так высказался относительно антропного принципа: «мир един и познаваем человеческим интеллектом потому и только потому, что существует Единый Бог, создавший Единым Промыслом и мир, и человека, и именно поэтому существует единый объект исследования».

Однако, по словам норвежского драматурга Генрика Ибсена, «волк хитромудрия воет, лает на солнце ученья Христа»; поэтому атеисты конца 20-го века (Я.Б.Зельдович, А.Д.Сахаров, А.Д.Линде и др.) ввели гипотезу о якобы множественности миров, преподносимую ныне как полностью доказанную, причем объявляется, что этих «принципиально ненаблюдаемых» вселенных имеется, как минимум, секстиллион секстиллионов или даже вообще бесконечное число, и чистой случайностью является факт нашего существования именно в таком мире. Типичный приверженец этих взглядов профессор Ю.Н. Ефремов уверен, кроме того, даже в том, что жизнь была импортирована в «нашу» вселенную сверхцивилизацией других миров, и предсказывает, что довольно скоро (как только будут решены мелкие земные проблемы - войны, терроризм, болезни, недоедание, социальная несправедливость) «ученые смогут производить новые вселенные в установках по исследованию элементарных частиц высоких энергий. Тем самым люди станут, как боги ...» Видимо, Ю.Н. Ефремов никогда не читал книгу Бытия (3, 5), иначе он знал бы, чьи слова повторяет. Отметим, что сама эта идея «множественности миров» кажется новой только современным атеистам, в действительности же еще в 3-м веке именно такие концепции выдвигал еретик Ориген, анафематствованный Церковью на 6-м Вселенском Соборе.

Ю.Н. почему-то не замечает, что его собственное мировоззрение, так возвышающее науку и ученых, больше похоже на фантастические романы и мало согласуется с реальной историей науки и мнением величайших ее представителей (Галилей, Паскаль, Ньютон, Ломоносов, Фарадей, Пастер, Павлов, Планк, Бор, Гейзенберг и многие-многие другие не менее известные ученые), которые единодушно утверждали, что вера в Библейского Бога-Творца не только не противоречит научным исследованиям, но, напротив, вдохновляет и направляет их в творческом поиске истины, поскольку Сам Спаситель и Господь наш Иисус Христос сказал: «и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32).

Научный креационизм

Так называют научное направление, представители которого рассматривают Библейское учение о творении как существенный и исключительно важный источник сведений о природе и ее происхождении. Креационистами найдены и верифицированы многие научные подтверждения молодого возраста земли и всей вселенной, разнообразные свидетельства всемирного потопа, вопиющие всей толщей геологических пластов, изучены биологические объекты, показывающие необыкновенную сложность и слаженность всех своих частей, и тем самым делающие абсурдными всякие спекуляции о «постепенном развитии живых организмов от простых к более сложным». Никому ведь не приходит в голову рассуждать об «эволюции», например, часов, автомобилей или самолетов. К тому же принимаемый сейчас смысл слова «эволюция» был введен только в конце 18-го века Эразмом Дарвином, дедом своего всемирно известного внука Чарльза, хотя первоначально в латинском языке эволюция означала «раскрытие, разворачивание качеств и свойств, в скрытой форме присущих изучаемому объекту», а в математике эволюцией называлась операция извлечения квадратного корня.

Разумеется, такой подход к исследованию природы вызывает резкое неприятие у философов и ученых, впитавших в ранней юности материалистическую идеологию, и именно они сейчас занимают командные позиции в российской и мировой науке (причем это манипулирование почти всегда остается скрытым за ширмой «непредвзятости и свободы научного поиска»). В нашей стране действует официальный «комитет по борьбе с лженаукой», возглавляемый академиком Э. Кругляковым, и в нем научный креационизм трактуется как «новый, еще более грозный враг, встающий на горизонте науки», наряду с действительно ложными учениями: астрологией, оккультизмом, НЛЮ, инопланетянами, паранормальными «феноменами», «торсионными» полями Шипова-Акимова, новой хронологией Фоменко-Носовского и т.п. При этом имеет место категорический отказ рассматривать по существу доводы креационистов и их предложения по дальнейшему изучению недостаточно исследованных вопросов, например, как будут развиваться растения и животные при повышенном атмосферном давлении (2-3 атм), которое могло существовать на земле до потопа и быть причиной гигантизма и большой продолжительности жизни, о чем ясно говорится в Священном Писании. Не проводится анализ наводнений и реальных про-

цессов седиментации (осаждения) переносимых водой пород (очень выразительным подтверждением Библейского повествования о потопе было извержение в 1980 вулкана Св. Елены в США и последовавшее за ним наводнение). Глухое молчание хранится и относительно тех космологических моделей (Р.Хамфриз и др.), в которых околоземная область космоса считается выделенной, находящейся в центре вселенной. Считается почему-то «более естественным» и «скромным» рассматривать землю как ничтожную и заурядную пылинку в необъятных просторах, ничем не примечательную, хотя 40-летние (потребовавшие больших усилий и затрат) поиски космических сигналов от «братьев по разуму» дали полностью отрицательный результат, и сейчас признается (В.И. Шкловский), что мы во вселенной совершенно одиноки. Возможно, что именно непринятие Христианской точки зрения стало сейчас тормозом на пути конструктивного решения научных проблем, накопившихся к началу 21-го века.

Диалог религии и науки

Относительно доминирующих в настоящее время в «стандартной» космологии концепций Большого Взрыва и эволюции Вселенной отметим, что хотя эти идеи лишь в малой степени соответствуют Библейскому учению о «творении из ничего», они уже давно были богословски разработаны «всемирно известным» философом-иезуитом Тейяром де Шарденом и приняты Римско-Католической Церковью (официальное заявление об этом было сделано папой Пием XII в 1951 г.). Следует отметить, что ни один из последующих римских понтификов не выразил прямого отношения к новым физическим теориям, что юридически означает дезавуирование заявления их предшественника. За этим стоит, разумеется, открытое и скрытое неприятие модернизма большинством католиков мира.

В либеральных протестантских конфессиях царит радостная эйфория по поводу того, что наконец-то достигнута «гармонизация науки и религии». При этом без всяких оснований постулируется, что «Бог творил и совершенствовал мир посредством эволюции, заложив в Природу телеологический принцип, т.е. свойство саморазвития», чего конкретные науки отнюдь не обнаруживают. Кроме того, объявляется, что поскольку Библейское учение является якобы «чисто этическим», то утверждения научного характера в тексте Священного Писания следует понимать не буквально, а в символическо-аллегорическом смысле. Проти-

воречия между науками и Христианством, по их мнению, снимаются тем, что у этих двух сфер разные (непересекающиеся) области применимости.

С другой стороны, многие протестанты-фундаменталисты резко возражают против этого либерального взгляда, настаивая на буквальном истолковании шести дней творения и других утверждений Писания, касающихся научных вопросов. Именно эти протестанты организовали первые научно-исследовательские общества креационистов, хотя по своей богословской сути креационный подход восходит к Святоотеческому учению, что убедительно показано в трудах иеромонаха Серафима Роуза, перешедшего из протестантизма в Православие.

В Русской Православной Церкви единой позиции по данному вопросу сейчас нет: большинство верующих убеждены в том, что Библия должна истолковываться так, как было установлено Св. Отцами (Василием Великим, Иоанном Златоустом, Феофилактом Болгарским); самой активной из этих групп является Общество «Шестоднев», возглавляемое священниками Константином Буфеевым и Даниилом Сысоевым. Однако Комитет религиозного образования и катехизации РПЦ (который возглавляет архимандрит Иоанн Экономцев) официально поддерживает и идею Большого Взрыва, и концепцию «направляемой Создателем эволюции» не только в космологии, но и в науках о земле, и в биологии. Со стороны высшего руководства РПЦ раздаются призывы о необходимости разумной осторожности, поскольку амбиции современных наук явно завышены, особенно в таких сложных областях, как структура Вселенной и материи, возникновение небесных тел и жизни на земле, а также в исследовании Православных чудес, которые именно в 20-м столетии стали вновь обильно изливаться.

Научные открытия 20-го века, действительно, огромные, еще и еще раз доказывают то, что было три тысячи лет назад написано в Псалмах пророка Давида:

«Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь; славлю Тебя, Господи, ибо я дивно устроен; дивны дела Твои, Господи, и душа моя вполне сознает это».

Как жаль, что лишь совсем немногие из ныне живущих узнают, какими станут точные науки **в конце** 21-го века!

Спичак Александр Иванович, кандидат технических наук,
ученый секретарь НБЦ «Апологет» (Курск).

ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЙ ХАОС – БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА УСТРОЙСТВО МИРА В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА

Если бросить беглый взгляд на состояние нашего мира, то создается впечатление, что наш мир находится в хаосе. Войны, природные катаклизмы, революции, невозможность прогнозировать будущее – все это, на первый взгляд, заставляет придти к такому выводу.

С другой стороны, можно услышать мнения некоторых людей, которые говорят, что все в этом мире предрешиено. Что есть своего рода рок, судьба, и человек, как бы ни стремился уйти от судьбы, все равно получит то, что ему отведено...

До эпохи Просвещения среди большинства людей как раз и царило то мировоззрение, что все за них уже предрешиено. Что от них мало что зависит. Что боги или Бог решают судьбы.

В период Просвещения у людей появилась надежда открыть для себя секреты своего существования. Со времен Просвещения человечество возлагало большие надежды на науку, что она даст ответы на проблемы бытия. Большой научный прогресс окрылял ученых, наполняя их надеждой, что однажды знания дадут полное понимание устройства мира, и это решит проблему хаоса и неизвестности.

Однако в 20 веке стало появляться все больше людей, которые стали всерьез задумываться о мрачном пророчестве одного из отцов квантовой механики Е.Вигнера о том, что наука имела начало и будет иметь конец. Интерес к науке среди нового поколения стремительно падает. Сейчас все меньшее количество людей интересуется фундаментальной наукой. Сегодняшний сериал

«Студенты» достаточно кардинально отличается от «Приключений Шурика» 60-х.

Более того, человек оказался совсем не тем, что о нем думали Просветители. Они полагали, что знание позволит действовать разумно. Однако 20-й век показал, что высокий технический уровень, огромный объем перерабатываемой информации не избавляет общество от войн, конфликтов, терроризма. Все научные открытия со времен эпохи Просвещения не дают ответа на простейший, на первый взгляд, вопрос, почему люди готовы действовать во вред себе и согласны жить на помойке?

Человек оказался загадкой не только в социальном, но и в техническом смысле. Скорость передачи информации в нашей нервной системе в миллион раз ниже, чем в персональном компьютере. Время срабатывания нейрона также многократно ниже такта компьютера. Очевидно, что при анализе работы мозга нужно отталкиваться от совершенно других принципов, чем от тех, которые заложены в работу компьютера. Несмотря на огромный научно-технический прогресс, много вопросов остается без ответов.

Также наука не дала чувства безопасности человечеству. Наши технологические успехи действительно весьма скромны. Произошли катастрофы на атомных станциях, надежность которых еще недавно оценивали 10 в -6 степени аварий в год, то есть одна авария в миллион лет. За последние тридцать лет число природных и техногенных бедствий с большим экономическим ущербом возросло вчетверо. Наш технический и научный прогресс оказался бессилем перед проблемой терроризма. Несмотря на все достижения науки, человек в этом мире не может почувствовать себя в безопасности. Этот мир все еще остается для человека непредсказуемым и непознанным.

Все это оказывает влияние и на богословское восприятие мира. Есть ли такое понятие, как судьба, когда все в этом мире решено за нас, или, наоборот, все зависит от человека, и только он определяет ход своей жизни? Средневековый фатализм сменяется на абсолютный индивидуализм, когда человек считает, что он и только он определяет, что с ним произойдет.

У многих людей возникает чувство, что в этом мире нет Того, кто бы стоял над всем этим миром и управлял им. Если бы Бог управлял этим миром, то мир бы не был в таком хаосе, гово-

рят они. Если Бог есть, то почему мы живем так плохо? Почему происходят войны, почему у террористов получается вершить свои планы, почему нет безопасности и порядка? Управляет ли Он вселенной на самом деле?

Если посмотреть на информацию, которую мы получаем из СМИ, то возникает впечатление, что Библейский Бог устарел и сейчас Его место надо отдать мимистке, Х-файлам, Зачарованным. Постмодернизм влияет и на богословские взгляды многих людей.

В 1970 году вышел известный фильм «Экзорцист», который оказался очень популярным в Америке. Число обращений к экзорцистам, изгоняющим дьявола и порчи, возросло многократно.

Появляются христианские учения, представители которых говорят о том, что Бог правит этим миром только тогда, когда у него выпадает шанс. Что Бог самый большой неудачник в Библии. Что Бог не может ничего сделать в этом мире, если человек Ему этого не позволит.

Но так ли это на самом деле? Есть ли в этом мире порядок, или действительно весь мир лежит в хаосе?

Прежде чем перейти к анализу изменения богословских взглядов в условиях постмодернизма, необходимо углубиться в понятия хаоса и порядка.

Когда говорят о детерминированности, то подразумевают однозначную взаимосвязь причины и следствия. Если задано некоторое начальное состояние системы, то оно однозначно определяет состояние системы в любой момент времени. Например, если тело движется равноускоренно, то его скорость определяется детерминированным законом

$$V(t)=v(t_0)+at$$

При задании начальной скорости мы однозначно можем определить значение скорости в любой момент времени.

В общем виде это будет выглядеть как

$X(t)=F[x(t_0)]$, где F – некий детерминированный закон, по которому можно определить значение состояния системы в любой момент времени.

Теперь давайте вернемся к понятию хаоса. Долгое время в человеческом сознании хаос стал синонимом абсолютного беспорядка. С ним было связано понятие совершенно непредсказуемо-

го, неуправляемого состояния или процесса, преобладания случая над порядком и разумом.

Чтобы представить хаос, давайте мысленно представим броуновское движение. Если мы будем фиксировать положение частиц через определенные равные отрезки времени, то мы никогда не получим одинаковой картины. Мы не сможем рассчитать положения частиц в следующий момент времени. Движения частиц представляют сложный, непредсказуемый процесс.

Но может ли случайный процесс быть детерминированным? А в детерминированном процессе могут ли обнаруживаться элементы случайного, хаотического поведения? На первый взгляд кажется, что это два взаимоисключающих понятия. Случайный процесс — это такой процесс, точное предсказание поведения которого принципиально невозможно. Можно лишь ставить вопрос о вероятности того или иного варианта его развития. С другой стороны, детерминированный процесс — это по определению процесс, каждый шаг которого предопределен некоторыми закономерностями, которые нам заведомо известны. Иными словами, это означает, что можно со 100-процентной вероятностью предсказать его будущее развитие во времени.

Например, если речь идет о механической детерминированной системе, то хорошо известно, что задание начальных условий — координат и импульсов — однозначно определяет последующее ее поведение. Именно поэтому во времена преобладания механистического взгляда на природу вещей появилось известное изречение Лапласа: "Дайте мне начальные условия, и я предскажу будущее мира". Эта уверенность в правоте Лапласа и предсказуемости поведения систем, описываемых классической механикой, сохранялась вплоть до самого последнего времени в сознании большинства ученых. Однако исследования последних 20 лет показали, что не все так просто и что детерминированная механическая система может вести себя совершенно непредсказуемо. И наоборот, в основе нерегулярного, хаотического поведения часто лежит вполне детерминированный процесс.

В природе и в повседневной практике много таких процессов, которые, на первый взгляд, выглядят совершенно случайными, хаотическими. Простейший пример такого рода — это турбулентное движение жидкости, например, в горной реке или в

чайнике, когда он кипит на сильном огне. Турбулентные конвективные потоки воздуха в атмосфере Земли затрудняют долгосрочный прогноз погоды. Форма горных рельефов и облаков на небе тоже кажется очень сложной, непредсказуемой, а поэтому случайной. Радиолюбителям хорошо известно, что усилитель на пороге генерации (а именно тогда он обладает наибольшей чувствительностью) может легко срываться в хаотический режим, и тогда на выходе появляется сигнал, похожий на шумовой, который поэтому раньше неправильно относили к усиленному прибором тепловому шуму.

Похожее явление возникает в лазерах и в других приборах нелинейной оптики. Хаотические вариации со временем прерывают численности популяций отдельных видов насекомых. Концентрация компонентов в ходе химической реакции тоже может меняться во времени крайне нерегулярным образом. Вынужденные колебания обычного математического маятника под воздействием периодической внешней силы становятся хаотическими, если амплитуда вынуждающей силы превосходит некоторое критическое значение.

В 1963 году Рэй Брэдбери опубликовал фантастический рассказ, в котором сформулировал идею динамического хаоса. В этом рассказе один из организаторов предвыборной кампании после победы своего кандидата отправляется в путешествие по времени. Фирма, организующая такую поездку, предлагает охоту на динозавров, которым в ближайшее время суждено умереть. Чтобы не нарушить сложную ткань причинно-следственных связей и не изменить будущее, следует двигаться по специальным тропам. Однако герой не смог выполнить этого условия и нечаянно раздавил золотистую бабочку. Возвратившись назад, он видит, что изменились состав атмосферы, правила правописания и итог предвыборной кампании. Едва заметное движение повалило маленькие костяшки домино, те повалили костяшки побольше, и, наконец, падение гигантских костяшек привело к катастрофе. Отклонения от исходной траектории, вызванные раздавленной бабочкой, стремительно нарастали. Малые причины имели большие следствия. Математики называют это свойство чувствительностью к начальным данным. Это так называемый известный «эффект бабочки», когда малые изменения в начальных условиях ведут к большим изменениям в будущем.

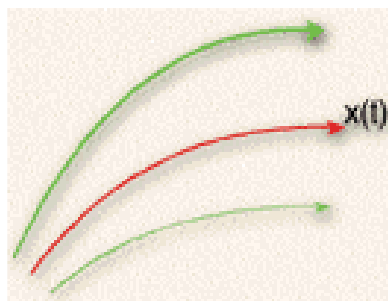

Рис. 1. Любая динамическая система определяет траекторию в фазовом пространстве, например, такую, как показана красным цветом. Динамический хаос обусловлен тем, что соседние траектории (показанные зеленым) удаляются от нее. Из-за этого малые причины могут иметь большие следствия.

В том же 1963 году мысль о принципиальной ограниченности нашей способности предсказывать (или, как сейчас говорят, о существовании горизонта прогноза, или пределов предсказуемости) даже в мире, который идеально описывается классической механикой, была высказана лауреатом Нобелевской премии Ричардом Фейнманом. Для существования горизонта прогноза не нужно, чтобы "Бог играл в кости", добавляя в уравнения, описывающие нашу реальность, какие-то случайные члены. Объекты, поведение которых мы не можем предсказывать на достаточно большие времена, могут быть очень простыми.

То, что чувствительность к начальным данным ведет к хаосу, понял - и тоже в 1963 году! - американский метеоролог Эдвард Лоренц. Он задался вопросом: почему стремительное совершенствование компьютеров не привело к воплощению в жизнь мечты метеорологов - достоверному среднесрочному (на 2-3 недели вперед) прогнозу погоды? Эдвард Лоренц предложил простейшую модель, описывающую конвекцию воздуха (она играет важную роль в динамике атмосферы), просчитал ее на компьютере и не побоялся всерьез отнестись к полученному результату. Этот результат - динамический хаос - есть непериодическое движение в детерминированных системах (то есть в таких, где будущее однозначно определяется прошлым), имеющее конечный горизонт прогноза.

С точки зрения математики, можно считать, что любая динамическая система, что бы она ни моделировала, описывает

движение точки в пространстве, называемом фазовым. Важнейшая характеристика этого пространства - его размерность, или, попросту говоря, количество чисел, которые необходимо задать для определения состояния системы. С математической и компьютерной точек зрения, не так уж и важно, что это за числа - количество рысей и зайцев на определенной территории, переменные, описывающие солнечную активность или кардиограмму, или процент избирателей, до сих пор поддерживающих президента. Если считать, что точка, двигаясь в фазовом пространстве, оставляет за собой след, то динамическому хаосу будет соответствовать клубок траекторий. Для существования динамического хаоса необходимо, чтобы размерность фазового пространства была 3 и выше. Например, такой, как показано на рис. 1. Здесь размерность фазового пространства всего 3. Замечательно, что такие удивительные объекты существуют даже в трехмерном пространстве. Для таких клубков другие классики нелинейной науки Д. Рюэль и Ф. Такенс в 1971 году предложили название - странный аттрактор.

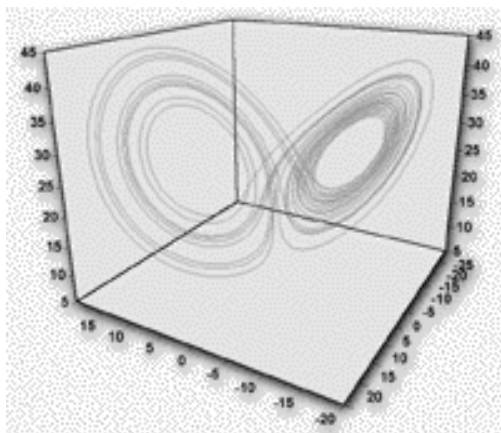

Рис. 2. Такая картина, полученная на компьютере после анализа системы уравнений, убедила Э. Лоренца, что он открыл новое явление - динамический хаос. Этот клубок траекторий, называемый сейчас аттрактором Лоренца, описывает непериодическое движение. Движение в этом случае не станет периодическим, сколько бы мы ни ждали.

Теперь давайте подытожим. Есть процессы, которые кажутся хаотическими. Траектория аттрактора никогда не пересе-

кается, сколь бесконечно долго мы бы ее ни прослеживали. Она выглядит, словно хаотическая. Однако она описывается детерминированными законами. И в каждый момент времени этому процессу соответствует только одна определенная точка в фазовом пространстве.

Итак, несмотря на кажущийся хаос, многие хаотические процессы в этом мире детерминированы, просто порядок этот гораздо более сложен.

Итак, давайте вернемся к христианству.

Если вспомнить об «эффекте бабочки», то всего лишь взмаха бабочки хватило для того, чтобы привести к урагану, буре, огромным последствиям. В Эдемском саду много тысяч лет назад бабочка взмахнула крыльями, когда Адам и Ева согрешили. И мы сейчас живем в буре и урагане, к которому это привело. Изменение начальных условий привело к изменению траектории движения. История пошла по своему «историческому аттрактору».

Христианство в корне отличается от всех языческих религий. Во всех религиях налицо присутствие дуализма: две силы, противоборствующие друг другу, добро и зло, инь и янь, хороший бог и злой бог, делят между собой сферы влияния. И человек оказывается между этими двумя силами. Все это рождалось в сознании людей, объяснявших таким образом проблему страданий и зла в этой жизни. И это говорит о человеческой природе этих религий.

В христианстве же есть только один истинный Бог, одна истинная сила, которая устанавливает порядок вещей в сотворенном Им мире (Ис 48:13). Каждому своему творению Бог дал свободу в установленных Им рамках (Быт 2:16-17). Творение, используя свободу, поступает плохо, творя зло, но Бог выше этого зла и властен использовать его по своему плану (Иер 32:42). Дьявол – это всего лишь падшее творение Бога (Ин 1:2), которое действует только в отведенных ему границах. Эти границы устанавливает Бог.

Бог допустил продажу Иосифа в рабство братьями, зная, что Он обратит это во благо (Быт 45:5). Братья Иосифа были свободны выбрать зло, они воспользовались своей свободой. Но Бог выше этого зла. Он использовал это решение для Своего замысла.

Иуда предал Христа. Это было его решение, и он сам ответственен за свой выбор. После этого предательства произошло

распятие Христа, чистое зло. Но Бог допустил распятие Христа, и Он использовал это для спасения людей. Бог выше зла своего свободного творения.

Иисус снял все вопросы, сказав, что даже ни одна из малых птиц не упадет без воли Отца Небесного (Мат 10:29-31). А мы гораздо дороже птиц. Так что все, несмотря на свободный выбор, все в этом мире находится в руках Божьих.

Мы получили от Бога свободу выбирать добро или зло. Он дал нам ее, не дай Он ее, мы бы не могли выбирать (Иоанна 19:11). Но мы сами ответственны за свой выбор, пребываем ли мы во тьме, не принимая Христа и творя зло, или пребываем во свете.

Примечательна цитата Клайва Льюиса:

Злой человек обижает ближнего, участвуя тем самым в чистом зле. Но Бог использует его злые дела без воли его и согласия, чтобы произвести новое добро. Итак, добрый служит Богу как сын, злой – как орудие. Что ни делайте, Бог все приведет к добру, но для вас отнюдь не безразлично, кто вы Ему – Иуда или Иоанн¹.

Мы будем нести ответственность за свой выбор. Поступая по-своему, мы делаем из себя маленького бога (в своих глазах), думая, что сами знаем, что добро, а что зло (Быт 3:5). Но как бы мы ни поступали, мы не сможем расстроить или нарушить Божий порядок (Ис 51:7-8; Ис 54:17)! Его совет состоится (Ис 46:10). Его порядок выше хаоса его творения (Ис 40:5; Ис 46:10; Ис 55:9).

Поэтому хаос жизни – это хаос кажущийся. Каждое живое сотворенное существо, включая животных, людей, ангелов, обладает свободой, поступает по своей воле и составляет этот хаос. Но этот хаос детерминирован, или упорядочен, Богом. Порядок этот сложный, непостижимый человеческим разумом. Но это лишь доказывает нечеловеческое происхождение христианства, оно не могло родиться в разуме человека.

Как бы жестко это не звучало, но этот мир – это идеальный мир для человека в том состоянии, в котором он оказался после грехопадения. Для такого человека нельзя придумать более совершенный мир. В истории было много утопистов, которые пытались построить в своих рассуждениях новый идеальный мир,

¹ C.S.Lewis, *The Problem of Pain*, New York The Macmillian Company 1944, стр 99; перевод автора

но все их рассуждения разбивались о природу человека. В этом мире мы задаемся многими сложными вопросами: «Почему умирают младенцы?», «Почему страдают невинные?», «Почему есть несправедливость?» и т.д. Но опять же, как бы жестко это не звучало, все это нужно, чтобы человек перешел из состояния безразличия к богоисканию и внутреннему преобразованию.

Дух человека даже не начнет пытаться подчинить свою эгоистичную волю, пока у него кажущееся благополучие. У ошибки и греха есть общее свойство: чем сильнее грех или ошибка, тем меньше человек осознает присутствие греха или ошибки; они – замаскированное зло. Боль – это открытое зло: каждый человек знает, что что-то не так, когда ему больно...

И боль – это не только мгновенно распознаваемое зло, но это то зло, которое невозможно проигнорировать... Боль настаивает на том, чтобы на нее обратили внимание. Бог говорит шепотом в наших удовольствиях, говорит в нашей совести, но Он кричит в нашей боли. Боль – это мегафон Божий для того, чтобы пробудить глухой мир...

Конечно, боль как мегафон Божий – страшный инструмент. Она может привести к полному, бесповоротному мятежу. Но она дает единственную возможность плохому человеку исправиться. Боль срывает покров; она водружает флаг истины в крепости мятежной души...¹

В христианстве есть один Бог, один Владыка, сущий над всем Бог (Рим 9:5), и все Им, чрез Него и к Нему (Рим 11:33). Он держит все в своей руке и ведет этот мир по единственно верной траектории искупления. И хотя творению дана свободная воля, которая может привести к хаосу, этот хаос детерминирован. И каждый из нас должен сам решить, кто он в этом детерминированном хаосе жизни: Иоанн или Иуда.

¹ C.S.Lewis, The Problem of Pain, New York The Macmillian Company 1944, стр 80-83; перевод. автора

Кликунов Николай Дмитриевич,

*кандидат экономических наук,
проректор по научной работе,
профессор Курского института
менеджмента, экономики и бизнеса
(Курск).*

КОНЦЕПЦИЯ СВЕДЕНБОРГА – ПОПЫТКА ПРИМИРЕНИЯ ВСЕБЛАГОСТИ И ВСЕМОГУЩЕСТВА БОГА

*Первое, что нужно сделать, – придать
истинный смысл словам*

В настоящее время научные и околонучные исследования развиваются по двум направлениям – запутаизм и распутаизм. Первое направление, забывая о заповедях Оккама, множит сущности, выстраивает их относительно друг друга, старается убедить исследователя в том, что одна путанная сущность более убедительна, чем другая. Второе направление, используя известную бритву, старается сущности не множить без крайней необходимости (хотя что такое крайняя необходимость?). У этого направления есть недостаток - распутывая неизбежно приходится упрощать и, зачастую, с «водой выбросить и ребенка». Однако распутаизм стратегически выглядит более привлекательным, так как прежде чем усложнять, необходимо упростить проблему ¹. В данной статье я буду исходить из позиций распутаизма, в чем-то неизбежно упрощая проблематику.

Рассматривая роль Бога или божественного провидения в нашей жизни, неизбежно приходишь к логическому противоречию между понятиями «всесильность» и «всеблагость». Если Бог всемогущ, то почему Он допускает на земле зло? Зло бывает заслуженным и незаслуженным. Чем провинились жители Юго-Восточной Азии или Нового Орлеана? Почему кара божественная коснулась именно их? Если кто-то заслужил отрицательного к себе отношения, то кара оправдана. В этом случае Бог является

¹ Возникает вопрос – к какому направлению отнести постмодернизм?

карающей силой, увеличивая, в конечном счете, рост счастья на земле или, говоря профессиональным экономическим жаргоном, общественное благосостояние. Однако, допуская случайное немотивированное зло, Бог вызывает сомнения в его неограниченной доброте или всеблагости.

Если бог всеблаг, то он не всемогущ. Следовательно, существуют определенные силы зла, которые не менее (может, и не более, но нужно считать соотношение счастливых и несчастливых исходов – задача для современной статистики пока непосильная) могущественны, чем божественное провидение. Тогда Бог – не более чем элемент сложной системы мироздания, и Его роль можно низвести до роли одного из противников в непрерывном сражении сил добра и зла. Вопрос на кого из борцов ставить в этом сражении, остается открытым для думающего человека. Целый ряд так называемых мистических триллеров неявно исходит из этой посылки, да и выводы, к которым приходят режиссеры и которые пытаются навязывать зрителям, часто противоречивы.

С точки зрения автора статьи, данная проблема была достаточно оригинально решена Эммануилом Сведенборгом. Он примиряет концепции всеблагости и всемогущества, оставляя за человеком неограниченную свободу выбора. Бог настолько всеблаг, что оставляет за человеком право на злые деяния. Говоря языком экономиста, в основе концепции божественного провидения лежит принцип Парето-улучшений: если кому-то становится лучше, а другим хуже не становится, то счастье или общественное благосостояние увеличивается.

Человек сам выбирает свою судьбу – и в течение своей жизни и после смерти он продолжает искать свой путь, свое счастье. Люди, находящие удовольствие в заговорах, кознях и иных несправедливых деяниях, как при жизни, так и после нее продолжают получать удовольствие от своей деятельности. Они в конечном счете попадают в ад. Однако ад для них то место, где им становится лучше. Они не понимают проблем ада – они живут в постоянных склоках, спорах и драках и получают от этого несказанное удовольствие. Они находят в аду свое счастье.

Люди, ориентированные на праведную жизнь и стремящиеся обрести жизнь райскую, избегают подобных столкновений или

«игр с нулевой суммой»¹. Их основной стратегией становится участие в играх с ненулевой суммой, т.е. в таких играх, где выигрывают обе стороны. Люди, ориентированные на праведную жизнь, строят свои отношения на взаимовыгодном обмене, который не порождает отрицательных побочных последствий для прочих лиц. Подобное приращение счастья у всех участников процесса, в конечном счете, и приводит людей в рай. Рай, в данной модернизированной мною концепции Сведенборга, и есть место, где существуют лишь взаимовыгодные действия, что и приводит к максимальному счастью максимального количества людей².

Здесь возникает вполне уместный вопрос – в какой степени божественное провидение направляет человека на тот или иной путь? Ответ на данный вопрос мне неизвестен, однако в своей жизни я пытаюсь использовать сравнительный анализ божественного провидения с генератором случайных чисел. Доказательство божественного мне видится в тех событиях, которые статистически невозможны или почти невозможны, но все же случаются. Например, встреча со знакомым человеком в незнакомом городе, ожидание важного телефонного звонка и факт звонка и прочие события. Мне представляется, что через подобные статистически маловероятные случаи божественное провидение и обозначает свое присутствие, влияя на нас. Вопрос лишь в том, реагируем ли мы на данные сигналы и как мы реагируем?

Бог всемогущ и всеблаг в том смысле, что позволяет всем: и грешникам, в нашем традиционном понимании, и святым, в нашем традиционном понимании, находить свое счастье. Следует отметить, что, в этом смысле, данная концепция целиком лежит в рамках современной экономической аксиоматики.

Возможно, примирение первоначальных смыслов теологии и экономики и составляет одну из ключевых целей постмодернистской концепции.

¹ Игра с нулевой суммой - разновидность игр, при которых выигрыш одной стороны в точности равен проигрышу другой. Примерами игр с нулевой суммой являются войны, выборы, производственные конфликты, воровство, «кидалово» и прочие.

² и ангелов, добавил бы Эммануэль Сведенборг

Хачатрян Тигрий,

*священник, руководитель Миссионерского отдела Курской Епархии РПЦ,
(Курск)*

ПРАВОСЛАВНАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА И ЭСТЕТИКА ПОСТМОДЕРНИЗМА

Прежде чем перейти к сути своего выступления, считаю необходимым сделать небольшое заявление. Думаю, что мы легче будем понимать друг друга, по крайней мере, слышать, если определимся в одном очень важном вопросе. В процессе разработки методологии гуманитарных и даже негуманитарных наук в XX веке была проделана серьезная работа, которая привела к пересмотру некоторых до этого считавшихся незыблемыми положений научного знания. М.М. Бахтин в своей последней работе, которая называется «К методологии гуманитарных наук», обозначил проблему «контекстов понимания»¹. С другой стороны, Вернер Гейзенберг вслед за другими крупнейшими физиками XX века предложил точку зрения, согласно которой полученный результат описания той или иной системы зависит *от позиции по отношению к этой системе* исследователя². А после работ Хайдеггера и Гадамера вряд ли есть необходимость специально доказывать, что так называемого «чисто объективного», то есть безоценочного, беспредпосылочного подхода просто не существует. Как скажет Гадамер в работе «Истина и метод», «традиция ... в значительной степени определяет наши установки и поступки»³. Другими словами, исследователь должен рефлексировать, в пределах какой традиции, какой аксиологии он находится.

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 361-373.

² Гейзенберг В. Физика веры. М., 1969. С. 179.

³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 329, 334.

В этом смысле ваш покорный слуга заявляет, что он находится в пределах аксиологии православно-христианской философии творчества и не намерен выходить за ее пределы.

Итальянский семиотик Умберто Уко в одной из своих работ определил постмодернизм как «духовное состояние»¹. И это не случайно, потому что закономерным итогом разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, торжество разума, безграничность человеческих возможностей, что когда-то должно было произойти, стала демонстрация исчерпанности системы классической философии и потерянности философа в многообразии методов неклассической философии, попытка формирования нового мироощущения². Борис Парамонов в своей книге «Конец стиля» скажет о том, что П. «не верит в субстанциональность, реализм святости, красоты и морали»³. Но каков характер этого разочарования и неверия? Пассивно-страдательный или атакующе агрессивный?

Тот же Борис Парамонов отождествляет П. и демократию. На мой взгляд, весьма важным является решение проблемы определения духовно-эстетических ориентиров постмодернистской демократии. Для этого следует остановиться на основополагающих принципах П., проанализировать их эстетическую структуру и попытаться найти их первоисток в сфере человеческого духа.

Авторы лексикона неон-классики – этого последнего энциклопедического научно-информационного концептуального исследования, посвященного художественно-эстетической культуре XX века, считают, что «центральное место в постмодернизме занимает комическое в его иронической ипостаси: иронизм становится смыслообразующим принципом мозаичности постмодернистского искусства»⁴. Стремление включить в современное искусство весь опыт мировой художественной культуры путем ее ироничного цитирования провоцирует смешение всего и насмешливость над всем. И добавим, не только предшествующего опыта, но и современной жизни. В силу этого игра воспринимается как

¹ Цит. по: Николаева О. Православие и свобода. М., 2002. С. 275.

² Маньковская Н. Париж со змеями. Введение в эстетику постмодернизма. М., 1995. С.222.

³ Цит. по: Николаева О. Православие и свобода. М., 2002. С. 276-277.

⁴ Маньковская Н. Постмодернизм // Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура / Под ред. В.В. Бычкова. М., 2003. С. 352.

метафизика постмодернизма и вырастает величиной в жизнь. А это в свою очередь становится возможным, потому что в постмодернизме мир составляет некое культурное единое пространство («метапространство») и, что самое главное, весь заключается в настоящем («метаистории»), потому что прошлого и будущего нет, поэтому предметы, содержащиеся в нем (в том числе и ценности) могут быть перемещены и, в силу своего перемещения, получают иной смысл, иную знаковую форму. Важно учитывать три момента: кто, когда и где. Чтобы стать орудием манипуляции, выражением авторской аллюзии перемещенный предмет должен утратить свою подлинность, существенность, функциональность и иногда даже вещественность. Как не вспомнить прошедшую со скандалом по экранам рекламу «Фольксвагена», построенную на приеме инсталляции, т.е. перемещения предмета и рассчитанную на создание образа-обманки или симулякра. Как бы на Тайной Вечери Господь говорит своим апостолам: «Поздравляю вас! Родился новый гольф»! И здесь сила состоит в соединении власти и знака, знак обладает властью, потому что симулирует реальность. С одной стороны, предполагается, что такому «рекламному агенту» (прости меня Господи) не смогут не поверить европейские традиционалисты, но с другой – делается попытка превратить и евангельское свидетельство, и апостолов, и Самого Христа в лишенные реальности знаки.¹

Мимоходом отмечу еще одну постмодернистскую акцию – перформанс, связанную с приемом игрового обыгрывания предмета. Несколько лет назад в Москве был изготовлен торт в форме лежащего в мавзолее тела Ленина в натуральную величину. На ритуальное поедание кондитерского тела вождя была приглашена публика, в том числе милые детки, которые ничтоже сумняшеся запихивали себе в рот части трупы вождя. К восторгам устроителей перформанса какая-то совестливая коммунистка заступилась за вождя. Позволю себе заметить, что это кошунственная пародия на Таинство Причащения свидетельствует о выраввшейся наружу стихии агрессивной патологии. Повторяя Парамонова, заметим, что именно поэтому и не верит П. в субстанциональность, реализм святости, красоты и морали, потому что воспринимает как диктатуру нормы, репрессию, покушение на свободу самовыражения все то, что хочет остаться собой, что

¹ Цит. по: Николаева О. Православие и свобода. С. 309.

протестует против профанации, глумления над собой. Ведь если нет больше никаких вертикалей, и сакральное может профанироваться, а профанное эстетизироваться, тогда в культурном пространстве П. иерейский крест демократично может соседствовать с трезубцем козлиным хвостом. Совершенно правы те исследователи П., которые утверждают, что в эстетике П. «происходит аксиологический сдвиг в сторону большей толерантности... Анти-теза «высокое – массовое искусство» не воспринимается эстетикой П. как актуальные».¹ Но сказано слишком мягко и академично. А вот А. Блок сказал более прямо: путь иронии «начинается с дьявольски издевательской, провокаторской улыбки, кончается – буйством и кощунством».²

В П. и прошлое, и будущее включено в Гипертекст как главную его ценность, и П. был первым (и последним) направлением XX в., которое открыто призналось в том, что текст не отображает реальность, а творит новую реальность, вернее даже, много реальностей, часто вовсе не зависимых друг от друга. Ведь любая история, в соответствии с пониманием П., — это история создания и интерпретации текста. Вопрос: откуда же тогда взяться реальности? А реальности просто нет, потому что в игровом восприятии мира П. совершается радикальное манипулирование осколками бытия. Если сказать академически, «неклассическая онтология П. разрушает систему символических противоположностей, например, таких, как реальное – воображаемое, естественное – искусственное»³ и т.д. Самое лучшее тому доказательство – симулякр, т.е. то, что реальность симулирует. Поскольку место означаемой реальности в П. принадлежит гипотетическому «культурному пространству», произвольно им же смодулированному, закономерностью становится появление знаков-обманок, утративших какую бы то ни было реальность и ее симулирующих. Все, принимаемое за действительность, есть лишь представление о ней, зависящее к тому же от ракурса, который выбирает зритель. Восприятие человека объявляется обреченным на «мультиперспективизм: на постоянно и калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов действительности, в своем мелькании не дающих

¹ Маньковская Н. Постмодернизм... С. 352.

² Цит. по: Николаева О. Православие и свобода. С. 283.

³ Маньковская Н. Постмодернизм... С. 352.

возможность познать ее сущность».¹ Т.е. мир делается собранием кажимостей, мнимостей, фантомов сознания. В лучшем случае оно оперирует знаками, намекающими на какие-то узнаваемые идеи. Знаковыми могут быть речь, печать, искусство, одежда и даже отдельные люди (*пример с вопросом «нужна ли России сильная рука?» в передаче «Пресс-клуб», когда в вопросе уже заложен негативный знак, сильная рука - Сталин, террор, лагеря, и никто не смог сказать, что нужна, хотя разговор был о сильной власти, а не о Сталине*).

Таким образом, постмодернистское письмо с его постоянной амбивалентностью, текучими смыслами и симулякрами отказывается признавать за текстом (и за миром как текстом) какой-то окончательный смысл. И здесь мы подступаем к одному из фундаментальных принципов П. – отказу от Истины. Если мироздание повсеместно рукотворно и приручено моей сиюминутной интерпретации, то получается, что нет в мировой истории того, что нельзя было бы сконструировать и воспроизвести усилиями человеческого разума и его руками. А раз так, значит, нет Тайны, Смысла, ни Творца, ни Его Промысла. Здесь нет ничего удивительного, потому что, согласно эстетике постмодернизма, как скажет Эпштейн, «находящаяся возле каждого предмета, теории, мировоззрения тень при иных условиях может выступить как самостоятельный первичный объект сознания».² Так мир теней, антимир подменяет онтологию, так новый авторский имидж, включающий в себя поведенческий и интеллектуальный компонент, является залогом умышленности авторских идей. Как скажет христианин, скриптор (составитель, творца нет) шифрует мир так, что бы в нем нельзя было бы разглядеть следы Божьего творения и его присутствия.

Процитирую А. Парщикова, чтобы не скучно было слушать дальше:

Итак

- сноска и – ничего

Ты же сам бредил штампом

аббат шаркал и шаманом вменяемым

Итак

¹ Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 68.

² Цит. по: Николаева О. Православие и свобода. С. 290.

прическа, как нацарапанная
котом в петле

(я) (не) (судья)
где нет ничего (начинается) то что

Мух как в на нашем балконе, (150 знаков)
но главное, скажут: ты=ты прав, но.
Тогда я отвечу как в первый раз:

Мух алгебра наглядна.

Промежуточное неизменно.
Итак.

Конец безумной цитаты. Но как скажут теоретики П., авторская этикетка страхует от ошибок и гарантирует сугубую «знаковую качественность» текста. О какой истине здесь может идти речь, если не об истине безумного слова. С этим полностью соглашаются постмодернисты.

Можно сделать вывод, что культура П., вскультивавшая абсурд и расчистившая дорогу для разгула инстинктов и властной поступи теней, совершенно искренне стремится к созданию игровой космополитической культуры и синкретической религии, в которой уживались бы на принципах политкорректности непреодолимые антагонизмы и противоречия. Как ни парадоксально, но это запрет на высказывание своего мнения, если оно конфессионально и стилистически организовано. Однако подобная политкорректность есть признание непреодолимости противоречий и наложение табу на их разрешение, она рискует со временем стать чем-то наподобие социального ритуала и даже превратиться в орудие репрессий, дискриминируя тех, кто не желает или не имеет возможности его соблюдать.

Сейчас немного конкретики из первых уст. Вот как рассуждает один из видных теоретиков П. М. Эпштейн о наступлении эры тотального порядка, эры постмодерна: «Новая форма тотальности – всемирная Сеть (компьютерная) была создана в тот момент, когда потерпел крах тоталитаризм советского образца...

Так родилось воистину идеократическое государство... настоящая республика, которые... сами запускают свои умственные станки и сами возделывают свои умственные поля в чистом виртуальном пространстве... Книга стоит вне мира, над миром. Сеть... объемлет собой мир... все шире и шире распаивает перед сознанием свои врата, чтобы сомкнуть в глубине подсознательного... Чего не хватает россиянам в послесоветской жизни? Не хватает Мирской Святости и даже Вдохновенного Душегубства и Кошунства... И вот это Огромное опять надвигается на нас... из тепло мерцающих экранов, откуда на всех на нас глядит... миллионная Другая Жизнь... чуть подмигивающая взглядом Веселого Человека, любителя жить и давать жить другим...».¹

Таким образом, виртуальная реальность превращается в заместительницу жизни, которую она вытесняет новыми технологиями воздействия на сферу бессознательного и новыми формами взаимодействия с ним.

В таком обличье постмодернизм – это тактика и стратегия поведения человека в ситуации воплотившегося абсурда, господства чудовищного, перманентной катастрофы. Постмодернизм – попытка остаться живым, когда Истина невыносима. Постмодернизм – это вслушивание в бессмысленное бормотание пустоты, это молчаливый вопль несчастного сознания, это плач и скрежет зубовой, это вопрошание о смысле абсурда, это зов в пустоту, в которой никого нет, это молчание в непрекращающейся беседе с ничто.

Что может предложить Православие в качестве альтернативы? Православная философия творчества или искусства исходит из реального ощущения конкретно-предметного интегрального восприятия Истины, Добра и Красоты в стихии церковного богослужения. Христианство, как сказал один из величайших богословов современности прот. Г.Флоровский, есть религия литургическая, а значит, блужданиям человеческого разума и чувства она сообщает возможность соборного восприятия тринитарного измерения жизни и творчества, т.е. совершаемого в единстве и по образу Троицыного Бога в процессе синергии с Ним, т.е. единства творческого взаимодействия. Храмовое богослужение в едином синтезе церковных искусств, как говорил о. Павел Флоренский,

¹ Там же. С. 329.

транслирует раздробленной и мятущейся душе современного человека утерянную целостность и Логос творчества, дар проникновения в тайны мироздания. Здесь человек вновь призывается к возделыванию, и любовь, как всеобъемлющая сила, становится величайшим инструментом познания мира и творческого созидания.

Православное церковное богослужение посреди агрессии развоплощающейся цивилизации распада остается единственным ее антиподом, позволяющим каждому вопрошающему и ищущему прозреть возможность обретения утраченного рая, безусловную ценность истинной культуры и искусства, которая, по словам Флоренского, возможна благодаря жертвенной воплощенности Абсолютного смысла Бытия.

Телепов Михаил Николаевич,
кандидат психологических наук, психолог - консультант, радио «Теос», (Москва)

ПСИХОЛОГИЯ И БИБЛИЯ

Психология как наука – насколько она соотносится с христианством?

Можно ли верить психологу, или эта наука «от лукавого»?

Эти вопросы нам задаются достаточно часто. При этом люди, задающиеся такими вопросами, совершенно не пытаются построить логические цепочки о связи христианства с другими науками, например, теологии и христианства, медицины и христианства.

Давайте начнем с конца перечня: соотношения медицина – христианство. При любом заболевании все верующие люди начинают лечиться. Как правило, начинают принимать лекарственные препараты или пользуются народными методами, как то: мед с лимоном или аспирин и анальгин. Мало кто считает: «мне достаточно моей «веры с тыкву», – и ограничивается молитвой. То есть медицину, как таковую, никто не называет «сатанинской» наукой, хотя именно медицина стала проводником абортов и эвтаназии. Врачей также никто не причисляет к «легиону нечистого» из-за того, что эти люди занимаются (подумать только!) плотью.

Что касается теологии, то ее соотношение, как считают, с христианством наиболее тесное. Но при этом никому не приходит в голову отметить теологию только лишь потому, что в ней есть ложные учения, такие, как мормонизм, например.

Что же касается психологии, то она в настоящее время оказалась в немилости в некоторых христианских церквях именно по причине наличия в ней ложных течений. А ведь психология – это наука о душе. То есть по своему определению она самая что ни на есть христианская наука.

«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек *душею* живою» (Бытие 2:7, курсив наш), - это о нас, люди! Мы – души живые, не только ходячая телесная оболочка и дух, но и душа. Бог уделяет очень большое внимание душе человека. «Если *душа* какая согрешит...», «в Его руке *душа* всего живущего...», «любовь познали мы в том, что Он положил за нас *душу* Свою ...»(курсив наш) – более тысячи раз встречается это слово в Священном Писании. В греческом языке слово душа звучит никак иначе, как «психо». То есть «психология» - наука о душе.

Душа человека включает в себя разум, волю, эмоции. Если мы говорим о том, что именно в христианстве присутствует истина, то какая же логика в том, что эту истину мы не состыкуем с разумом, с чувствами человека, с его поведением и принятием верных решений? Соответственно, сразу возникает вопрос: кому выгодно, чтобы психология оказалась в загоне у христиан? Кому выгодно, чтобы знания, которыми обладает человек, были искаженными и извращенными? Кому выгодно говорить, что у человека не должно быть воли и ответственности за свои поступки? Кому выгодно отвергать истину, что у человека есть эмоции и переживания? Человек, который отвергает психологию, отвергает наличие разума, воли и эмоций. А это не мудро.

Давайте разберемся.

В Православии в последнее время очень часто стал употребляться термин «младостарчество». Под ним понимается такое явление, когда неопытный священник превышает свои полномочия и начинает браться за «старчествование». Такие священники считают, что право на духовное руководство паствой означает безраздельную власть над душами людей. 28 декабря 1998 года был издан Указ Священного Синода, который осудил данное явление в православных церквях. В частности, в этом Указе говорится, что есть такие духовники, которые требуют расторжения брака между супругами, где один из них неверующий, запрещают вступление во второй брак на том основании, что второй брак якобы осуждается, имеют место случаи, когда пастырь запрещает обращаться за медицинской помощью, препятствует исполнению гражданских обязанностей: участию в выборах, службе в Вооруженных силах, а иные духовники считают учебу в светских учебных заведениях «ненужной» или вредной для спасения. «Подоб-

ные требования, - говорится в Указе, - не только нарушают право каждого христианина на принятие самостоятельных решений, но и входят в противоречие с действующим законодательством».

Обратите внимание – все эти действия **ОСУЖДАЮТСЯ** этим Указом. Осуждаются и случаи создания таких церковных общин, в которых жизнь строится на авторитете самого пастыря, потому что таковые пастыри забыли о том, что их задача – вести людей к Богу, а не группировать прихожан вокруг себя.

Знакомая картина, правда? Все эти перегибы наблюдаются в любой конфессии. Именно здесь и находится ответ на вопрос, кому в христианстве выгодно отвергать науку о человеческой душе, – это выгодно тем, кто группирует людей вокруг собственной персоны. Таким пасторам и священнослужителям не выгодно, чтобы люди имели свое мнение, имели свободу в выражении своих чувств и эмоций, чтобы люди учились *сами* отвечать за собственные поступки и принимать собственные решения. Такие служители становятся главарями над людьми своей церкви, возникает культ личности, который не допускает у прихожан и членов церкви никакой возможности мыслить, рассуждать, не соответствовать принятым стандартам поведения и заведенным традициям.

«Какое отношение ко всему этому имеет психология?» - скажете вы. Отвечаем: *самое прямое*.

Как мы уже сказали, к сожалению, подобный младостарческий антихристианский подход довольно часто наблюдается в церквях различных деноминаций, когда пастора или лидеры церкви работают в направлении подавления воли, переформатирования чувств и эмоций, насаждения своей собственной информации ради удобства в управлении церковью (как в колонии строгого режима). То есть человек программируется на какое-то стандартное поведение. Он становится продуктом технологии той личности, которая эту технологию к нему применила. Конечно же, это направление – антихристианское, потому что человеческая личность сбрасывается со щитов как личность и превращается в объект воздействия. Каждый человек лишается в данном случае возможности самому принимать решение. Он принимает то, что решил за него какой-то человек, «младостарец», позволим себе именно так назвать подобного рода манипуляторов, потому что мудрый и духовный человек никогда не будет заниматься

«промывкой мозгов». Вспомните, Христос никогда не навязывал своих убеждений. Он всегда предоставлял каждому человеку право самому принять решение в пользу истины.

В одной церкви директор воскресной школы похвалился так: «Через два-три занятия все детишки, приходящие к нам, становятся христианами!» Не знаем, как вас, но нас эта фраза «покорбила». Если воскресная школа стала *фабрикой христиан*, это уже не школа, а мастерская, где шлепают стандартизированных «христосиков». То есть школа взяла на себя право охристианивания детей, а самим детям только отводится роль пешек, севших за парты.

Были мы на разборе Библии в одной из малых групп. Изучалось Священное Писание, руководитель группы задавал вопросы, а все члены группы по очереди, дисциплинированно давали ответы, каждый раз поднимая взор на руководителя – одобряет ли он этот ответ. После того, как каждый высказался, все взоры опять устремлялись на руководителя: «Ну, а теперь, после того, как мы тут чего-то наплели, послушаем правильный ответ от нашего уважаемого Иван Ивановича». Что это, как ни культ личности, взращиваемый в данной группе? Есть ли психологического образование у этого Ивана Ивановича, или его нет, но факт налицо: запрограммировал он членов своей группы на собственное превосходство настолько конкретно, что люди нисколько не сомневаются в его правоте. Хотя, как мы знаем, «нет праведного ни одного». Результат подобной группы: человек начинает бояться своего мнения, своих решений и своих чувств. «А вдруг они греховны с точки зрения Иван Ивановича?»

Мы знаем одну церковь, где подобное отношение ко всем ее членам стало политикой церкви. ВСЕ группы по изучению Библии обязаны изучать одну и ту же книгу Писания. Каждое воскресенье руководителей малых групп собирают, раздают им вопросы по следующей главе, обсуждают ПРАВИЛЬНЫЕ ответы, и каждый руководитель берет на себя обязанность привести ВСЕ мозги членов своей группы в нужное русло.

В результате – полный отказ от собственного мнения и желания анализировать происходящее.

«Нам нельзя ходить в театр, потому что так сказал пастор».

«Нам нельзя сегодня заниматься сексом, потому что так объявил священнослужитель».

«Нам нельзя читать эту книгу, потому что так решил братский совет».

«Нам нельзя ходить в эту церковь, потому что там, как сказал наш дьякон, не те песни поют».

«Нам нельзя дружить с молодыми людьми другой деноминации, потому что об этом говорили в проповеди».

«Настоящие верующие бывают только в нашей конфессии, поэтому нельзя выходить замуж за язычников, ведь об этом говорит наш руководитель молодежи».

Что значат подобные высказывания? Люди занесли в свое сознание ЧУЖИЕ мысли, стали рабами ЧУЖОГО мнения. Они оперируют **не тем**, что написано в Священном Писании, **а тем**, что кто-то когда-то что-то сказал, подтягивая текст Библии под свое собственное мнение.

В подобную ловушку попадают либо слабые личности, которые сознательно решили возложить ответственность за свою жизнь на более «умудренного», либо те, кто даже не догадываются о том, что они попали в ловушку. А «младостарцам» таковые выгодны. Таковыми легко управлять. И, следовательно, чтобы удержать свой авторитет, надо всячески препятствовать освобождению их воли, чувств и разума из-под их собственного контроля. Более того, чтобы удержать свои жертвы в подчинении, используется духовное насилие. Все эти признаки подавленной личности представляются смирением. А всякую попытку человека не потерять свою индивидуальность называют гордыней.

И опять же в эту ловушку попадают либо невежи, либо слабые люди. Потому что смирение и слабохарактерность – вещи совершенно разные.

Смирение – это отказ от стремления к людской похвале, отказ от самовозвеличивания.

Слабохарактерность – нежелание принимать на себя ответственность, нежелание думать самому.

- «Вам чай с сахаром?» - «Все приму, как от Господа!» (такая фраза звучит среди Протестантов).

- «Вам лимончик порезать?» - «Как благословите!» (эта фраза звучит в Православии).

- «Вам пирог с картошкой или с капустой!» - «Как вам угодно!» (эта фраза звучит в нерелигиозном окружении).

Фразы – разные, а суть – одна и та же.

В психологии есть такой термин: «Я» – концепция». Так вот эта концепция собственного «Я» как личности в данном случае просто отсутствует, то есть человек теряет себя. Он как бы существует физически – у него есть тело. Он как бы существует духовно – фразы и цитаты из Библии произносит так, что от зубов отскакивает. Но он находится в летаргическом сне душевно, потому что его душевные составляющие подавлены.

Христос – целитель человеческой души, как и человеческого тела, как и человеческого духа. Для лечения этих составляющих личности Он использует медицину, теологию и психологию, вернее, – людей, которые могут помочь на всех этих уровнях. То есть во всей полноте психолог может помочь человеку разобраться в душевных проблемах, только будучи человеком верующим и знающим истину.

Чтобы увидеть «младостарца» в человеке, обличенном чином священнослужителя, надо иметь знания; чтобы противостоять ему в свете истины, надо иметь волю; чтобы помочь другим выбраться из «младостарчества», надо иметь сочувствие. И тогда, решив собственные душевные (психологические) проблемы, можно иметь надежду на духовный рост.

Сазонова Наталия Павловна,
*кандидат психологических наук,
заведующая кафедрой психологии и
связей с общественностью
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса (Курск)*

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В связи с возрастанием открытости нашего общества в него усилилось проникновение не только новых товаров, но и новых норм, ценностей, идей. Они воспринимаются по-разному, и реагируют на них либо восторженно и сверхпозитивно, либо недоверчиво, а то и явно враждебно, призывая бороться с ними. Одной из таких идей является постмодернизм.

Нет сегодня слова более популярного, но и более неопределенного, многозначного, чем «постмодернизм». Дело не в слове самом по себе, а в том понятии, которое за ним стоит, и в самой реальности, которая этим понятием отражается. Идея постмодернизма оказалась очень привлекательной для российского послеперестроечного социума. Ее сразу все заметили; она стала очень популярной, востребованной, сразу же заняла достойное место в публицистике. Она стала знаком, символом, приметой времени, что и характерно, собственно, для самого постмодернизма.

Но, как правило, на слуху постмодернизм не как идея или теория, а чаще всего в виде термина или слова, простого и загадочного одновременно. Именно как слово оно путешествует по страницам газет и журналов, звучит с экранов телевизоров, встречается в выступлениях политиков и чиновников.

Трудности вербализации и концептуализации постмодерна объясняются в конечном счете его необычайной сложностью, многомерностью и разноликостью. Амплитуда восприятий, объяснений и оценок здесь поэтому очень широкая: от однозначно положительной до резко отрицательной.

Для одних постмодернизм - самая общая, но адекватная, характеристика современной исторической ситуации, для других - только модное, намеренно эпатазирующее литературное течение, досужие экзерсисы эстетствующих интеллектуалов. Для кого-то это мандат, пропуск в XXI век, а для кого-то, напротив, - консервативное возвращение к декадансу и нигилизму конца XIX - начала XX в. Еще дальше в этом направлении идут те, кто отождествляет постмодернизм с неоархаикой.

Кто-то находит в постмодернизме апологию современных информационных технологий, электронных средств массовой коммуникации, глобального мира, эстетизма и гедонизма резко вырвавшихся вперед обществ и стран так называемого "золотого миллиарда". А кто-то - прямо противоположное, а именно: непреклонно негативное отношение к техногенным характеристикам современного общественного развития, решительный протест против нивелирующей всех и вся глобализации, искреннюю симпатию к воззрениям и целям экологистов, аллармистов, натуropатов и прочих альтернативников.

Интересно, что в постмодернизме все это действительно есть или можно найти. Он неоднороден, во многом, если не во всем, противоречив, что, видимо, говорит о его продолжающемся становлении. В данной связи можно провести различие между постмодернизмом и постмодерном (постмодернити) и считать первое словом понятием (концепцией, теорией), а второе - содержательным референтом, социальной реальностью, исторической эпохой, наконец. Но поскольку одного не бывает без другого то постмодернизм и постмодерн резонно рассматривать как единое целое. Такое словоупотребление можно встретить в нашей литературе.

Профессиональный интерес к постмодернизму как к идее, концепции, теории действительно велик. Поэтому профессиональная реакция экспертов, ученых, университетских преподавателей на постмодернизм, возможно, самая адекватная. По ней-то и можно судить о ситуации с постмодернизмом в нашей стране.

Последние публикации свидетельствуют о том, что наше отношение к постмодернизму становится все более жестким и негативным. Заключение-оценки самые мрачные: «распад сознания», «вырождение социологии», «научный миф», «химера», «повседневный апокалипсис», «гипер-модернистская агрессия»,

«фантасциентема», «прогресс к смерти» и прочее в том же духе. Посмотрим, что конкретно стоит за этими оценками.

Перевод этого термина на русский язык может звучать, как постсовременность. Тогда возникает вопрос о том, что такое, собственно, современность. Важно в данной связи различать календарно-астрономическое и социально-историческое время. Первое однообразно, линейно, необратимо. Второе характеризуется многообразием, альтернативностью или веерностью, в нем много самых разных ниш, позиций, траекторий, режимов и темпов продвижения вперед. Э. Блох писал: «Не все люди существуют в одном и том же Теперь (Now). В одном Теперь они объединены лишь внешним образом, благодаря тому обстоятельству, что их всех можно видеть сегодня (today). Но это не значит, что они живут в одно и то же время с другими»[1]. Люди действительно живут в разных временах; кто-то в прошлом, кто-то в настоящем, а кто-то уже и в будущем. Указанная временная асинхрония, надо полагать, действительно не только для отдельных индивидов, но и отдельных обществ: народов, наций, цивилизаций.

Не будет преувеличением сказать, что любой этап в развитии того или иного общества темпорально многослоен или разномерен. Темпоральная структура общества вбирает в себя временную размерность бытия всех его индивидуальных представителей. Но его историческое лицо определяется преобладанием, или доминированием, той или иной темпоральной массы. Иными словами, современность общества не означает автоматически и современность каждого отдельного человека, в нем живущего.

Для постмодерна характерен презентизм - абсолютизация настоящего, здесь-и-теперь бытия. Он выступает в качестве темпоральной фронды, опровержения, критики какого-то «современного» времени, созданного Новым временем, но западной цивилизацией. Он критикует три идеи - Разума, Прогресса и Эмансипации. Главное в этом триединстве - Разум, от него зависят и Прогресс, и Эмансипация.

Постмодернизм беспощадно критикует не сами по себе разум, прогресс, эмансипацию, а их новоевропейскую версию, их просвещенческую заданность или определенность. Разум для постмодернизма плох тем, что он слишком, упрямо инструментален и мало коммуникативен, что универсальность в нем несовмести-

ма с локальностью и индивидуальностью. Что он, далее, всеяден: с одинаковым успехом строит дворцы и тюрьмы, мирные атомные станции и «агрессивные» атомные бомбы.

В прогрессе постмодернизм не устраивает, прежде всего, его техногенность, имеющая мало общего с истинно человеческими претензиями к жизни: Прогресс действительно несет с собой массу отрицательных последствий; он всегда одно лечит, а другое калечит. Что касается эмансипации, то ее постмодернизм критикует за трудности совмещения индивидуальной свободы и общественного порядка, за то, что научное знание не освобождает от суеверий, за то, что обещанное эмансипацией освобождение человека от зависимости, угнетения и неравенства, так и не наступило.

Это означает, что постмодернизм органичен и естествен там, где ему предшествует, где его исторически подпирал модернизм. Только там, где люди прошли солидную школу разума, прогресса и эмансипации, постмодернизм становится понятным, и в нем можно с успехом ориентироваться. Западный человек в полной мере вкусил плоды модерна, или индустриальной цивилизации, пресытился разумом, прогрессом, эмансипацией и потому захотел чего-то большего. Он внутренне готов и не страшитесь заглянуть за горизонт наработанного, достигнутого, свершившегося, его к этому толкает сама жизнь, логика ее последовательного продвижения вперед, развития.

Что касается россиян, то постмодернизм для нас, скорее всего, чужд и неорганичен потому, что наше общество несовершенно. Оно глубоко и в целом патриархально, общинно, традиционно. Мы не современны, потому что не «модернизированы». Не может быть постмодернизма там, где мало собственно модернизма т.е. разума, прогресса, эмансипации-свободы. Наша отечественная критика постмодернизма не всегда предметна и последовательна. Но дело здесь не в самой по себе критике, а в том, что нет соответствующей предметности и последовательности (сначала модернизм, потом постмодернизм) в самой действительности, жизни, истории.

Анализ постмодернизма в понятиях центра и периферии существенно проясняет ситуацию в данном вопросе. Центр в рассматриваемом плане представляет собой хорошо налаженную, медленно, но неуклонно набирающую высоту жизнь, благополу-

чие, процветание как отдельного человека, так и общества в целом. Норма здесь - максимизация качества жизни и, далее, субъективного благополучия. Соответственно периферия - это скудная, недостаточно или плохо обустроенная жизнь, и которой много не хватает, а если и хватает, то не на всех, в которой нормой является некий статистически усредненный уровень жизни, как правило, одобренный идеологически культивируемой надеждой на неперенное - притом сразу, целиком и полностью - облегчение жизненных тягот в будущем.

Центр и периферия рассматриваются как применительно к России, так и к мировому пространству в целом. Центр являет собой постэкономическую общественную формацию, где экономика становится само собой разумеющейся, гарантированной и чуть ли не автоматически воспроизводящейся структурой. Если рассматривать периферию, то здесь общественная формация именно экономическая. И в положительном смысле - как фундамент, базис, и в отрицательном - как аксиологическое восполнение ее, экономики, недостаточного развития. Презрение к экономике есть не что иное, как психологическая и, шире, культурная форма экономической сублимации, когда гуманизмом латают дыры технологии. Нельзя не согласиться в данной связи с Р. Инглхарт, когда он пишет: «Ценности постмодерна получают наибольшее распространение в обществах, где уровень богатства и степень уверенности в будущем - наивысшие; для населения скудно живущих обществ на первый план будут выдвигаться по преимуществу ценности выживания»[2, с. 23].

Существенна разница между центром и периферией постмодернизма и в плане духовности. На стороне центра она фиксируется в виде постматериальных ценностей, на стороне периферии - ценностей нематериальных. Это разница принципиальная. В первом случае очевидна характерная для естественноисторического развития последовательность: сначала преобладали материальные ценности; ими люди, надо полагать, насытились и потому потянулись к высшим, постматериальным ценностям. Собственно материальные ценности служат здесь реальной почвой, исторической органикой, на которой постматериальные ценности только и могут расцвести.

В противоположность духовности центра, духовность периферии вневременна. Она складывается не вслед, не на основе, а

всегда как бы вопреки реальному течению жизни. Это, по сути, духовность традиционного общества, уходящая своими корнями в родоплеменную мифологию бытия. Ей никогда не предшествовал полноводный исторический поток материальных ценностей. Она поэтому неустранимо аскетична. Это духовность, рожденная бедностью, лишениями, недостатками, а не богатством, избытком, полнотой жизни.

Постматериальные ценности не столь однозначны и жестки, как ценности нематериальные. Они пластичны, неавтоматичны, допускают большую свободу действий. Инглхарт пишет: "В весьма ненадежном мире обществ, где доминировала забота о средствах к существованию, несомненно, важной психологической потребностью была потребность в абсолютных критериях, а также и представлении о некоей непогрешимой высшей силе, заботами которой все в конечном счете уладится"[2, с. 20]. В постмодернизме «ничто не гарантировано», потому что гарантирована, обеспечена базовая определенность бытия - жизнь, или выживание. В условиях периферийности и исторической неподготовленности, или запоздалости, что здесь одно и то же, постмодернизм может быть даже опасен. Периферия выживает, центр живет. Здесь - суровость и необустроенность бытия, там - его гедонистическая полнота, граничащая с известной рафинированностью и расслабленностью.

Если рассматривать шизоаналитические инверсии постмодернизма, то перед нами не клиника, не нечто патологически расстроенное и необратимое, а попытка вырваться из нормализации социальных кодов, которые делают жизнь человека сверхдетерминированной, исторически предопределенной, а следовательно, нетворческой, малопродуктивной.

Периферия наполовину, если не на две трети, пленена модернистской методологией, ее установками, принципами, категориями. И потому многое воспринимается неадекватно, с предубеждением и нежеланием входить в детали. Между тем, детали играют в постмодерне исключительно важную роль.

Огульная, по сути, модернистская критика постмодернизма сама нередко оказывается поверхностной. Судя по всему, наши отечественные постмодернисты занимаются не своей, т.е. не отечественной, проблематикой.

В отношении постмодернизма, его недостатков и соблазнов, нам, право же, беспокоиться нечего. С одной стороны, мы не настолько близки к Западу, чтобы считаться "своими", т.е. наслаждаться партнерством, чувствовать себя равными среди равных. А с другой - мы и не настолько отличны от Запада, чтобы привлекать к себе внимание. Но всеобщая глобализация требует постоянных и систематических контактов. Это губительно и для периферии, и для центра. Выбора, однако, нет. Даже центр здесь не в силах что-то изменить, хотя именно он создал эту глобальную ситуацию и в принципе ее возглавляет.

Что ожидает постмодернизм в будущем, апологетом которого он выступает, никто с определенностью сказать не может. Тут, заметим, в полной мере сказывается природа самого постмодернизма, для которого неопределенность, многосмысленность - одна из базовых ценностей. Напротив, поиск определенности и неизменных оснований - это модернизм.

Ясно, тем не менее, одно - в лице западной цивилизации человечество подошло к какой-то судьбоносной черте в своем развитии. Нарастает ощущение границы, порога, предела, категорическое требование обновления. На этом-то и акцентирует наше внимание постмодернизм. Иными словами, он отвечает, пусть и не всегда адекватно, не всегда внятно и убедительно, на реальные вызовы и опасности современной исторической ситуации.

Можно предположить, что постмодернизм подводит черту под типом развития, заданным первым осевым временем в истории человечества, и одновременно предстает симптомом вызревания второго осевого времени, призванного, по Ясперсу - автору этой концепции, создать «настоящих людей», подлинного человека [3]. Настаивая на исторической значимости «единицы», личного достоинства каждого отдельного человека, перспективы и ценности Другого, постмодернизм, несомненно, работает на грядущий тектонический сдвиг истории.

Литература:

1. Bloch E. Nonsynchronism and Dialectics //New German Critique. 1977. № 11. P. 22.
2. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 53, 154.

Ольховский Владислав Сергеевич,

доктор физико-математических наук, профессор Киевского института ядерных исследований, Киевского государственного университета (Киев), Университета Мессины, Университета Катании (Италия); академик Нью-йоркской Академии Наук. Занесен в энциклопедию «Who is Who in the World».

Круг научных интересов: аналитическая теория S -матриц, явления суперлуминации, проблемы времени в квантовой физике, необратимость времени, фундаментальнее проблемы квантовой физики живых организмов, временной анализ ядерного синтеза во вселенной и ядерной хронометрии во вселенной, философия, методология и этика науки, наука и христианство (научная апологетика).

Мое личное кредо можно выразить следующими выражениями:

- 1.** человек ищет Истину усилиями своего разума и, не находя ее, разочаровывается;
- 2.** она предлагается ему верой, и он принимает ее,
- 3.** а приняв ее, он находит, что она удовлетворяет всем требованиям человеческого разума (Ю. Мартир, из Первой Апологии, 2 в.н.э.

УНИКАЛЬНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА – ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Смотрите, (братия), чтобы кто не увлёл вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу (Кол.,2:8).

1. В настоящее время возможности индивидуального выбора, особенно в сфере мировоззрения, веры, идеологии, увеличиваются с невиданной быстротой (см., напр., [1-3]). Например, несколько лет назад только официально в США было зарегистрировано свыше тысячи религий, религиозных конфессий и течений, а неофициальные религиозные группы разного толка, по сути, со-

считать уже невозможно. Такой процесс получил название «плюрализации». При этом понятие Истины тонет в океане безответственной многоголосицы, и значит, растёт безответственность и нигилизм. Более того, плюралистичной становится и массовая культура, которая с быстрым ростом каналов ТВ, выпуска видеозаписей, компьютерных фильмов и спектаклей, уводящих в серию новых «культурных» развлечений и в «виртуальную реальность», заполняет даже художественную литературу и искусство, она действительно объявила крестовый поход против «некультурного христианства» и вторгает человека в пучину псевдобытия. А псевдосвобода выбора тех или иных областей массовой культуры является по сути не чем иным, как рабством разрушительных инстинктов человекоцентричного, а то и сосредоточенного на затуманенных наркотических состояниях сознания или на виртуальных мирах.

Многовековая история христианства ясно демонстрирует то, что оно способно полностью выражать себя в любом времени и в различных контекстах, сохраняя при этом свою основную сущность. Это чудесное свойство лучше всего описал ап. Павел (1 Кор.9:19-23): *Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его.*

Христианство сумело успешно себя выразить и быть принятым во всём античном греко-римском мире, затем, в эпоху Возрождения, – через протестантизм, а в эпоху Просвещения – через евангельское христианство.

И плюрализм религий и мировоззрений в принципе не является чем-то новым. Он был и в древнем Риме, с ним сталкивались апостолы (и это нашло своё отражение в книге Деяний Нового Завета, гл.17). А в наше время феномену плюрализации мировоззрений способствовало развитие философской мысли – от эпохи модернизма, порождённой Просвещением, к постмодернизму последнего века. Во времена Просвещения и модернизма, когда господствовал рационализм, многие верили, что человек может постичь свой мир, в том числе и духовный, при помощи науки и разума. Пятисотлетний эксперимент человечества с рационализмом закончился, и теперь мир обнаружил, что всё обстоит гораздо сложнее, и многие вопросы, такие как «Откуда я взялся? В чём смысл жизни? Как постичь её духовные аспекты?»,

так и остались для многих без ответа. Принципы и догматы модернизма (автономная самодостаточность человека, верховенство разума, неотъемлемое право свободы человека и уверенность в неизбежности прогресса) открыли дорогу отрицанию абсолютов, угрозе нигилизма и в то же время возрождению поиска духовности (в двух направлениях: в направлении множества течений мышления Новой Эры [и неоязычества], формирующегося на основе восточных религий и философий, и богоискательства [на основе человекоцентрических искажений Библии]). Западная мысль перестала ограничивать себя метаповестью (метасюжетом) как христианства, так и натурализма; а все предшествующие парадигмы в действительности стали рассматриваться как социальные конструкции (это уже прямое влияние марксизма) с навязанной гносеологией (а это уже влияние неопозитивизма) и как слишком жёстко ограничивающие маневрирования, предназначенные для подавления разнообразия мысли и самовыражения. Поскольку в таком видении объективная реальность и абсолютная истина уже не обладают онтологическим статусом, все точки зрения становятся равноправными. И в таком контексте на троне культуры расположился плюрализм с терпимостью в качестве бесспорного закона.

В религиозно-плюралистическом обществе различные религии сосуществуют бок о бок, соперничая между собой в притязаниях на проповедь высшей истины. Это породило проблему: какой смысл имеет слово *религия* и как её воспринимать. Для людей глубоко верующих говорить о религии всегда означало говорить о Высшей Истине и Высшей Реальности (заклѳчѳнных в Боге). Начиная же с эпохи Просвещения (18в.), начало распространяться мнение, что только рациональный разум прокладывает пути к истине «в высшей инстанции». А к нашему времени, после падения тоталитарных диктаторских режимов (нацизма с фашизмом, марксизма-ленинизма, маоизма и др.), феномен «демократического» плюрализма в идеологии, мировоззрении и культуре стал постепенно теоретически оправдываться. При этом у части постмодернистов даже сформировалась идеология о том, что имеет место странный, даже внутренне противоречивый, двухсторонний процесс: число религий растѳт неуправляемым иррациональным образом очень быстро, а сами религии, начиная со значения слова *религия* и её истинности, исследуются рацио-

нальным способом, причём широко используется взгляд на религию как бы извне, как на одну из составляющих человеческой культуры (что широко используется в курсе сравнительного религиоведения, преподаваемого в странах СНГ, как правило, атеистами). Более того, претензии кого-либо на исключительное знание истины расцениваются как интеллектуальный и моральный эквивалент фашизму или нацизму.

В связи с тем, что в ряде стран школьники, студенты и вообще население постоянно бомбардируются конфликтующими заявками на истину и на моральные стандарты, это подводит многих к неверию в объективную истину и к относительности морали, а практически - к эклектическому подходу к жизни, т.е. к тому выводу, что каждый выбирает свою истину и свою мораль в соответствии с личным вкусом и что в каком-то смысле все идеалы, истины и моральные стандарты относительны. При этом всё больше и больше проявляется одна общая черта: все религии рассматриваются как равные среди подобных, все имеют равные возможности для развития, каждая открыта для исследования. И только один подход исключается из рассмотрения – тот, согласно которому только одна религия является абсолютно истинной, все другие – заблуждение. Уже множество религий и верований провозглашают «свою истину», и не считается необходимым аргументировать эту «истину» перед другими. Происходит процесс популяризации (а по сути обесценивания) различных ценностей, которые принимаются людьми по их личному усмотрению. Множество различных «истин» существуют бок о бок, и в результате истина приобрела относительный характер: истинное для меня может быть истинным только для меня, а нечто другое, истинное для вас, истинно только для вас. Иначе говоря, плюрализм приобретает господствующее положение, субъективный выбор становится особенностью нашего времени. И это погружает нас в философский, богословский и даже научный хаос! А при этом, более того, некоторые плюралисты утверждают, что сосуществование множества различных «истин» свидетельствует о том, что Бог не может открыть себя единственным путём [2].

Многие постмодернисты предполагают, что в реальности либо полностью отсутствуют какие-либо онтологические рациональные структуры, либо человеческий разум вообще не в состоянии познать их [3,4]. При этом Дж.Сайр описал 5 аспектов

постмодернизма: (1) Предметы и события не имеют никакого внутреннего смысла. Нет никакой присущей им объективности, а есть только непрерывная интерпретация мира. (2) Постоянное изучение мира требует контекстуального изучения. И мы сами являемся частью контекста. (3) Интерпретация зависит не от внешнего текста, не от автора, но от относительного мировоззрения и от личных ценностей интерпретатора. (4) Язык не нейтрален, а относителен и обременён ценностями. (5) Язык выражает идеологию.

Вследствие разочарования ряда постмодернистов в оптимистических идеалах предмодернизма (объективного идеализма) и модернизма (атеизма), появился и такой вызов постмодернизма, как глубоко укоренившийся цинизм.

Такая ситуация побуждает поставить несколько вопросов:

1) О чём свидетельствует плюрализация мировоззрений – о торжестве свободомыслия или о коварном возведении в абсолют субъективного выбора и терпимости?

2) Как человеку ознакомиться со всем необъятным множеством мировоззрений, чтобы сделать выбор? Или это коварное давление с целью принятия расплывчатой и явно неубедительной «истинности всех»?

3) Как человеку безошибочно выбрать высшую истину, высшую реальность и откровение, если они существуют? Или сама возможность выбора исключает абсолютную истину и откровение? Допускает ли «открытый разум» возможность добровольного сосредоточения на одном единственном выборе, «закрыв» тем самым свой разум для всего остального? Способен ли «открытый разум» вообще найти дорогу к истине?

4) Чем и как может ответить христианство на постоянный прессинг плюрализма?

5) Стоит ли откладывать христианам ответ плюралистам? Ведь мы знаем, какие негативные последствия в христианском сообществе вызвало затягивание бескомпромиссного ответа христиан-учёных на насаждение дарвинистской эволюционной доктрины.

6) Какой должна стать Церковь в условиях постмодернизма?

2. Для ясности и отсутствия путаницы укажем, что термин *плюрализм* сейчас употребляется, как отметил Н.Гайслер [2], в

трёх разных смыслах – социальном (общественно-политическом), философском (онтологическом) и религиозном (гносеологическом):

(1) **Исторически в общественной и политической практике под плюрализмом** обычно понимается предоставленная оппонентам, на основе уважения права каждого верить в свою собственную правоту, возможность отстаивать в открытых дискуссиях свою точку зрения и затем с помощью голосования или иной процедуры согласования принимать решение для управления обществом или для руководства к действию.

(2) **Плюрализм в философии (онтологии)** означает понятие, согласно которому, в реальности существует несколько или множество несводимых друг к другу видов бытия. Плюрализм в философии противостоит монизму (материализму, идеализму). Христианство – плюралистично (три вида бытия: Бог и два вида Его творения – духовное и материальное).

(3) **Религиозный (гносеологический) плюрализм (многообразие)** – это вера в то, что каждая религия истинна. Каждая обеспечивает подлинное столкновение с Первичной Реальностью (т.е. с Богом). Одна может быть лучше всех остальных (чем-то для кого-то), но все они подобны (даже эквивалентны) друг другу.

Однако – если есть явная несовместимость различных религий (явное противоречие между ними), то как каждая из них может быть истинной? Поэтому нередко некоторые плюралисты при сравнении разных религий и мировоззрений предпочитают пользоваться другими терминами – иногда *инклюзивизмом* или чаще *релятивизмом*.

Инклюзивизм провозглашает, что одна религия явно истинна, в то время как все остальные неявно истинны.

Релятивизм провозглашает, что нет критериев, по которым можно определить, какая религия истинная или лучшая. Нет объективной истины в религии, и каждая религия истинна для её приверженцев. Однако развитие философии (в первую очередь, христианской философии) показало, что такие критерии есть! (см., [5-7]).

Эксклюзивизм – это вера в то, что только одна религия истинна, а все остальные ложные.

В современном обществе (прежде всего в Западной Европе и в Америке) религиозный плюрализм противостоит прежде всего христианству. Рассмотрим, в чём выражается это противостояние.

Христианство эксклюзивно, уникально, исключительно; оно провозглашается единственно истинной религией. Это помещает христианство в особое положение в современных подходах к сравнительному изучению религий и к межконфессиональному общению.

Часто плюралисты (например, А. Макграсс – см. [2]) спрашивают: Как можно серьёзно воспринимать заявки христианства на истину, когда имеется так много конкурирующих альтернатив и когда само понятие «истина» стало обесцененным понятием? Никто не может претендовать на обладание истиной. Это всё вопрос перспективы. Все заявки на истину равно действительны. Нет ни одной универсальной или привилегированной позиции, дающей основание кому-нибудь решить, какая религия истинна, а какая неверна.

3. В порядке ответа на эти вопросы рассмотрим известные на Западе (напр., Хик, Макграсс) доводы теоретиков плюрализма по духовному подобию мировых религий (в отношении нравственности, истинности, спасения человека и свободы личности).

I. Подобие мировых религий на уровне нравственности.

Плюралист Дж. Хик (см.[2]) утверждает, что он не нашёл в общем различий в моральном и духовном уровне людей разных мировых религий, и в качестве примера выдвигает доказательство того, что утверждения, подобные “*золотому правилу христианства*” (поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы они поступали с вами, см. (Мф,7:12)), *могут быть найдены в других религиях.*

Однако сомнительно, чтобы приверженцы не-христианских религий могли действительно принимать в себе то, что в (Гал.,5:22-23) названо “плодом Духа”: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость и воздержание (самоконтроль). Конечно, и не-христиане проявляют частично эти качества. Но в состоянии ли они действовать по любви-*agape* (т.е. по безусловной, не требующей никакого ответа и всепрощающей любви)? Некоторые из них могут быть филантропами и даже умереть, отстаивая свою личную веру, но, однако, могут ли они выявить святую безусловную Божественную любовь (см. 1

Кор.,13:3)? Христиане признают и имеют именно этот вид любви друг к другу и особенно к Богу.

В то время как по общей благодати и злые люди могут делать добро (см. Мф.,7:11), только сверхъестественная любовь Бога может вызвать у человека проявление истинной любви-agape (Ин,15:13; Рим, 5:6-8; 1 Ин,4:7).

Для ясности следует сравнивать не практическую мораль большинства приверженцев разных мировых религий, а высший уровень моральных учений и лучшие образцы поведения в разных религиях. Например, тщательное сравнение отношений, целей, мотиваций и действий матери Терезы и Махатмы Ганди могло бы выявить превосходство христианского сострадания нуждающимся. И кроме того, следует также отделять то, что внутренне присуще моральной системе нехристианской религии, от того, что было внедрено в неё в результате христианской миссионерской деятельности. Религия индуизма не породила социального сострадания у Ганди. Однако Ганди внимательно изучал христианство и восхищался Нагорной проповедью Иисуса Христа. И в некоторых формах современного индуизма можно найти проявления социального сострадания в качестве внешнего заимствования из христианства, но даже и в этих случаях им не хватает полноты христианского сострадания матери Терезы.

Кроме того, **наличия даже общих принципов нравственности, например, “золотого правила” христианства, недостаточно для утверждения о равенстве разных религий на моральном уровне. Оно является проявлением общей благодати, а именно – закона, записанного Богом в сердцах всех (Рим,2:12-15). В периоды духовного подъёма у разных народов христианская нравственность порождала динамичное социальное сострадание, в то время как все восточные религии порождали инертные застойные общества, а Ислам породил нетерпимость.**

Главный же вывод о **нравственном превосходстве христианства зиждется** не на нашем несовершенстве как христиан, а на уникальном совершенстве Христа как нашем образце. Он основывается не на характере нашей погрешимой практически морали, а **на Его безгрешной природе** (Ин, 8:46; 2 Кор.,5:21; Евр.,4:15; 1 Ин,3:3). Особо следует отметить и безгрешное решение Им острейших моральных дилемм-ловушек, которые ставили

перед Ним Его противники. В этом контексте ясно видно нравственное превосходство христианства над всеми остальными религиями.

II. Подобие мировых религий в смысле их отношения к Истине.

Нравственная сторона веры не решает вопроса о её истинности. Истина – это то, что отвечает реальности. Рассмотрим, какие же взгляды на реальность проповедует религиозный плюрализм как якобы «демократия» всех возможных мировоззрений.

(1) По сути мировоззренческий и религиозный плюрализм – это многообразие лжи, среди которой многим можно не увидеть одну-единственную Истину. **Мировоззренческий и религиозный плюрализм** имеет четыре прикрытия – это,

(а) **якобы реальное многообразие человеческого отклика на реальность** (прикрытие атеизма),

(б) **якобы реальный релятивизм** (прикрытие скептицизма, агностицизма - всякая истина относительна, нет абсолютной истины),

(в) **якобы реальное проявление тождества Бога, природы и человека** (прикрытие идеологии Новой Эры),

(г) **целый набор** (якобы реальное многообразие) **человекоцентрических пониманий (искажений) Библии** (иногда тщательно скрываемых): масса ересей, либерализм, легализм, до сих пор иудаизм, ислам.

Рассмотрим конкретно (а), (б), (в) и (г):

(а) В атеистическом прикрытии плюрализма все религии являются простым и естественным человеческим откликом на Первичную Реальность, альфу и омегу всего. Здесь явно выглядит **натуралистическая предпосылка: все религиозные явления могут быть объяснены натуралистическим образом, и не допускаются никакие сверхъестественные объяснения**.

Ни это прикрытие, ни соответствующая ему натуралистическая (т.е. отрицающая сверхъестественное) предпосылка **ничем не обоснованы**. А priori нельзя исключить сверхъестественные чудеса. Имеются существенные естественно-научные свидетельства (движение галактик, второй закон термодинамики, история жизни звёзд,..., антропный принцип) того, что наша вселенная, вместе с пространством и временем, имели начало вплоть до величайшего чуда *ex nihilo* творения мира. Имеется также изобилие **исторических** свидетельств о воскресении Христа.

Кроме того, в атеизме нет никакой смысло-образующей ценности, и поэтому невозможно построение этики и никакое объяснение любви-агапе.

(б) Для многих плюралистов под их положением о равенстве претензий всех мировых религий на истину скрывается релятивистский взгляд на истину как на относительную, а не абсолютную истину. Но отрицание абсолютной истины внутренне противоречиво (т.е. само себя уничтожает). Оно утверждает, что релятивизм верен для всех всегда и везде. Но то, что истинно для всех всегда и везде, и есть абсолютная истина, т.е. отрицание абсолютной истины насаждается как новая абсолютная истина → абсурд.

(в) Другое прикрытие плюралистов состоит в том, что разные религии (как с верой в личностного Бога, так и без какой-либо связи с Богом) считаются, и тоже необоснованно, разными проявлениями *Первичной Реальности как странного безличностного Бога, включающего в себя абсолютно всю реальность. Это сближает позицию плюрализма с космическим гуманизмом Новой Эры.*

Это прикрытие плюрализма тоже ничем не обосновано. И в нём также нет никакой смысло-образующей ценности, и поэтому невозможно построение этики и никакое объяснение любви-агапе.

Кроме того, здесь ещё возникает и проблема нигилизма – невозможности познания реальности [→ заканчивается или самоубийственным отказом от общения (солипсизм), или логическим само-опровержением, или неоязычеством].

(г) А в богостроительстве на основе искажений Библии усматривается особая, зачастую внутрицерковная, и во всех случаях отнюдь нелёгкая проблема...[Мы знаем, что когда сатана искушал Иисуса, Он говорил в ответ: *написано*, – и поскольку Слово Божье имеет абсолютный авторитет, сатана тут же отступал, в отличие от многих современных либералов! Однако созданный по образу и подобию Божьему, а потому зачастую превосходящий лукавого способностями, просвещённый богослов подходит к вопросу совмещения несовместимого (теистическая эволюция, например) куда более творчески: «написано-то так, но понимать надо иначе», так что нынешние мастера теологических дискуссий

переплонули дьявола. И от нас требуется знание и этой ситуации – вспомним (2 Кор, 10:4-5)].

Далее, частично основываясь на [1,2], рассмотрим и такие доводы плюралистов:

(2) Многие плюралисты предпочитают все заявки на истину характеризовать соединительными союзами *и–и*, а не союзами *ни–ни*. Т.е. полагают, что каждая религия истинна и каждая обеспечивает подлинное столкновение с Первичной Реальностью. Одна может быть лучше (удобнее, понятнее) всех остальных, но все они подобны друг другу.

Но любые два взаимно исключаящие друг друга мировоззрения (например, индуистский пантеизм и христианский теизм, описание смерти и воскресения Христа в христианстве и в исламе и т.д.) не могут быть оба истинными ни в каком объединённом или обобщённом воззрении. Правила логики никто не отменял!

Часто плюралисты проповедуют свою точку зрения и в такой форме: мир “религиозно неоднозначен”, и вселенная, доступная нам в своём нынешнем виде, может быть интерпретирована как религиозным (сверхъестественным), так и натуралистическим (естественным) образом. Мы не можем знать Истину о Боге, и то, что реально, неразлично для нас от того, что ложно: т.е. никакая истина в реальности для нас не существует. ***А это уже сближает позицию плюрализма с агностицизмом и скептицизмом.***

Постмодернистское утверждение, что мы знаем то, что мы не можем знать (или распознать) реальное, логически внутренне противоречиво (т.е. само себя уничтожает). А то, что мы не знаем реальность исчерпывающим образом, ещё не означает то, что не знаем её в принципе верно.

(3) Нельзя согласиться и с тем взглядом плюралистов, что Реальность может проявлять себя в разных традициях. Ведь для того, чтобы что-то могло проявить себя, по крайней мере, часть его свойств должна быть открыта и известна нам. Но поскольку нам неизвестно никакое свойство полностью нераспознанной нами Реальности, то, следовательно, Она не может быть проявлена в нашем опыте никаким значимым для нас образом.

(4) *Присущее некоторым плюралистам отрицание (необоснованное) истинности любой одной, взятой самой по себе, конкретной религии, а другим плюралистам отрицание (тоже необоснованное) того, что какая-либо из религий более истинна*

чем другие, является само по себе одной из форм эксклюзивизма, т.е. плюрализм провозглашает свою особую, абсолютную истину (причём обычно пантеистического характера).

(5) *А присущее ещё одним плюралистам утверждение (тоже необоснованное) о неясной истинности любой конкретной религии приближает плюрализм к инклюзивизму.*

Вот какой калейдоскоп различных выводов об отношении к Первичной Реальности (не совсем совместимых друг с другом и, более того, противоречивых внутренне) даёт плюрализм!

И в смысле провозглашения истинности христианство уникально. Вспомним слова Христа: ***“Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня”*** (Ин,14:6). Такого не говорил о себе ни один основатель, ни один пророк ни одной другой религии. И при этом никто никогда не смог уличить Иисуса Христа во лжи!

Для многих исторические свидетельства о воскресении Христа и о других чудесах оказались настолько весомыми, что они пришли к смене мировоззрения – к обращению в христианство. Можно, в частности, указать на 10 необходимых и достаточных свидетельств воскресения Иисуса Христа [*необходимых и достаточных в том смысле, что ни одна из всех выдвигавшихся теорий, кроме Его воскресения, не согласуется со всеми 10*]:

1) Известный (никем никогда не опровергнутый) факт пустой гробницы.

2) Воскресение Христа проповедывалось во враждебной среде, Противники могли бы быстро придумать серьёзные контр-доказательства, но они так и не смогли выдвинуть достаточно убедительных контр-доказательств. *Никем и никогда не было выдвинуто хотя бы одно доказательство, которое бы противоречило свидетельствам очевидцев, видевших воскресшего Иисуса.*

3) Последователи Христа не ожидали воскресения, Оно явилось для них неожиданностью.

4) Первыми объявили о воскресении женщины. А культура того времени считала показания женщин недействительными.

5) Конценция телесного воскресения была чуждой языческой культуре того времени.

6) Количество свидетелей (до 500 чел.) и разнообразие их происхождения исключают возможность массовой галлюцинации. *И никто не опроверг их!*

7) Римский историк Тацит признаёт, что через 31 год после смерти Христа тысячи людей добровольно шли на смерть в правление Нерона.

8) Действия последователей Христа и их готовность умереть во имя идеи воскресения являются доказательствами против их обвинения во лжи.

9) Слух о воскресении распространялся людьми среднего класса, рабами, необразованными людьми без наличия письменных материалов, при усиленном противодействии. Слух этот распространился по всей Римской империи в течение 70 лет (император Траян и Плиний Младший, 112 г.н.э.).

10) Христос сказал: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф.,28:20). В течение 20 веков десятки миллионов имели личный опыт общения с воскресшим Христом, независимо от уровня их образования, профессии, национальности, религиозных и политических убеждений.

Таким образом, факт воскресения И.Христа – это не вопрос религиозных убеждений, а вопрос реальности *по всем правилам секулярной исторической науки!* (см., напр., [8]).

Обращению некоторых способствовали рассуждения, подобные тем, которые приводил Шерлок Холмс при своём анализе: отбрасывании различных правдоподобных версий истинной картины какого-либо загадочного происшествия и окончательном выборе подлинно истинной: «...истиной,какой бы невероятной она ни казалась, является то, что останется, если отбросить всё невозможное.» (А.Конан Дойл, *Человек с белым лицом*, [напр., в сб. Новейшие приключения Шерлока Холмса, изд.ФОЛИО, 1998, с.243]). Их в разных вариантах привели К.Льюис, Дж.Макдауэл, Дж.Сайр и другие: *Утверждения Христа были настолько необычными, что они, не оставляя нам с самого начала никакого шанса считать Его только великим учителем нравственности, заставляют нас принять какое-то одно из пяти возможных решений: Он был или лжецом, или сумасшедшим, или просто ошибался, или весь Новый Завет – просто выдумка, не отвечающая исторической реальности, или действительно Он был Сыном живого Бога [воплотившейся Личностью Бога] («Я есть путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня; если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего; и отныне знаете Его и видели Его» [Ин.,14:6]).* И для многих

действительно отпадают первые четыре альтернативы, и остаётся истинной только пятая версия – и проясняется *Благая Весть*.

Вспомним и то, что изначальные постулаты веры в науке не противоречат доктринальным положениям христианства [9].

И в то же время именно для христиан ясно, что в результате *общей благодати* в каждом мировоззрении есть какое-то частичное, не полностью искажённое присутствие Истины, Добра и Красоты *через общее откровение в природе* (Пс.,18:2-7; Римл.,1:18-20) *и в сердце человеческого* (Римл.,2:15). Ведь дьявол, отец лжи, зла и безобразного, никогда не может сравняться по силе с Богом-Источником Истины, Добра и Красоты.

III. Подобие мировых религий в смысле спасения людей.

1. Некоторые плюралисты проповедуют [1,2]:

если мы *определяем спасение как реальное изменение человека, состоящее в постепенном преобразовании от естественного само-центризма* (со всеми человеческими грехами, вытекающими из этого) *к радикально новой ориентации, центрированной на Боге и проявляющейся в «плоде Духа»*, то ясно, что спасение людей как будто действительно, более или менее в равной степени, имеет место во всех мировых религиях.

Но если вспомним утверждение секулярных плюралистов, что общим для всех мировых религий является их практически одинаковый человеческий отклик на Первичную Реальность, то, во-1-х, придём к натурализму, и поэтому к бессмысленности понятия спасения как ориентации на соединение с Богом, а во-2-х, неизбежно придём к тщетной надежде человека в нашем падшем мире собственными усилиями найти спасительный выход от смерти.

2. Ещё в древние времена в иудаизме и в язычестве *спасение понималось как приобретение вечной жизни (в общении с Богом или богами) в результате принесения (Ему или им) тех или иных жертв* (или регулярных обрядовых, или, позднее в некоторых религиях, через разные формы аскетизма, или через невероятно трудное исполнение закона как Божественной установки), *искупающих на какое-то время человеческий грех как отделённость от Бога*. И ряд плюралистов принимает и такой взгляд.

Именно в отношении спасения людей особенно сильно проявляется уникальность христианства: Сам Бог так возлюбил человека, что, воплотившись в Иисусе Христе, принёс

Себя в искупительную жертву для спасения нас, для того чтобы в конце концов быть вечно с теми, кто принял Его жертву. Ничего подобного в других религиях нет!

Ещё раз вспомним уникальные для спасения людей слова Христа: *«Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня»* (Ин,14:6). И далее: *«Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Моё и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешёл от смерти в жизнь»* (Ин,5:24); *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин,3:16).

IV. Подобие мировых религий в смысле свободы личности.

Казалось бы, если все заявки на истину разными мировоззрениями равно действительны, то свобода выбора человеком мировоззрения, с точки зрения религиозного плюрализма, ничем не ограничена.

Но мы видели, что:

либо (а) плюрализм скрывает в себе релятивистский взгляд на истину → а поскольку такой взгляд внутренне противоречив, то сознательная свобода выбора с использованием критериев различения истинного и ложного мировоззрений лицемерно маскируется иллюзорной свободой выбора среди ряда мировоззрений с равными претензиями на истину,

либо (б) плюрализм претендует на свою особую истину и при этом ничем не может её обосновать → а тогда его интеллектуальное лицемерие тоже не может обеспечить реальной свободы выбора, ибо не использует критерии различения истинного и ложного мировоззрений (изложенные, напр., в [5-7]).

А что говорит христианство?

Иисус Христос говорил: *«если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными»* (Ин,8:32). *Благая весть и христианская нравственность, основанная на ответной любви к Богу и к людям во имя Бога (любовь всегда свободна), содержат в себе такую свободу, которая и не снилась глашатаям индивидуализма.* Они приносят нам истинную свободу от всякого рабства, в том числе от рабства греха и потребительского менталитета; при-

носят свободу развития личности и любой индивидуальной инициативы и предприимчивости.

Христианская нравственность даёт здоровую основу для реализации следующего процесса в обществе: *от зависимости* (от любой формы рабства) → *к независимости* (свободе) → *к взаимозависимости* (к сотрудничеству, основанному на взаимной любви во имя Бога).

4. Рассмотрим теперь, к чему приводит отмеченный выше скрытый догматизм религиозного плюрализма, делающий его позицию интеллектуально лицемерной. Он заключается в том, что плюралисты утверждают, что Бог не может открыть себя единственным путём. И это категорическое утверждение (*кстати, ничем не обоснованное*) преподносится за абсолютную истину плюрализма, который терпим только по отношению к своим последователям и нетерпим ни к одной конкретной религии, особенно к христианству. А ситуация во многих странах современного мира складывается так, что, с одной стороны, из общественного сознания вытравлены абсолютные моральные ценности и провозглашена эпоха релятивизма, что снимает вызывающую подспудный страх ответственность перед Богом, а с другой стороны, существует свыше тысячи разных религиозных течений (разных форм разных религий) и бесчисленное множество неформальных групп. Это приводит к тому, что исповедание того или иного религиозного течения становится исключительно частным делом. А это, в свою очередь, порождает реальную опасность двойного стандарта:

(1) Секулярные (мирские) идеологии начинают получать поддержку государства (особенно через систему образования и через искусство) именно потому, что они считаются нерелигиозными, так как не содержат явно признания Сверхъестественного, ответственности перед Ним и поклонения Ему. Рост философского плюрализма и секуляризующих тенденций, особенно в средствах массовой информации и в академических кругах, способствует формированию образа христиан как старомодных, неверно информированных, отсталых людей, фанатиков, «фундаменталистов», которых следует перевоспитывать. И так, якобы во имя свободы мировоззрения и терпимости (толерантности), происходит сдвиг в сторону слепой секуляризации системы.

(2) А среди множества «частных» религиозных течений начинают расти нарциссистические (включая псевдохристианские) формы религии, когда каждый поглощён своей собственной особой и больше ничем другим.

5. Почему же религиозный плюрализм получает в современном обществе (по крайней мере, в Европе и Америке) **питательную почву?** Ответим, подводя итоги всему сказанному:

Во-1-х, в условиях плюрализма понятие Истины тонет в океане безответственной многоголосицы, и значит, растёт безответственность и нигилизм, что весьма импонирует в нашем падшем мире многим политикам и бизнесменам высшего эшелона даже демократических стран и тем более отцу лжи – дьяволу. Плюралистичной становится и массовая культура, которая с быстрым ростом каналов ТВ, выпуска видеозаписей, компьютерных фильмов и спектаклей, уводящих в серию новых «культурных» развлечений и в «виртуальную реальность», по сути объявила крестовый поход против «некультурного христианства» и вторгает человека в пучину вседозволенного хаоса, псевдобытия и анархии.

Во-2-х, феномену плюрализации мировоззрений способствовало историческое развитие философской мысли – от эпохи модернизма, порождённой Просвещением, к постмодернизму последнего века. Принципы и догматы модернизма (автономная самодостаточность человека, верховенство разума, неотъемлемое право свободы человека и уверенность в неизбежности прогресса) открыли дорогу отрицанию абсолютов, угрозе нигилизма и в то же время возрождению поиска духовности в направлении множества течений мышления Новой Эры.

В-3-х, плюрализм используется в качестве хорошего прикрытия и атеистами, и мистиками космического гуманизма Новой Эры, и человекоцентричными искажителями Библии, а именно: под маску («лоскутное одеяло») объединения множества мировоззрений подсунуть свою идеологию или хотя бы как-то оправдать её.

В-4-х, плюрализм даёт внешнюю (хотя и иллюзорную) поддержку сторонникам каждой из множества неистинных религий, избавляя от необходимости не всегда лёгкого поиска Истины и отказа от прежних традиций.

В-5-х, плюрализм предоставляет, в том числе и для псевдоучёных, особенно гуманитарного толка (наподобие религиоведов

или культурологов), довольно простую и удобную для обольщения всеохватную философию, хотя и бездоказательную и в глубине противоречивую, но легко поддающуюся популяризации и потому весьма привлекательную для тех, кто не любит сложностей.

В-6-х, христианские ценности сдали свои позиции в обществе (на Западе и не только на Западе) частично и по вине самой Церкви, не сумевшей обуздать релятивистские тенденции из-за роста среди самих христиан стремлений к успеху, деньгам и личному комфорту.

6. На практике отношение различных религиозных сообществ к другим религиям сильно варьируется. Иен Барбур [10] выделяет и анализирует пять типичных, на его взгляд, видов такого отношения, явно склоняясь к последнему:

1. Абсолютизм (означающий то же самое, что и *эксклюзивизм*). Критики этой позиции полагают, что (1) она абсолютизируют конечные человеческие выражения бесконечного Бога (будь то книги, доктрины или институции) и (2) подобные взгляды приводили к нетерпимости, крестовым походам, инквизиции, религиозным войнам, преследованиям инаковерующих и инакомыслящих. Согласно Барбуру, религиозный империализм особенно опасен в ядерный век. Действительно, такие явления имели и могут иметь место: например, в прошлые века католическая церковь, а совсем недавно атеизм и ислам, именно так проявили себя.

2. Приближения к истине (как одна из специфических форм *инклюзивизма*). В этом подходе в других религиях содержатся элементы истины, которые, однако, более полно представлены в собственной традиции. Например, некоторые считают, что христианство является выполнением того, что другие религии понимают не до конца. Бог присутствует и в других традициях, представляющих собой истинные отклики Богу и реальные пути к спасению, несмотря на все их ограничения. Прообразы Христа существуют не только в Ветхом Завете, но и во всех основных религиях. Подобных взглядов придерживается т.н. христианский либерализм, включая некоторых католических авторов, которые иногда утверждают, что в других религиях присутствует «скрытый Христос» (Р.Панникар) или «анонимное христианство» (К.Ранер), – и поэтому спасение, достигаемое во Христе, возможно, по их мнению, для всего человечества. По мнению Барбура,

диалог для сторонников таких взглядов существует лишь для того, чтобы убедить другую сторону в своей правоте, и нам нечего учиться, если наша религия уже обладает всей полнотой истины, которая доступна иным лишь отчасти.

3. *Единство сути* (как другая специфическая форма *инклюзивизма*). Эта точка зрения состоит в том, что все религии по своей сути одно и то же, хотя и выражаются в разных культурных формах. А доктрины считаются символическими утверждениями, отражающими различие во внутреннем опыте. Для одних (О.Хаксли) главным опытом служит мистицизм, основанный на уверенности в единстве всех вещей, для других – абсолютная зависимость (Шлейермахер) или чувство священного (Отто). Сторонники такого подхода полагают, что все должны прийти к согласию об общем ядре, не утверждая при этом, что одна группа доктрин обладает преимуществом над прочими. Этот подход стремится подтолкнуть к попыткам создания всеобщей религии, в рамках которой ни одна группа не может навязывать свои взгляды другим.

Однако реально не существует согласия в том, что именно является общим ядром. И более того, возможна ли такая «разбавленная» всеобщая религия, которая будет полагаться лишь на абстрактные идеи и индивидуальный опыт и отбросит историческую память и те модели поведения, предания и обряды, которые были выработаны в отдельных религиозных сообществах? В критическом анализе этого подхода можно согласиться с Барбуrom.

4. *Культурный релятивизм* (как специфическая практическая форма *релятивизма*). Сторонники этого подхода считают религию формой выражения культуры. Поскольку разные культуры и, в частности, разные языки сильно отличаются друг от друга, неудивительно, что и религиозный опыт весьма разнообразен. Акцентируя внимание на разнообразии, культурно-релятивистский подход избегает проблем, связанных с приоритетом и единством.

5. *Плюралистический диалог*: Здесь признаётся, что Бог присутствует в вере и в жизни людей других религий. И приверженность собственной традиции может сочетаться с уважением к другим традициям. Такой подход, по мнению Барбура, создаёт более твёрдую основу для истинного диалога и взаимного обучения, чем любая другая из пяти приведенных практических аль-

тернатив. Барбуру особенно импонирует позиция Джона Хика [10]. Подобно сторонникам позиции *единства сути*, Хик полагает, что во всех религиях присутствует один и тот же предмет поклонения. Однако он иначе описывает влияние культурных традиций на опыт и на доктринальную интерпретацию. Хик также приветствует многообразие и приверженность определённой традиции, а не поиски единой мировой традиции. Подобно сторонникам *культурного релятивизма*, он признаёт определяющее влияние культуры и языка, а также настаивает на том, что сердце религии – личная трансформация, а не доктрина. И он же избегает полного релятивизма, утверждая, что трансцендентная реальность не подвержена культурным вариациям, и полагая, что в религиозном языке содержатся познавательные утверждения, пусть даже частичные, символические и обусловленные традицией. В вопросе о Христе Хик только частично соглашается с позицией *приближения к истине*. Для себя как христианина он признаёт Христа абсолютным выражением Бога. Но при этом допускает, что представители других традиций могут находить для себя иное абсолютное выражение. И тем самым выходит за рамки просто терпимости иных позиций и встаёт на позицию диалога, который неизбежно приводит к взаимному обогащению. Например, и христиане могут научиться у сторонников иных религий каким-то новым аспектам Божественного и потенциальным возможностям для человеческой жизни, которые мы ранее игнорировали, и даже к новому открытию тех составляющих нашего собственного наследия, которыми мы до сих пор пренебрегали. На той же по сути позиции стоит Пол Книттер, который уверен, что можно признать возможность существования других спасителей, не отказываясь от приверженности Христу. Он полагает, что Христос – не единственное откровение Бога. По Книттеру и Барбуру, позиция *плюралистического диалога* может стать полезным путём устранения конфликта и раздробленности и достижения всеобщего единства религии. Барбур говорит [11], что позиция *плюралистического диалога* отличается и от *абсолютизма*, и от *релятивизма*. По Барбуру, опасности абсолютизма можно избежать, если не отождествлять Божественное откровение с непогрешимыми писаниями «отцов», «богоданными» доктринами и авторитетными институтами. При этом он указывает на то, что полная определённость невозможна даже в науке и что любое

понимание обусловлено исторически. Однако по поводу науки можно возразить Барбуру, что дело не столько в неполной определённости конкретных научных знаний (действительно, наука постоянно развивается), сколько в том, что полнота уверенности в возможности пользования научным методом основана на несомненной (т.е. абсолютной) вере в несколько недоказуемых исходных постулатов, полностью согласующихся с эксклюзивизмом библейской веры [9]. А в противовес высказыванию Барбура об опасности абсолютизма при отождествлении Божьего откровения с непогрешимостью библейских писаний отметим, что полная определённость в уникальной истинности высказываний Иисуса Христа, приведенных нами выше, и неопровержимость исторических свидетельств и доводов сверхъестественного воскресения Христа полностью совместимы с веротерпимостью христиан в соответствии с учением Иисуса Христа на основе любви-агапе к ближнему.

7. Итак, плюралисты обвиняют эксклюзивистов в высокомерии и имперских амбициях, нетерпимости (нетолерантности), в фанатизме и узости мышления, при этом провозглашая самих себя максимально терпимыми, а также провозглашая полную свободу совести и максимальную широту мышления у себя – в силу признания того, что каждая религия по-своему истинна. Они любят задавать риторический вопрос: почему к.-л. воззрение должно иметь привилегию на истину? И любопытно, что в рамках тех же оснований плюралисты сами нетерпимы! Провозглашая свои взгляды истинными и исключая другие взгляды (в том числе взгляды эксклюзивистов), они, конечно же, на практике не соглашаются с той позицией, согласно которой плюралистическое мировоззрение и любое противостоящее ему неплюралистическое воззрение оба истинны.

*Довольно часто многие забывают то, что по сути само понятие терпимости изначально предполагает реальное несогласие: то, с чем мы согласны, мы не терпим, а принимаем, как своё. Как совместить веротерпимость христиан с уверенностью христиан в Истине? Такое совмещение прямо следует из Библии – из учения Иисуса Христа: **Бог сотворил всех людей со свободным выбором.** Ап.Павел говорил: открывая истину, представляем себя совести всякого человека пред Богом (2 Кор.,4:2). Истина распятого и воскресшего Христа никого не угнетает. Она*

адресована свободным людям. ***Но если свобода выбора ограничена и не защищается, добровольность веры и любви к Богу становятся невозможными.***

В соответствии с христианской моралью, Бог уважает самоопределение человека, и поэтому мы должны относиться к нему с уважением. И если люди, обладая свободой выбора, отвергают Евангелие, Библия не разрешает христианам пытаться изменить выбор этих людей запугиванием и любыми другими методами, исходящими из нетерпимости. Иисус Христос заповедовал Своим ученикам просто *«отряхивать прах со своих ног»* в знак протеста против своих противников.

8. И в то же время нашим ответом на сегодняшнюю ситуацию религиозного плюрализма должна быть не жалкая капитуляция или просто защитная позиция. Нападкам своих противников мы, христиане, имеем возможность противопоставить смелые аргументы и свидетельства (Деян.,4:14). У апологетов христианства есть множество доводов для разоблачения постмодернистского плюрализма как идеологии, полной внутренних противоречий и ошибок.

Главной проблемой христианской апологетики во время постмодернистского плюрализма является уже не противостояние веры в натурализм и веры в сверхъестественное, а вопрос о том, как понимается и чем выделяется христианская вера в сверхъестественное *как путь, истина и жизнь* среди множества вер в сверхъестественное.

Приведём конкретные примеры практической апологетики: (1) *Постмодернистское утверждение, что мы знаем то, что мы не можем знать (или распознать) реальное, логически внутренне противоречиво (т.е. само себя уничтожает)* и (2) утверждение типичного плюралиста о том, что «несовместимые мнения об одном и том же существенном вопросе могут быть в принципе одинаково правильными», может быть оспорено христианским апологетом на основе логического закона исключённого третьего, а если противник-плюралист вспомнит о принципе дополненности Н.Бора как основании многогранности Истины и равноправия разных взглядов на Истину, то христианин-апологет должен проанализировать отличие реального противоречия от парадокса. Далее, христианская апологетика имеет фактические свидетельства существования личностного Бога (Сам Иисус Христос;

внутренняя самосогласованность христианского мировоззрения и его объяснительная сила; свидетельства верующих; ...). Имеются и убедительные ответы на возражения против принятия такого личностного Бога, например, в анализе проблемы зла. Что же касается отношения между знанием (включая научное знание) и верой (и не только интеллектуальной верой, но и христианской верой), то здесь научная апологетика христианства достигла в последнее время заметного успеха (см., напр., [12]) – и кстати полезно в разговоре со сторонником постмодернизма отметить, что единственное, во что достойно верить, – это Истина. Наконец, у христиан есть неоспоримое историческое свидетельство сверхъестественного воскресения и вознесения Христа; ничего подобного нет у сторонников никакой другой религии. И мы не должны бояться быть непопулярными в нашем утверждении, что наш выбор религии не только свободный, но и решающий (для спасения). При этом человеческое достоинство несогласных с христианством никогда не должно быть унижено. И более того, Иисус Христос учит нас: ***«любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»*** (Мф.,5:44), т.е. Бог, воплотившийся в Иисусе Христе, призывает нас, Своих детей и учеников, делать всё возможное для того, чтобы и противники наши могли встать на путь спасения. Сегодня очевидно, что крестовые походы, инквизиция, преследования еретиков и принудительное введение византийского православия в Киевской Руси были несовместимы с подлинным христианством. Нельзя думать, что принуждение может служить Евангелию и Царство Божие может быть приближено насильственными методами.

Однако если погоня за терпимостью приведёт к разрушению уверенности в существовании Абсолютной Истины, то может возникнуть реальная опасность агрессивной антихристианской неоязыческой формы идеологии Новой Эры под покрывалом религиозного плюрализма. Сегодня уже практически выяснилось, что религиозный плюрализм нетерпим к инакомыслящим, и христиане становятся в плюралистическом обществе мишенью для дискриминации, получая прозвища «старомодных», «социально отделённых», «нетерпимых», «воинствующих» и т.д.

В то же время терпимость – это не безразличие и равнодушие. Слово «терпимый» несёт в себе значение вызова, который

сдерживается путём контроля над собой. Как христиане, мы имеем ясные нравственные и богословские мотивы для проявления такого контроля. И в этом мы должны быть безупречным примером для других.

Христиане считают, что Истина может быть защищена в интеллектуальных дебатах (так поступал ап. Павел). Христиане не унижают представителей нехристианских идеологий, а с радостью вступают в диалог с теми, кто не согласен с ними. Христиане верят в существование Истины, желают понять инакомыслящих, чтобы представить Благоую весть в понятных терминах, и подчиняются правилам логики для дискуссий. А для успешного принятия постмодернистского вызова, находясь в постмодернистском бреде, мы должны в учёбе и профессиональной работе быть на высоте и заслуживать высокие оценки от своих коллег, приниматься в общении по широкому кругу общекультурных и философских вопросов и на глубоком личном уровне.

И мы не должны бояться открыто выступать против враждебных Евангелию плюралистических аргументов, отрицающих доступность и исключительность Божественной Истины. Бескомпромиссно, категорически отказавшись от плюрализма, мы откажемся и от идолов открытости и терпимости ко всему, и от появляющейся вместе с ними диктатуры свободы принимать все религии, кроме подлинного христианства (а именно при запрете принимать единственность пути, истины и жизни Иисуса Христа).

9. Теперь, после теоретического анализа доводов теоретиков плюрализма в свете христианства, рассмотрим, как Церкви практически принять вызов постмодернизма и как функционировать в плюралистическом обществе?

Во-первых, всегда полезно помнить, что «худшие времена в определённом смысле оказываются и лучшими временами» (в первую очередь, для развития апологетики и богословия). И в этом смысле христианам полезно внимательно слушать постмодернистов и учиться у них, стараясь понять их поиски, прежде чем вести с ними диалог и излагать им Истину Евангелия.

Во-вторых, следует учитывать и то, что христианская церковь частично подготовлена к постмодернистскому миру в силу своей глобальности, многокультурности и участия разных поко-

лений. И она только должна встать над национализмом, над той этничностью, над тем языком, над той культурой, которые нас разделяют, и включать людей разного этноса и разной культуры в нашу семью и в наше содружество. Такая деятельность не разрушит нас; она очистит и обогатит нас как часть большой Божьей семьи. При этом мы можем и более ясно увидеть, в чём мы были соблазнены окружающей нас социально-культурной средой, и расти в вере, свидетельстве и преобразующей силе в результате того конфликта, который неизбежно разразится между социально-культурной средой и Христом, когда христиане обладают благодатью мужества жить по своей вере, не навязывая её нехристианам и продолжая в то же время испытывать любовь и сострадание к окружающим.

В-третьих, вначале внимание многих нехристиан к христианству привлекается не через Истину, а через практическую помощь.

Этот перечень можно продолжить. Он является предметом современной апологетики христианства. Полезно всегда помнить, что новые вызовы открывают новые возможности для христианства.

Что же конкретно, какие именно постмодернистские реалии полезно учитывать при практическом общении и диалоге христиан с постмодернистами и при благовестии постмодернистам [13]?

(1) Постмодернисты правы, утверждая, что люди не в состоянии полностью постичь истину. Это может только Бог. Они правы, утверждая, что мы можем только рассматривать действительность с отдельных точек зрения, поскольку, как человеческие существа, мы ограничены. И при общении с постмодернистами мы, христиане, должны честно сказать, что наше понимание Писания ограничено, и именно поэтому искренне верующие люди различаются во мнениях относительно тонких вопросов библейской истины. Однако это не делает Библию сколько-нибудь менее истинной, а наша слабость проявляется в степени нашего несовершенства как человеческих существ. А кроме того, у нас есть совершенный образец Иисуса Христа, Который был не только человеком, но самим Богом, воплотившимся в человека. Как люди, мы не можем во всём уподобиться Ему, но это наша ограниченность. Разумеется, недостатки постмодернизма очевидны в утверждении равноценности всех точек зрения на истину. Мы,

христиане, считаем, что только Божия точка зрения действительно верна и Иисус Христос не только говорил истину, но и Сам есть Истина. И когда постмодернистское мировоззрение вступает в противоречие с христианским, нам следует ясно и искренне высказать, кто мы есть и почему. Но делать это следует вежливо и доброжелательно, всячески остерегаясь действия духа противления (нетерпимости).

(2) Если модернистская модель благовестия начинается с послания как рационального словесного заявления, то постмодернистская проповедь Евангелия начинается с послания о духовной жизни и духовных взаимоотношений (в форме плодов Духа в жизни своих друзей, в их любви к нему и друг к другу, в красоте творчески наполненного общего богослужения и, наконец, в личных взаимоотношениях с Иисусом Христом). Чисто словесное заявление, не облечённое в духовное общение с доверенным другом, просто не будет выслушано. Постмодернист в первую очередь наблюдает за проявлениями духовности в жизни тех, кому он доверяет.

(3) Постмодернисты имеют сильное стремление к личной духовности. Без надёжных библейских якорей это невероятно опасно и часто заводит в дебри оккультизма, мистицизма Нового Века и т.п. Но если христианам удастся с помощью Бога развить такое стремление в сторону углублённого следования за Иисусом, то они могут преобразоваться, стать глубокими, вдумчивыми христианами и фактически развивать близкие отношения с Ним.

Церкви, которые ориентируют своё служение на достижение постмодернистов, должны энергично уделять своё внимание серьёзному духовному росту своих членов, а также личному взаимодействию между членами церкви и творчеству (развитию творческих художественных форм, христианскому песнопению и современной музыке, сценическому искусству, живописи и символике библейской направленности). Людей в такой церкви не покидает стремление к личному духовному росту. Поразительно, в таких церквях подтверждается божественный парадокс, когда человек всё более уподобляется Христу, обретая в то же время ещё большую индивидуальность. Это проявляется в виде плода Духа (уподобление Христу) и даров Духа (индивидуальное выражение духовности).

Постмодерниста гораздо больше, чем систематическое богословие, интересует именно то, как ему лично узнать Бога. И церкви, открытые для постмодернистов, должны быть готовы дать исчерпывающие ответы на вопросы типа: «Как мне узнать Божию волю в моей жизни? Как Бог руководит нами? Как мне следовать за Христом? Как я встречаюсь с Богом в Писании? Как мне вести глубоко духовную молитвенную жизнь? Как я могу услышать глас Божий? Как мне узнать, что Бог действительно говорит со мной? Как мне убедиться в реальности сверхъестественного? Как увидеть то, что мы живём в двух параллельных мирах (в обычном, видимом, естественном и в необычном, невидимом, духовном, вечном)?». Иначе мы будем терять новообращённых.

(4) Постмодернистская ценность терпимости частично схожа с библейским принципом: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим.12:18). И поэтому тяга постмодернистов к общности хорошо согласуется с библейским понятием поместной церкви и Вселенской Церкви и с современными общениями-занятиями в малых домашних группах с угощениями и чаепитиями.

Полезно при этом учитывать, что, с одной стороны, их терпимость позволит избежать в будущем одно из печальных последствий модернистского христианства – нашу склонность ссориться с братьями по незначительным вопросам вероучения, но, с другой стороны, может их завести в область принятия решений, не основываясь на библейских положениях, а на собственном небиблейском понимании «ответов» на их молитвы.

Постмодернисты не любят принуждения и не терпят нетерпимости. Поэтому служение должно начинаться со взаимоотношений, а критика других форм выражения христианской веры и других религий в общении и в церкви приводит к результатам, прямо противоположным ожидаемым.

(5) Постмодернисты хотят реально повлиять на проблемы, которые видят вокруг себя. И хотя вначале они вырабатывают свои позиции в социальной области, не задаваясь вопросом: «А что Бог уже сказал в Библии по этому поводу?» (и это весьма опасно), они будут гораздо более активными социально, чем христиане-модернисты. Это даст им гораздо больше возможностей для служения и откроет новые пути к тому, чтобы быть солью и

светом там, где они находятся. + Кстати, они могут быть менее склонны отделять свою церковную жизнь от мирской жизни.

(6) Постмодернисты любят свидетельства, символы, парадоксы, притчи и истории. В этом они сильно отличаются от «просвещённых» модернистов, которые хотят только ясного изложения фактов. Чтобы достичь сердца постмодерниста, нам нужно оттачивать своё искусство рассказчика (подражая Христу).

Особенно интересуют постмодернистов свидетельства о нашем личном общении с Богом.

Что касается символов, то весьма полезны символы, сообщающие важную истину. Например, в одной церкви христиан-постмодернистов появился обычай носить браслеты с аббревиатурой WWJD (What would Jesus do? – Как бы поступил Иисус?) – для напоминания хозяину, что его жизнь должна быть отражением жизни Иисуса, особенно в трудных ситуациях.

Хотя многие модернисты считают, что парадоксы могут сбить с толку, однако, их любят постмодернисты, а Иисус эффективно использовал их для передачи глубоких истин (так, мы учили: первые буду последними, а последние первыми; кто хочет быть руководителем, должен служить; сила Божия совершается в немощи...). Нам нужно следовать примеру Иисуса, который знал, что некоторые из глубочайших истин необходимо выражать в форме парадокса, чтобы мы могли размышлять над ними.

Иисус был мастером притч, и они продолжают нести истину. Мы снова живём в эпоху, когда рассказ большой духовной силы может проникать в сердца верующих. Наша задача та же, что когда-то была у Иисуса: брать обыденные ситуации и наполнять их необычным смыслом.

И этот перечень можно продолжить...

Литература

1. D.A.Carson, ***The Gaggling of God. Christianity Confronts Pluralism***, Apollos, Leisten, England, 1996.
2. ***Baker Encyclopedia of Christian Apologetics by Norman L.Geisler***, Baker Books, 2000, pp. 598-602.
3. The Challenge of Postmodernism, ed. by David S.Dockery, Baker Academic,Michigan, 1995, 2001.
4. James.W.Sire, On being a fool for Christ and an idiot for Nobody. Logocentricity and Postmodernity, in: Christian Apologetics in the Postmodern World,ed. By T.R.Phillips and D.L.Okholm, InterVarsity Press,Illinois, 1995.

5. *Человек и христианское мировоззрение*, вып.4, Симфер., 1999: В.С.Ольховский, *По поводу критериев выбора и испытания мировоззрения на истинность и пригодность* (с.75-83).
6. Д.Сайр, *Парад миров*, С.-П., изд-во “Мирт”, 1997.
7. Ф.Л.Форлайнс, *Библейская систематика*, Христ.об-во «Библия для всех», Санкт-Петербург, 1996.
8. *Человек и христианское мировоззрение*, вып.5, Симфер., 2000: Б.Литтл, *Историчность воскресения: нравственный стержень* (с.18-23); Д.Финзи, *Историчность Иисуса* (с.73-79).
9. *Человек и христианское мировоззрение*, вып.3, Симфер., 1998: В.С.Ольховский, *Как соотносится наука с христианством...* (244-251).
10. John Hick, *God has many names*, Philadelphia:Westminster Press,1982.
11. Иен Барбур, *Религия и наука. История и современность*, Библи.-Богосл. Институт св.ап.Андрея, 2000, 2001; рус.пер.с изд. Ian G.Barbur, *Religion and science. Historical and contemporary issues*,HarperCollins Publishers,1998.
12. В.С.Ольховский, *О знании, истине и вере*, в альманахе **Человек и христианское мировоззрение**, 2004, Симферополь, вып.9, с. 31-38; **Вісник Харківського Національного Університету ім. В.Н.Каразіна**, 2004, Харків, №625-2/2004, серія: теорія культури і філософія науки. Тематичний випуск „Наука і релігія сьогодні”, с. 21-33.
13. Росс П.Роуд, *Христианство и постмодернизм, или какой будет Церковь III тысячелетия*, Христианство, 6/2002, стр.14-26.

Философия, религия, культура

Плюгина Елена Владимировна, кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры
философии, КГТУ, (Курск)

КТО МЫ: ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНА

1. Явление культуры, истории, социальной жизни тогда получает законченное выражение, когда осознает себя. То же самое можно сказать и в отношении культурно-исторической эпохи в целом: эпоха тогда начинается в полной мере, когда перестает размышлять на тему собственной сущности, перестает «мучиться» вопросами собственной неповторимости и значимости, а переходит к практическому освоению основополагающих тенденций и явлений. До тех пор сохраняется состояние кризиса – ощущения «на грани», на переломе, поиск путей выхода и определения принципиальных моментов будущего. И если мы сегодня рассуждаем на тему, является ли постмодернизм тенденцией сегодняшнего времени или осуществившейся «новой реальностью» и каковы ее черты, то это уже, на наш взгляд, свидетельствует о существовании «на грани», «накануне» ситуации, но не в ней непосредственно. Следует отметить, что западная философская мысль в лице Ж.Лиотара, Ж. Деррида, И. Хейзинга и других мыслителей XX века достаточно уже преуспела в осознании и осмыслении понятия и сущности постмодерна именно как новой реальности (вероятно, это свидетельствует о полноценном вступлении в эпоху постмодерна); интерес же в отечественном гуманитарном знании сегодня к данному вопросу указывает на наличие, скорее, тенденции, потенции феномена, который развернется в будущем.

То, что начинается осмысление этого феномена, представляется благотворным и значимым. Коренное изменение экономической, политической, социальной структуры российского обще-

ства в перестроечное и постперестроечное время совпадает с «ломкой» мировоззренческих оснований и с выявлением новых мировоззренческих ориентиров, более того, остро нуждается в скорейшем осознании и формировании этих ориентиров как горизонтов будущего. Какое оно, наше будущее? Каковы его основные черты и ценности? Размышления на эту тему сегодня позволяют достойно его встретить, именно встретить, а не спонтанно «столкнуться» с ним, позволяют наиболее безболезненно «вписаться» в наше будущее. Это тем более важно, что в рамках глобалистских тенденций сегодняшней эпохи наше будущее может существовать только в контексте будущего всего человечества. Отсюда осознание своего места в будущем человечества (и возможность самим определять, выбирать это место) предполагает для начала, на наш взгляд, осознание будущего как такового, его сущностных оснований. И здесь представляется особенно важным проанализировать два момента: во-первых, определить для себя кардинальные мировоззренческие отличия постмодерна от предыдущей эпохи - эпохи модерна, постмодернизма как тенденции от модернизма. Только проведя данную демаркацию, почувствовав в себе преобладание той или иной тенденции, мы сможем с полным основанием сказать: «в будущем» ли мы уже или только «накануне». Во-вторых, определить органичность наступающего будущего для нас, сопоставить номинальность наступающего будущего с феноменальностью собственной истории и культуры, с национальными ментальными качествами. Только так можно будет прогнозировать и даже определять свое место в «новом дне» человечества, найти «свою нишу», понять свое значение и реализовать его.

2. Демаркационные линии между классической культурой модерна (в широком смысле, включая и культуру экономической, политической и т.д. жизни) и неклассической, постклассической или даже постнеклассической культурой постмодерна пронизывают духовные основания обеих эпох и получают мировоззренческое выражение. И только потом «материализуются» собственно в экономике, политике, социальной жизни. Поэтому умение «почувствовать», предвидеть контуры мировоззренческой картины мира становится подоплекой экономического, политического предвидения и, значит, успеха. Отсутствие данного умения - торможение, застой, крах. Мы уже встречались с этим в собственной

истории - экономический застой 80-х г.г. XX века, как следствие продолжения уже неадекватных времени тенденций гигантомании в производстве (один из признаков индустриального общества) в противовес начавшейся на Западе тенденции преобладания мелких и средних предприятий (постиндустриальное общество). Или крах политических надежд начала Перестройки как следствие неправильного соотнесения принципов федеральности и федеративности: всеобщая глобализация подвигла Европу к объединению, а в СССР в это время распад. Еще раз хочется подчеркнуть: мировоззренческие основания первичны, они лишь воплощаются в политике или экономике, они «выпестовываются» постепенно, и если их еще нет, можно сколько угодно пытаться проводить экономические или политические преобразования – эффект будет мало выявляем.

Итак, каковы же мировоззренческие, или даже шире, ментальные основания эпох постмодерна и модерна? Первое: модерн – это, прежде всего, ощущение целостности «Я» и его бытия, которое зиждется на представлении о прочной и непрерывной связи между «Я» и его бытием. Эта связь может трактоваться как «двунаправленная» (симметричная): от «Я» к его бытию (картезианское «Я мыслю, следовательно, существую») и обратно от бытия к «Я» (марксизм, социологические теории О Конта, Г.Спенсера и др.). В любом случае эта связь осознается как прочная и непрерывная, что и позволяет использовать субъект-объектный подход в познании и в жизни: субъектом, активной составляющей может выступать как Я (немецкая идеалистическая философия – «Я» познает и творит себя, теория трансцендентности «Я»), так и его бытие (марксизм, ранняя социология: социальное бытие творит «Я»).

Постмодернизм характеризуется разрывом между «Я» и его бытием: эта связь становится дискретной, прерывной, неустойчивой. Это не значит, что она разорвана окончательно, это значит, что она имеет тенденцию разрываться, причем, когда произойдет очередной «разрыв», под влиянием каких флуктуаций внешнего и внутреннего мира это случится, неизвестно. Это придает жизни спонтанность, отдает ее во владение «господина случая», вносит хаос и дисгармонию в упорядоченное существование мира (по крайней мере, в сознании человека). Это приводит к постоянному существованию «на лезвие ножа», на грани, со всеми производ-

ными такого состояния от психологических («защитные механизмы» личности - сублимация, идентификация, проекция и т.д.; невротические состояния, стресс, депрессия) до социальных (массовидные движения, социальные конфликты). Человек постмодерна постоянно предполагает возможность разрыва нити «сознание – бытие»: либо «Я» имеет перспективу не ощущать себя существующим (симбиотические состояния, конформность, вплоть до самоубийства), либо существование превращается в безличностное, «растительное», эффект массовости и «принцип толпы».

Отсюда вторая «демаркационная линия»: Новое время характеризуется цельностью (жизни, восприятия, сознания). Человек модерна смотрелся во внутренний мир, как в зеркало, и через это зеркало оценивал и изучал и внешний мир.

Постмодерн – это множественность, «зеркало», разбитое на «осколки», оно еще не рассыпалось, только «дало трещину», но оно может рассыпаться. И что самое главное - оно никогда уже не станет цельным. Можно только сохранить осколки вместе – видимость, иллюзию цельности, но всегда остается опасность «рассыпаться». Вопрос о цельности – это вопрос об унификации, глобализации, с одной стороны, и отмечаемой культурологами (С.Хангтингтон) диверсификации мировой культуры и активизации конфликтов между отдельными, чуждыми друг другу этническими культурами. Как связаны эти противоположные друг другу явления? Чем интенсивнее происходит процесс глобализации и унификации (понимаемый чаще всего как вестернизация – распространение и освоение западной культуры), тем активнее, противодействуя этому, заявляют «периферийные», незападные народы о собственной значимости, непохожести, неповторимости. Дело в том, что одинаковые «осколки» - все равно лишь «осколки» унифицируемость глобального мирового сообщества не есть цельность. Еще Г.Спенсер, один из «отцов» современной социологии, утверждал дифференциацию социальных элементов как основу целостности, как интегративную, взаимодействующую внутри себя целостность, а унификацию и однообразность - как основу распада! Именно глобалистские тенденции Нового времени (воплощенные в экономике и в политике) «раскололи» зеркало культуры. Найти возможности преодоления этого раско-

ла, предохранить от окончательного «распада» - важнейшая проблема современности.

Человек постмодерна и сам себя ощущает «осколком»: «заброшенным» в эту жизнь неизвестно кем и неизвестно зачем, пытающимся, по словам А. Шопенгауэра, «выдуть мыльный пузырь побольше» в преддверии собственной смерти. Такова драма человеческой жизни, впервые обозначенная «философами жизни» на заре эпохи постмодерна и осмысленная, озвученная экзистенциалистами от Н.Бердяева и М.Хайдеггера до А.Камю и Ж.П.Сартра. Главное для современного человека, чтобы драма его жизни не превратилась в трагедию: конец жизни (своей или чужой), самоубийство - одну из ярких тенденций эпохи постмодерна. Можно сказать, только в эту эпоху раскрывается вся «подноготная» человеческого существа, глубинная человеческая сущность, во всей своей позитивности и неприглядности, а главное – несчастья. Иррациональное искусство первой половины XX века от постимпрессионизма и экспрессионизма до сюрреализма пыталось воплотить в себе эту человеческую «несчастья», «непонятость» перед лицом вселенной и самим собой. Тогда, на заре постмодерна, происходила «ломка» сознания, воплотившая невозможность и нежелание смириться, принять драму собственного бытия - вплоть до самоубийств (индивидуальных и массовых - тоталитарных политических явлений). Сегодня, в первой половине XXI века, человек постмодерна «сжился» с ощущением своей жизни как драмы, сегодня он ищет возможности найти новое средоточие целостности, чтобы вернуть утраченную цельность собственного бытия. Разум, рациональность, в основе которых принцип целостности и последовательности, подвигает его к этому: сознание не может быть не-цельным, непоследовательным (нелогичным), иначе оно не будет сознанием. Что же может стать фундаментом новой целостности в жизни современного человека, возвратив ему ощущение цельности своего бытия? Как представляется, это не может быть экономика (в противовес глобализации самой экономической сферы происходит диверсификация ее компонентов: форм собственности, форм потребления и т.д.). Это не может быть социальная сфера: в сегодняшнем все более узко стратифицируемом социальном пространстве человек – производное социальных взаимодействий; амплитуда социальных взаимодействий расширяется - человек при-

обретает все более индивидуальное лицо, определяемое спонтанностью включения в многочисленные и многообразные социальные связи. Не может быть политика: в современном мире все чаще в пределах межэтнического мирового пространства возникают сомнения в ценностях либерализма – составной части западной культуры, представляемой как единственно верный и возможный вариант политического устройства в мире. Уходившая из своих африканских колониальных владений Британия, родина представительной демократии, пытавшаяся оставить после себя близкие и признаваемые единственно верными политические структуры, с некоторым изумлением (как и весь западный мир) обнаружила их неэффективность и даже разрушающую опасность: культура должна «созреть» до демократии, иначе ее «власть народа» превращается (от чего предостерегал еще великий Аристотель) в охлократию – власть толпы, а отсюда и до тирании недалеко. То же самое – применительно к большей части Востока в культурно-историческом смысле от Латинской Америки до Китая и Индии: авторитаризм и в политическом, и в экономическом плане оказывался часто более эффективен и устойчив, чем демократия.

Самое опасное, что и культура как сфера духовного бытия также не может стать тем фундаментом, который способен будет возвратить утраченную целостность (тот же С. Хантингтон прогнозирует обострение культурно-этнических конфликтов (5, 415)).

Вожделенную целостность (или хотя бы ее иллюзию) – бытия и сознания, личности и общества, человечества в целом - возвращает сегодня «глобальная паутина», Интернет, что и является основанием ее успеха. Это – нечто, принадлежащее всем сферам общественной жизни: и экономике, и политике, и социальной, и духовной сфере, а значит, превосходящее их, взятых в отдельности, и по сути воплощающее в себе в момент общения, единения множественности индивидуального духа в цельное и свободное внутри себя социальное и культурное пространство. Единственная проблема – виртуальность, иллюзорность такого рода целостности. Но в истории достаточно случаев материализации разного рода иллюзий.

3. Проблема ментальности: происхождение, взаимодействие ментальностей – одна из важнейших проблем современности. Ментальность – и результат, и потенция исторического бытия.:

мы так живем, потому что мы русские (так думаем, такая экономика, политика), и обратно: национальный менталитет, его принципиальные составляющие – производное нашей истории. Постмодернистские тенденции современности характеризуются более тесной связью между духом и бытием этносов, более четко очерчивают себя ментальности (особенно, в незападном пространстве), более многообразным, инвариантным становится историческое бытие народов. И это при общей тенденции к глобализации мирового пространства! Исламский, японский, корейский, латиноамериканский, китайский варианты культурно-исторического бытия (варианты экономики, политики, социальной жизни) заявляют о себе, не сливаясь между собой и с Западом. Мир окончательно, несмотря на все противодействие Запада, становится многополюсным и многоплановым. И в этой полифонии ментальностей, как и форм исторического бытия, важно не забыть о категориях более высокого порядка: человеке и человечестве как таковом, всемирной культуре и всеобщем завтрашнем дне. Потому что забыть – значит окончательно «рассыпать» зеркало истории и культуры на «осколки». Волна национальных конфликтов, проблема межкультурных взаимодействий – из области такого разрушения.

Сохранить целостность современного полифоничного мира возможно – не унификацией, но активным заинтересованным взаимодействием. Событие, понимаемое как событие, нуждается в сотрудничестве и сопонимании. В контексте нового понимания сущности и роли языка, которое представили современные исследователи и идеологи «философии языка», аналитической философии, герменевтики и феноменологии, понимание предстает как интерпретация. Интерпретация впитывает в себя ментальность. Отсюда конфликт между культурами (между ментальностями) предстает как конфликт интерпретаций: мы не понимаем и нас не понимают. Как определяет М.Бубер, это конфликт Я и Другого (Чужого, Чуждого), который может превратиться (в лучшем случае) лишь во взаимодействие Я и Ты.

Ментальность – по сути, символична. Менталитет – некое средоточие символов, толкуемых на основании характера взаимодействия сначала общества и природы, затем общества и личности, а теперь – общества и культуры. Синергетический характер этих взаимодействий, их часто непредсказуемость, спонтан-

ность, а значит, всегда в достаточной мере произвольность трактовок выглядит как игра стихий – стихии природы, стихии общества, стихии культуры, стихии языка - и внутри стихий. Взаимодействие между культурами, ментальностями – некая «игра символов» и «игра символами»: И.Хейзинга определяет игру как фундаментальную категорию человеческого бытия, как основание и предтечу культуры (4). Символ, интерпретация, игра предстают как основные категории человеческого бытия, и особенно четко это видится в эпоху постмодерна.

Литература:

1. Бубер Мартин. Два образа веры. М.: АСТ, 1998
 2. Деррида Ж. Эссе об имени./ Всемирная философия XX век, Минск, 2004
 3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна /Всемирная философия. XX век., Минск, 2004
 4. Хейзинга. И. Homo Ludens, М., 2004
 5. Хантингтон С. Кто мы? М., 2004
-

**Шаповалов Владимир
Леонидович,**

*кандидат исторических наук, доцент,
декан факультета управления и свя-
зей с общественностью
Курского института менеджмента,
экономики и бизнеса (Курск)*

РОССИЯ В МИРЕ ПОСТМОДЕРНА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Целью данного исследования является определение роли и места России в системе международных отношений в эпоху постмодерна.

Для того чтобы выявить позицию российского государства в мире эпохи постмодерна, необходимо задать систему координат. Иными словами, ответить на вопрос, что такое эпоха постмодерна в международных отношениях? Когда она началась (и началась ли она вообще)? Каковы её специфические характеристики?

В качестве гипотезы исследования предлагается следующее утверждение. Историю международных отношений целесообразно разделить на три периода:

- 1) международные отношения эпохи традиционного общества;
- 2) международные отношения эпохи модерна (индустриального общества);
- 3) международные отношения эпохи постмодерна.

Данная периодизация основана на теории индустриального общества (Росту, Тоффлер и пр.).

Представляется очевидным, что две важнейших социальных трансформации: переход от традиционного общества к индустриальному и от индустриального – к постиндустриальному, оказали революционное воздействие на все стороны общественных отношений, в том числе, на международные отношения.

Переход от традиционного общества к индустриальному (модернизация) привёл к формированию современной системы международных отношений. Этот процесс был растянут на три столетия, с XVII по XX века, и состоял из нескольких этапов:

1. Формирование Вестфальской системы международных отношений, 1648 г.;
2. Создание Венской системы международных отношений, 1815 г.;
3. Складывание Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1922 г.;
4. Формирование Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, 1945 г.

На каждом этапе вырабатывались новые правила поведения на мировой арене, которые становились обязательными для всех акторов. При этом примечательно, что нормы поведения, выработанные на предыдущих этапах, как правило, не утрачивали силу. Так, основной принцип Вестфальской системы международных отношений, принцип невмешательства во внутренние дела других государств, сохранил свою силу до настоящего времени и вошёл в качестве главного принципа в Устав ООН.

Окончательно оформленная после второй мировой войны система международных отношений эпохи модерна базировалась на следующих принципах:

- Признание ведущим актором международных отношений «суверенное государство».
- Признание основополагающим правилом международных отношений невмешательство во внутренние дела других суверенных государств.
- Наличие Организации Объединённых Наций (в период с 1919 г. по 1939 г. – Лиги Наций) в качестве арбитра в конфликтах, возникающих между суверенными государствами.
- Наличие норм международного права, выработанных ООН и её специализированными учреждениями и принятых суверенными государствами, в качестве регулятора международных отношений.
- Наличие баланса сил, т.е. примерного равенства военно-политических и экономических ресурсов между «великими

державами», конкурирующими в борьбе за мировое лидерство.

Переход от эпохи модерна к эпохе постмодерна в международных отношениях начался с момента окончания холодной войны и крушения Советского Союза, т.е. в последние десятилетия XX века. Его основные причины:

- 1) развитие процессов глобализации и регионализации как ведущей тенденции современных международных отношений;
- 2) изменение баланса сил, смещение центра системы международных отношений из Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион;
- 3) падение роли Европы, бывшей на протяжении всей эпохи модерна ведущим актором международных отношений, превращение Европы в «мировую провинцию».

Для эпохи постмодерна характерными являются следующие процессы: падение роли суверенного государства как основного актора международных отношений; усиление позиций т.н. «акторов вне суверенитета»; девальвация влияния Организации Объединённых Наций; возрастание роли альтернативных центров, таких, как НАТО, «Большая восьмёрка»; девальвация основных норм международного права (например, запрещения распространения ядерных вооружений); нарушение принципа невмешательства во внутренние дела других государств (прецедентом является вмешательство в 1999 г. США в конфликт в Югославии и сформулированные в это же время Соединёнными Штатами внешнеполитические доктрины «гуманитарной интервенции» и «избирательной легитимности», оправдывающие подобное вмешательство).

Распад одной из двух сверхдержав, Советского Союза, привёл к разбалансировке системы международных отношений, поставил под сомнение возможность дальнейшего существования Ялтинско-Потсдамской системы и эффективность функционирования её важнейшего элемента, Организации Объединённых Наций. Этот процесс совпал по времени с развитием глобализационных процессов, усилением позиций стран Азиатско-Тихоокеанского региона и ослаблением влияния Европы, а, в будущем, всего западного сообщества. Кумулятивный эффект от

данных процессов и сделал возможным трансформацию системы международных отношений.

Следствием этих процессов стали:

- резкое возрастание хаотичности, анархии в международных отношениях, появление значительных пространств, в первую очередь на Евразийском континенте, для которых характерно состояние «вакуума силы»;
- эскалация напряжённости в отношениях между США и остальным миром, Западом и Незападом, Севером и Югом, различными цивилизациями;
- рост вероятности возникновения вооружённых конфликтов.

Россия оказалась не готова к вызовам, сформулированным постмодерном. Переход к новой эпохе в международных отношениях совпал по времени с резким ослаблением российского государства, вызванным политическим кризисом, разрушением экономики (деиндустриализацией, распадом плановой советской экономики) и социальной сферы, демографическим кризисом, маргинализацией российского общества, кризисом идентичности (потерей национальной идеи, разрушением основ национальной культуры).

Мы переживаем один из самых серьёзных в российской истории кризис, сопоставимый по своим масштабам со Смутой. Вполне реальными являются угрозы потери территорий, утраты национального суверенитета, распада государства.

Выходом из создавшейся ситуации, очевидно, является формулировка новой национальной идеи, в основе которой должны быть следующие принципы:

- Россия должна быть полиэтнической и поликонфессиональной общностью.
- Необходимость одновременного укрепления институтов государства и создания институтов гражданского общества.
- Завершение модернизации, направленной на сокращение отставания страны от мировых лидеров.

**Гурский Андрей
Викторович,**

*директор Научного Библейского
Центра «Апологет», (Курск)*

ПРАВДА ВСЕГДА ОДНА?

Бытует мнение, что размышления об истине – удел философов-профессионалов и что простому человеку, не имеющему специального образования, это не по плечу, да и не нужно ему это. Но с этим трудно согласиться, так как постоянно каждый из нас сталкивается с истиной и ложью в самых различных сферах жизни. «Правда всегда одна!» - утверждает в своей песне о жизнерадостном фараоне Тутанхамоне группа «Наутилус Помпилиус». Однако все чаще мы слышим, что истина относительна, то есть у каждого она своя.

Многим из нас хорошо известен диалог Христа с Пилатом, записанный в Евангелии от Иоанна: «Пилат сказал Ему: итак ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина?» (Ин. 18, 37-38). Судя по всему, Пилат вышел сразу же, не дожидаясь ответа на свой «вопрос» об истине. И это не удивительно, ибо его вопрос относится к разряду так называемых «риторических» вопросов. Эти вопросы не требуют ответов. Они представляют собой специфические фигуры речи, в которых под видом вопроса высказывается некоторое утверждение. В данном случае своим коротким «вопросом» Пилат хотел, видимо, сказать примерно следующее: «Чудак, о какой истине Ты толкуешь?... Вопросы об истине едва ли разрешимы... Каждый мало-мальски философски образованный человек знает это. Но ты – иудейский пророк, а, видимо, этого не знаешь. Впрочем, это не удивительно, ибо в вашем захолустье трудно получить философское образование. Но, судя по всему, Ты человек хороший, хотя и невежественный. Плохо, однако, что Твое невежество толкает Тебя на

смерть. Мне жаль Тебя, и я постараюсь Тебе помочь...» Такой примерно смысл вложил в свой «вопрос» Пилат.

Сегодня, как и тогда, заговорив об истине, можно натолкнуться на такой же вопрос. Принято считать, что истина - это как вкус при выборе одежды. Каждый выбирает то, что ему нравится. И никому не нравится, если ему пытаются что-то навязать. Но можно ли это отнести к истине? Давайте представим, что в вопросе истины каждый волен выбирать то, что он считает верным. Например, я считаю, что могу проезжать светофор на красный свет, а другой участник движения, на зеленый. Авария рано или поздно произойдет, это вопрос времени. Кто-то скажет, что это не относится к вопросам истины, что это правила безопасности движения. А кто сказал, что жить по «своим» правилам безопасно?!

Итак, существует ли абсолютная, универсальная для всех людей истина, и где ее искать? В начале давайте определимся с этимологией слова истина.

Среди различных ответов на это вопрос можно выделить такие: истина (греч. *aletheia*, лат. *veritas*) – это:

- 1) соответствие знания отображаемой им действительности;
- 2) само знание, которое верно отражает (отображает) действительность;
- 3) реальность – действительность, то, что «есть на самом деле»;
- 4) раскрытие реальности (обнаружения бытия);
- 5) абсолютная ценность, укорененная в Высшем бытии;
- 6) в Священном Писании и, соответственно, в библейском мышлении истинно то, что исходит от Бога и утверждается Им в жизни.

Быть в истине – значит быть в мире с Богом, быть верным Его Завету и любить Бога и ближнего. Соответственно, истина постигается в правильных отношениях с Богом и ближними.

Абсолютная же истина – это истина, которая принципиально не устаревает. Единственный возможный источник ее открытия нам – это иной, высший мир – Мир Духа. Абсолютная истина имеет своим непосредственным источником, конечно, Бога. Абсолютная истина вечна (вневременна). Более того, всякая истина – в той степени, в какой она действительно является исти-

ной – причастна абсолютности, причастна вневременности, причастна вечности...

Теперь рассмотрим два понятия в постмодернизме, которые, на мой взгляд, оказывают весьма пагубное влияние на общество. Это релятивизм и плюрализм.

Релятивизм (от лат. *relativus* - относительный) утверждает, что нет единой истины, одинаковой для всех людей, а есть лишь множество «истин», удобных, полезных и убедительных для одних, но неприемлемых для других. Короче говоря, с точки зрения релятивизма, «любая истина относительна». Релятивизм дезориентирует людей, убеждая их в недостижимости абсолютной истины. Он лжет, что познание нами мира не может претендовать на большее, чем накопление относительных истин. Абсолютная истина, - лживо утверждает он, - это не более чем потенциально бесконечный процесс накопления относительных истин. Релятивизм, включающий в себя агностицизм и скептицизм, не выдерживает чисто логической критики, суть которой можно выразить так: если любая истина относительна (неабсолютна, имеет исключения), то должна быть относительной (имеющей исключения) и истина, говорящая об относительности любой истины; следовательно, должна существовать и безотносительная (абсолютная) истина, то есть неверно, что любая истина относительна. С точки зрения логики, теории, которые содержат внутренние противоречия, должны либо отбрасываться, либо существенным образом модифицироваться, поскольку в подобных теориях стирается граница между истиной и ложью – между истинными и ложными утверждениями (элементы формальной логики). Другими словами, релятивизм в понимании истины является самопротиворечивой позицией – и в качестве таковой должен быть отвергнут.

Понимание логической ущербности релятивизма очень важно для христианина, который должен быть всегда готов «дать отчет о своем уповании» - уметь отстоять истинность своей веры, истинность христианской доктрины. Вспомним слова Иисуса Христа, что дерево познается по плоду. Этот же принцип я хотел бы применить к постмодернизму. Уже сейчас можно видеть такие плоды отрицания постмодернизмом абсолютной истины:

1) Рост количества абортот – ведь беременная вправе сама решать, нужен ли ей этот ребенок или нет;

2) Рост количества разводов – никого не интересует, что по поводу разводов думает Бог;

3) Гомосексуализм не осуждается, однополые браки во многих странах разрешены, а сейчас стоит вопрос о том, чтобы разрешить таким «парам» еще и усыновление;

4) Эвтаназия – во многих странах официально разрешена. А в некоторых аптеках появилась возможность купить специальный набор для эвтаназии.

Примеры можно продолжать...

Так что не удивляйтесь всему этому. Ведь новое поколение, поколение постмодерна, было так научено. В свое время митрополит Антоний Сурожский сказал, что сейчас многим стало «выгодно» не верить в Бога. И люди живут так, как им выгодно. Эта идея стала популярной уже в период протомодерна, а возникла еще раньше. Совершенно справедливо заметил Ф.М. Достоевский: «Если Бога нет, то все позволено».

Так вот и живем. Уже в начальных классах общеобразовательной школы ребенка учат, что все живое на Земле появилось само собой, что человек произошел от обезьяны. В ВУЗе, на занятиях по философии ему начнут расширять кругозор и, если у него к этому моменту еще будут христианские убеждения, их постараются «выбить» из него. И вот в итоге мы получаем человека, который сам является мерой вещей, он сам бог для себя, ему решать, ему устанавливать истину. И если он всего лишь эволюционировавшее животное, то и отвечать за свои поступки нет нужды. В свое время Адольф Гитлер сказал: «Дайте мне учебники, и я буду контролировать страну». К началу Второй мировой войны он составил так называемый черный список, где распределил расы людей. Первыми шли арийцы, потом другие европейцы, славяне уже относились к полуобезьянам, потом шли пигмеи и замыкали список евреи, которые лишь на ступень шли выше обезьян. Немецкий солдат, убивая еврея, считал, что он всего лишь убивает вредное животное.

Постмодернисты много говорят о толерантности, а сами нетерпимы к тем, кто не разделяет их убеждений. Если человек стоит на позициях абсолютной истины, на него сразу же вешают ярлык человека нетолерантного. Но почему по умолчанию принято считать, что христиане нетерпимы к представителям других мировоззрений? Давайте не путать отношение к человеку, совер-

шающему грех, и к самому греху. Согласно Библии христиане должны быть непримиримы к греху, но любить ближнего, кем бы он ни был. Такую позицию занимает Бог, к этому Он призывает и нас. Мы должны с пониманием относиться к представителям других религий, но это вовсе не означает, что мы должны с ними соглашаться.

Плюрализм (от лат. *pluralis* – множественный), утверждает, что есть множество равноценных, но относительных истин. Одна притча в качестве примера. Двое евреев пригласили раввина разрешить их спор. Он, выслушав первого спорщика, говорит ему: «Ты прав». Затем, выслушав другую сторону, раввин также сказал: «Ты тоже прав». Женщина, слышавшая их, не выдержав, воскликнула: «Равви, не могут же они одновременно быть правыми!» Раввин отвечает ей: «И ты женщина права». Нас учат, что все понемногу правы, но позвольте, не может быть нескольких правильных взаимоисключающих ответов на один и тот же вопрос. Нам пытаются сказать, что все пути ведут к Богу, что, мол, все тропинки на горе сойдутся, но это настолько поверхностное суждение! Во-первых, мы, христиане, знаем из Библии слова Христа: «Я есмь путь, истина и жизнь. И никто не приходит к Отцу как только чрез Меня». Во-вторых, даже самая поверхностная сравнительная характеристика религий покажет ряд существенных различий с христианством.

Многие люди считают, что они «живут только раз». Но если раньше хотя бы говорилось, что нужно посадить дерево, построить дом и воспитать сына, то теперь цели существования человека претерпели изменения. Приоритеты явно сместились. Они сейчас сплошь гедонистические. Нужно взять от жизни все, получить максимум удовольствий сегодня, ведь, кто знает, может, «завтра» и не будет. В последнее время учителям все сложнее объяснить ребенку, что такое жертвенность. Не от того ли, что они не могут показать живых примеров. Не в моде это сейчас. Человек объявлен самой высокой ценностью, и объявил это он сам. Но жизнь же его стоит все меньше и меньше.

Вспомните князя Дмитрия Нехлюдова из прекрасного романа Л.Н. Толстого «Воскресение». В течение всего романа автор описывает происходящие внутренние изменения своего героя. В конце концов князь составляет пять правил, исполнение которых, по его мнению, привело бы к всеобщему благу. И хотя все они

взяты из Библии, и все хороши, эти правила не полны. Они регулируют отношения между людьми, но в них нет ни слова об отношениях человека и Бога. Почему? Хороший вопрос. Многим кажется, что можно взять только этические правила Библии, и этого будет достаточно. И если роман Толстого всего лишь литературное произведение, то семьдесят лет строительства коммунизма – совсем другой роман. В основу Морального кодекса были положены многие этические заповеди Библии, а о Боге предпочитали не говорить. А потом и вовсе стали искоренять всякое знание о Нем. Все должны были быстро усвоить теорию и практику научного атеизма. А для особо недогадливых был приготовлен известный архипелаг. Никому не надо объяснять, что из этого получилось.

Этические правила становятся действенными только тогда, когда мы признаем и преклоняемся перед Всемогущим Богом, источником нравственности и абсолютной истины. «Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые».(Матф.7, 16-18). «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым». (Матф.12, 33).

А правда всегда одна!

Асеева Ирина Александровна,
кандидат философских наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин
Курского государственного
медицинского университета (Курск)

ДИАЛОГ КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО В ТРАДИЦИЯХ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Отказ от жесткой сциентистской установки, наметившейся в конце XX века, открыл широкие возможности для обогащения традиционной теории познания. Объектами внимания философии становятся такие ранее выводившиеся за пределы науки сферы человеческого опыта, как религия, обыденно-практический опыт, художественное творчество, гуманитарное знание. Научное познание оказалось не единственным достоверным источником постижения действительности. Меняется сам тип рациональности. Он характеризуется гуманистичностью, открытостью, ориентацией на многообразие духовной жизни человечества.

Постнеклассическая рациональность, с которой ассоциируется постмодернизм, выступает под лозунгом диалога на основе взаимной информации с целью дополнения различных познавательных традиций. Такой подход позволяет применить подробно разработанную методологию к разнообразным событиям и фактам живого мира культуры. Использование научной рациональности в изучении многомерных социокультурных феноменов, я полагаю, поможет избежать преувеличения их познавательной ценности, защитит теорию познания от ложных интерпретаций, заблуждений и ошибок. Вместе с тем, вырабатывается новая методология равноправных дискурсов, избегающая преобладания одного (научного) способа познания и игнорирования всех иных.

Главным основанием возможности диалога различных когнитивных практик является доверие к познающему человеку, внимание к его практическому и духовному опыту, неосознаваемому и скрытому знанию, интуитивным догадкам, творческим взлетам и пророческим озарениям. Принцип доверия субъекту как

целостному человеку познающему находит обоснование в работе Л.А. Микешиной «Философия познания. Полемиические главы»: «...анализ познания должен явным образом исходить из живой исторической конкретности познающего, его участного мышления и строиться на доверии ему как ответственно поступающему в получении истинного знания и в преодолении заблуждений»¹.

Сам субъект познания тяготеет к тому или иному способу познания мира в зависимости от собственного мировоззрения, ценностных установок, реальной ситуации. Соответственно, и выводы он строит в понятных для себя образах, смыслах и языке. Поэтому не удивляет такое разнообразие когнитивных практик, пытающихся по-своему описать, проанализировать, понять интересующий объект.

Проблема познания будущего – тема жизненно важная на протяжении всей человеческой истории. Спасемся или погибнем, что ожидает народ, какие предстоят беды и лишения, какое принять ответственное решение – ни одна эпоха не избежала поиска мучительных ответов на подобные вопросы. Но какой ответ истинный: полученный в результате сложного компьютерного тестирования или прозрение поэта? Традиции и установки постмодернизма позволяют не противопоставлять разные способы познания будущего, а сопоставлять их, рассматривать в качестве взаимодополнительных, где каждый предлагает то, чего не было у других.

Традиционная теория познания обычно делит предвосхищение на научное и ненаучное. Предвосхищение, претендующее на звание научного, «всегда основано на взаимосвязях реального мира, адекватно отображаемых в человеческом познании. Под ненаучным обычно понимают предвидение, построенное на искусственно сконструированных субъектом познания взаимосвязях, которые могут иметь, а могут и не иметь места в действительности»². Мне представляется такое разделение не совсем корректным. Действительно, ведь человек в процессе предвосхищения часто имеет дело не только с объектами, которые не существуют или не наблюдаемы в данный момент, но и с такими, которых он вообще еще никогда не встречал. Тем не менее, это не исключает их анализа с позиций четких и проверенных науч-

¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М., 2002. С. 159.

² Колесников М.А. Научное предвидение как процесс экстраполяции. Новосибирск, 1993. С. 4.

ных теорий. С другой стороны, знания, полученные в результате реальной практической деятельности, но не укладывающиеся в известные закономерности, еще нельзя считать научными. Объем исходных знаний, их систематизированность является важнейшим, если не сказать решающим, условием получения знаний о будущем. Именно недостатком исходных данных, ограниченностью исходной информации можно объяснить целый ряд случаев неудачных или неверных предсказаний.

Более верна, с моей точки зрения, классификация способов познания будущего как рациональных и иррациональных. Рациональные способы строятся на явно выявляемых зависимостях реальности, более или менее обоснованы, логичны и систематизированы. Это научное прогнозирование, философское предвосхищение, обыденно-практический опыт. Иррациональные способы отличаются эмоциональностью, субъективностью, напряженными поисками идеала, тревожными ожиданиями, предчувствиями, личными переживаниями автора. К ним я бы отнесла интуитивные озарения, профетизм искусства, социальные и религиозные пророчества.¹

Известно, что научное прогнозирование представляет собой вероятное знание, показывающее направления и результаты развития явлений и процессов объективной действительности, для которых к моменту построения модели найден причинно-следственный механизм изменений. Предполагать, что оно представляет собой знание, показывающее будущее во всей его конкретности, значит объявлять исходное знание всеобъемлющей абсолютной истиной. Поэтому, когда речь идет о научных прогнозах, следует признать, что они отражают или повторение, или появление в будущем явлений, однотипных тем, которые лежат в основе закона. В отличие от иррационального предвосхищения, научный прогноз характеризуется «высокой степенью обоснованности и объективности».²

Научное предвосхищение представляет собой процесс выявления всех возможных путей развития системы в будущем и наиболее эффективных методов в достижении каждого из них. Причем, насколько точно будет разработана схема вероятностных прогнозов, зависит, в основном, от интеллектуального потенциала

¹ Асеева И.А. Рациональные и иррациональные аспекты обыденного предвосхищения будущего // Философские науки. № 9/1, 2004. С.30-44.

² Бестужев-Лада И.В. Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования. М., 1970. С. 14.

прогнозиста, от верно построенных логических цепочек, от объема использованной информации. При этом влияние субъективного фактора на реализацию прогноза, как правило, не учитывается.

Прогнозирование поливариантно и описывает будущее в общих, наиболее закономерных чертах. Детальные картины будущего с ярким описанием частных подробностей, показывающие схему развития событий, принято считать вненаучными, то есть не имеющими реальных объяснений. Именно к ним относятся пророчества как способ познания будущего или художественные прозрения.

Научное предвосхищение описывает будущее развитие природы и общества, в то время как пророчество касается только общества. Если и упоминаются стихийные бедствия или явления природы, то только в смысле влияния на общество.

Личность человека, занимающегося научным прогнозированием, его психологические характеристики на качество прогноза, думается, не влияют. Составляющие триады: предсказатель – предсказание – реализация на практике – соотносятся по-разному в случаях научного прогнозирования и пророчествования. Результат труда прогнозиста – бесстрастный текст (диаграмма, график, схема), перечень вероятностных тенденций развития. Кто и как его будет использовать, автор прогноза, как правило, не знает. Его индивидуальная активность по воплощению в жизнь того или иного варианта будущего ничтожно мала. Совсем иная картина в случае с пророком. Он не только страстный популяризатор своих идей, но и, что важно подчеркнуть, нередко вся его жизнь уходит на воплощение своей пророческой миссии. Пророк является не только субъектом предвосхищения, но и основным участником процесса его осуществления или неосуществления. Пророк считает своим долгом перед обществом не просто обнародовать свое прозрение, но и стремится сделать все, чтобы добиться его реализации, либо, наоборот, не допустить трагической ошибки, в зависимости от чувственно-эмоциональной наполненности пророчества.

Научное предвидение неэмпирично, оно не может опираться на наблюдение, эксперимент, так как его объект еще не сформировался в действительности. Оно представляет собой набор некоторых логических операций, направленных на создание идеальных объектов. Какой из предложенных вариантов будущего станет реальностью с достоверностью сказать очень трудно, так как общество – сложнейшая система, испытывающая огромное количество внеш-

них и внутренних воздействий. Насколько истинно научное предвидение, впрочем, как и пророчество, показывает практика.

Необходимо отметить, что при оценке истинности любых типов пессимистических предвосхищений возникает некоторый парадокс: с одной стороны, чтобы узнать истинность знания о будущем, необходимо, чтобы это будущее настало. Но в этом случае теряется смысл предсказания, который как раз и заключается в том, чтобы по-возможности не допустить трагическое будущее, представшее в видении. С другой стороны, если люди поверят в него, поймут, к каким бедам и катастрофам могут привести их действия, и исправят свое поведение, то предсказание может «саморазрушиться» (Д. Белл). А это значит, что и пророчества, и прогнозы оправдываются и подтверждаются только тогда, когда никто не принимает их за таковые.¹ Хотя, если не прислушиваться к настоятельным поучениям пророка и продолжать «упорствовать в невежестве», то пророчество, весьма вероятно, осуществится. В современном мире роль отвергаемых пророков играют экологи, тщетно предупреждающие общество о масштабности экологического кризиса.

Необходимо подчеркнуть, что цель научного предвосхищения – выявить наиболее вероятные варианты будущего и добиться их осуществления. Оно дает возможность контролировать процессы и управлять ими. Научное знание открывает возможность не только предвидения будущего, но и сознательного его формирования. Жизненный смысл всякой науки может быть охарактеризован так: знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы действовать. Но все же прогноз не предусматривает решение проблем будущего, а является его гипотезой. Его задача – содействовать научному обоснованию целей, планов, решений человека для построения оптимальных моделей жизни.

Цель же пророчества – на основе представления о будущем осмыслить и скорректировать настоящее. Научное предвосхищение отвечает на вопрос – как достичь будущего результата, а пророчество – зачем, для чего, какие нужно совершить действия в настоящем, чтобы прийти к определенным результатам, и какие могут быть последствия этих действий.

Научное предвосхищение динамично, оно описывает развивающийся процесс, а пророчество статично, это как бы сюжет

¹ Курбатов В.И. Философия в парадоксах и притчах. Ростов-на-Дону, 1996. С. 55.

из будущего, эпизод ещё не разыгранной драмы. Научное предвидение эмоционально нейтрально, в то время как пророчество отличается предельной страстностью. Нейтральных пророчеств, как правило, не встречается, они рисуют либо идеальное будущее, «Царство Боже», либо Апокалипсис в соответствующих эпитетах.

Философское предвидение представляет собой форму осмысления будущего, связанную с построением мысленной модели предстоящего развития какого-либо процесса или явления.¹ Философское познание будущего вполне рефлексивно, т.е. сознательно анализируется не только объект предвидения, но и процесс его изучения. Причем объект предвидения рассматривается во всей сложности его взаимосвязей с внешним миром, не исключая и процесс взаимодействия объекта с субъектом предвидения.²

Философия критически анализирует традиционные, принятые нормы и ценности. Отбрасывая устаревшие, она обосновывает новые приоритеты, которые, по ее мнению, будут востребованы обществом в дальнейшем. Философ пытается рационалистически объяснить свои предвидения на основе уже известного знания и здравого смысла.

Философское познание может существовать в различных формах. Э.Ю.Соловьев выделяет два жанра философского исследования: духовно-теоретический, пользующийся специфическим понятийным аппаратом и принятыми формами построения, и духовно-практический, осуществляющийся в работе с мировоззренческими универсалиями, использующий не специально-понятийные средства, а средства других форм мышления, например, публицистические, художественные. Такой философ работает на материале жизни и с непосредственной жизненной отдачей.³

На этой основе могут развиваться достаточно сложные и оригинальные комплексы философских идей. Перерабатывая их, теоретическая философия, в свою очередь, формирует более строгий понятийный аппарат, где категории культуры и природы определяются в своих наиболее общих и существенных призна-

¹ Степин В.С. Творчество культуры и прогнозирующие функции философии //Диалектика научного и технического творчества. Обнинск, 1982.

² Кочергин А.Н. Специфика и структура философского знания //Структура философского знания. Томск, 1986. С. 32-35.

³ VI Всесоюзная школа молодых ученых. Тбилиси, 1986.

ках. Хотя задачи философии А. Шопенгауэр видел в том, что она «размышляет и исследует, а не предписывает»¹, нам представляется, что предсказатель – никто иной, как практический философ, размышляющий об обществе и способах его совершенствования.

В отличие от философского предвидения, пророчество имеет именно директивную насыщенность. Причем процесс изучения тенденций развития социального объекта у пророка происходит неосознанно, через накопление огромного объема информации, постижение «большого опыта» (по М.М. Бахтину). Осознается лишь конечный результат – картина будущего. Каким образом пророк приходит к тем или иным выводам, он и сам часто не понимает. В связи с невозможностью объяснить корни прозрений возникает сложность в доказательстве своей правоты. Поэтому при недостатке логических аргументов на первый план выступает необходимость использовать другие способы убеждения. Макс Вебер считал пророка личностью харизматического типа, которой «повинуются, в сущности, не по разумному убеждению, а иррационально»².

Критическая ситуация в обществе, хорошая осведомленность, вера в истинность собственных идей, ораторские способности, страстный темперамент, незаурядные личностные особенности заменяли при необходимости слабую аргументированность. Пророчество характеризуется интуитивным, неосознанным схватыванием наиболее вероятного развертывания событий без логической обработки исходных данных.

Как и философ, пророк, заботясь об общем благе, часто, как ни странно, становится в оппозицию к обществу, стремится разрушить сложившиеся стереотипы. С.С. Аверинцев отмечает, что «при всем резком несходстве типов философа и пророка тот и другой воплощают протест против данностей сакрального быта во имя духа».³ Причем философ протестует против инерции во имя разума, а пророк во имя идеи. Пророк выступает как философ – практик, общественный деятель с философским складом ума.

¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Антология мировой философии. В 4-х т. М., 1971. Т. 3. С.694.

² Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992. С. 107-108.

³ Аверинцев С.С. Западно-восточные истоки европейской традиции: несколько общих замечаний// Проблема человека в истории философии. Вильнюс, 1984. С 34.

Таким образом, пророчество, так же как и философское предвидение, формирует социальный идеал, основанный на новых социальных, духовных, экономических, политических, научно-технических потребностях общества. Философский идеальный объект может реализовываться на практике, а может и нет. Пророк же не останавливается на констатации должного, а добивается его осуществления.

Исследуя способы предвидения будущего, невозможно оставить без внимания художественное познание, обладающее определенной спецификой: наряду с понятием в нем функционирует богатая система образов. Предвосхищения в искусстве бывают удивительно точны, потому что мысль и образ у художника всегда обострены до предельной выразительности и рельефности. «Сердце художника – сверхчуткий резонатор, отвечающий на тревожные сигналы грядущих бедствий, которые невосприимчивы миллионами простых смертных, и посему, когда предчувствия сбываются, иных объяснений, кроме чуда, у нас не находится. А на самом деле просто: где у обыкновенных людей во взаимоотношениях с внешним миром происходит сложение, в крайнем случае – умножение, там у художника сразу же – возведение в степень».¹

В отличие от пророков, утверждающих, что их видения являются фактом, «предсказатели от научной фантастики представляют на наш суд возможные варианты будущего, в которых они отражают наши устремления и глупость в несколько преувеличенной форме. Наиболее пессимистические из них похожи на апокалипсические сценарии, выдвинутые их Евангельскими предшественниками. Они исполнятся, если мы будем продолжать игнорировать наличие в нас высокомерного и надменного дьявола».² Важно обратить внимание, что современная фантастика предупреждает о том, что нельзя допустить, чего не должно быть. «Мы не предсказываем будущее, мы предотвращаем его», – любил говорить Р. Брэдли. Писатель-фантаст предполагает, как бы он стал действовать, попав в описанную им ситуацию, как поступило бы все человечество. Герои фантастов ставят нас перед тем же моральным выбором, что и пророки Библии, действующие лица писаний и мифов. Социальная функция фантастики,

¹ Смирнов К. Страсти по Андреям // Утренняя Звезда. Альманах международного центра Рерихов, 1993, № 1. С. 259.

² Пророчества и предсказания на тысячелетие. М., 1997. С. 110.

очевидно, в предупреждении и подготовке общественного сознания к возможным вариантам грядущего. Будучи подготовленными, мы можем смотреть в будущее с большей уверенностью, более реальной и сознательной оказывается свобода выбора пути, что сближает, на наш взгляд, смысл художественного предвосхищения и пророчества.

Многочисленные примеры точного предвосхищения будущего, встречающиеся в реальной истории и искусстве, основанные не на логическом, рациональном рассуждении, а взявшиеся «неизвестно откуда», подводят нас к размышлению об интуиции. По мысли Дж. Дьюи, «всякое мышление начинается с проблемной ситуацией». Сначала проблема решается логическими средствами, то есть сознательно. Но как только выясняется, что принятие решения требует более точной, а иногда и вовсе неизвестной информации, сознание попадает в тупик. «Хронический дефицит информации привел к образованию более тонкого и важного физиологического аппарата - способности интуитивного понимания, проницательности, антиципации ...».¹

Выделяется ряд особенностей, характерных для интуитивного способа предвидения: возникает в сложных ситуациях множественного выбора, когда либо возможно несколько способов разрешения проблемы, либо нет ни одного, а решение необходимо принять быстро; действует на основе прежнего опыта, накопленного как сознательно, так и несознательно, что создает иллюзию «внешних» причин, приводящих к результату; основываясь на опыте и предварительной работе, интуитивное озарение, инсайт, происходит внезапно, неожиданно; нелогичность его познавательной структуры, или, по крайней мере, логичность не осознается. Тем не менее, Анри Пуанкаре утверждал, что нелогичные, нереальные или невоплотимые проекты просто не придут в голову исследователю, что говорит о внутреннем единстве логического строя сознания и неосознаваемого. Интуитивные предвидения зависят от многих случайных и субъективных факторов, как например, гибкость ума, способность отойти от стереотипов, схем, опыт, воображение, ассоциация и т.п.

В отличие от научного прогнозирования, распространяющего свои возможности на довольно длительный период, интуи-

¹ Налчаджян А.А. Некоторые вопросы психологии интуитивного познания в научном творчестве. Автореферат... кандидатской диссертации. Ереван, 1968. С. 23.

ция предвосхищает ближайшее будущее, причем в случае, лично-стно значимом для субъекта. Интуиция возникает в проблемной ситуации, когда человек переживает психологическую неуравновешенность, эмоциональный дискомфорт и стремится к их снятию. Возможно, что в этот момент возникающая эмоция воздействует на долговременную память и ассоциативно вызывает прошлые эмоции, а с их помощью и соответствующие чувственные и понятийные образы. П.В. Симонов считает, что «эмоции как бы мобилизуют весь жизненный опыт человека, причем не только осознанный, хорошо поддающийся анализу, но и тот, который сложился вне «светлого пятна».¹ Эмоции стимулируют работу мышления, направляя его на поиск наилучшего варианта решения проблемы.

Несмотря на всю значимость интуитивного способа поиска нужного решения, его не стоит переоценивать. М. Бунге пишет по этому поводу, что «ученые ценят интуицию, в особенности творческое воображение, ускоренное умозаключение и фронезис, но не рассчитывают на нее. Им известно, что психологическая самоочевидность не гарантирует истины, что интуиция в высшей степени индивидуальна и что она часто разыгрывает злые шутки... Интуитивность - не критерий для построения и оценки научных теорий».² Интуитивная догадка может быть лишь этапом и научной работы, и художественного творчества, и пророчества.

Сопоставление различных способов предвосхищения будущего демонстрирует их несомненную познавательную значимость для современной гносеологии. Научно-теоретические формы познания могут рационализировать, осмысливать, критиковать разнообразный когнитивный опыт, но они не могут его заменить. Вместе с тем, явно прослеживается их близость и взаимовлияние. По крайней мере, их цель общая: знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы действовать. И научный прогноз, и философский проект, и обыденно-практическое предвидение, и интуитивное озарение, и религиозное пророчество необходимы обществу для более уверенной самоорганизации, сохранения гомеостаза в условиях нестабильности.

¹ Симонов П.В. Метод К.С. Станиславского и физиология эмоций. М., 1962. С. 32.

² Бунге М. Интуиция и наука / Перевод с английского. М.: Прогресс, 1967. С. 143.

Черенков Михаил Николаевич
кандидат философских наук,
вице-президент по вопросам
образования и общественных связей,
Ассоциация «Духовное возрождение»,
(Москва)

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА VERSUS ПОСТМОДЕРНИЗМ

В поисках выхода из современного мировоззренческого кризиса наши современники обращаются к своему духовному наследию. Когда рушатся привычные общественные идеалы, именно «духовная классика» способна дать силы и волю каждому отдельному человеку. Особой популярностью среди читающего, думающего, ищущего сообщества (в частности, студенческого) пользуется творчество Г.С. Сковороды. Ему удалось оставаться «неуловимым для мира», прозревать сквозь мирское «свет неувечерный», дышать «благодатным воздухом воскресения». Если для человека эпохи постмодерна мир видится как душная «баня с пауками», то для Сковороды мир – это путь, неустанное и подвижничество к неземной Родине. Для современников мир – это «последнее», «окончательное», выход из которого отсутствует; для нашего же героя мир – это просвет, через который является себя трансцендентное. Для общества потребления мир – это склад вещей, а смысл жизни человека – их присвоение; для Сковороды же истинный смысл открывается лишь после освобождения от «рабства вещественным началам мира», в незаинтересованном, духовном отношении.

Его мысли оформились в тексты довольно поздно. Этому предшествовали странствия по жизни: учеба в Киево-Могилянской академии, пение в придворной капелле, преподавательская работа в семинарии, коллегииуме, «частная практика», бесконечные путешествия. При жизни его не признали и часто обвиняли в ереси по отношению к официальной церкви, хотя сам философ был глубоко и искренне верующим. Неоднократно осу-

ждали и его социальную позицию, хотя Григорий Савич был совершенно законопослушен и мирен, ни к каким революциям и бунтам не призывал. При этом всегда не молчал, обличал общественную несправедливость, неравенство, произвол власти. Но прежде всего он указывал на подлинные причины социальных бед: на моральное разложение, эгоизм человеческой природы, корыстолюбие, жадность к вещам, деньгам, власти, почету. Так что его проповедь была скорее нравственная, чем социально-политическая, и отражала его личный духовный путь, а не пустое морализаторство.

Три пути изведal Г.С. Сковорода: странствия по миру человеческой жизни, по дорогам, городам, селам; по внутреннему миру своего «Я» (как говорил грузинский философ Мераб Мамардашвили, «по тропинкам внутреннего сада»); по миру Библии, миру ее людей и идей. И все эти пространства были взаимосвязаны, опыт их освоения взаимодополнял и взаимоподтверждал. Путешествия по этим мирам затянулись на всю жизнь. Поэтому и умер Сковорода с книгой Библией в пустой котомке, так и не привязавшись душой и телом к дворцам, славе, деньгам. На его могиле выбиты его же слова: «Мир ловил меня, но не поймал».

Вся жизнь Г.С. Сковороды была длинным путем к истине. Причем не к истине абстрактной, книжной, оторванной от жизни, но к истине живой, реальной, которая одухотворяет личность, открывает перед ней цели и смысл для труда и добродетели. Обретая такую истину, Сковорода уже ничего не боялся: ни гнева власти, ни разбойников на дорогах, ни телесной боли, ни жизненных трудностей. Он нашел свой путь к Богу, а потому мир уже не был для него опасен. Сковорода стал для мира нездешним, странствующим, путешественником к иной, неземной родине.

Именно категория «путь» может быть ключевой к пониманию мировоззрения Сковороды. Путь – это не обладание истиной, не присвоение и удержание ее как своей собственности, но постоянное искание истины, следование за ней, как за путеводной звездой, когда не человек владеет истиной, но истина захватывает его и руководит им. Путь – это не жизненный комфорт и стабильность, но риск и опасность странствий, труд и лишения. Путь – это не уверенность обладания, но стремление и надежда. Путь – не для оседлых, но для кочевников, которые не привязаны

к своему месту, своей социальной роли и маске, но ищут себя подлинного. Поэтому Сковорода воспринимал жизнь не как место постоянного жительства, но как школу духовности и тернистый путь к миру духовного, к внеземной родине.

Духовный опыт Сковороды ценен для современников тем, что учит жить высшими ценностями, стремиться к возвышенным целям, трудиться в мире творчески и с радостью, как по призванию («сродна праця»), относиться к другим людям бескорыстно, жертвенно, любяще. Духовные поиски «украинского Сократа» завешают нам опыт неустанного вопрошания о смысле жизни, самого серьезного к ней отношения. Лично незаинтересованное, бескорыстное отношение к жизни; чуткое и трепетно-бережное отношение к миру; приоритет духовных ценностей; обращенность к смысложизненным проблемам; готовность следовать за истиной до конца – именно этот ряд характеризует Сковороду как человека и как мыслителя. Ведь если земной мир – не постоянное местопребывание, а *путь* домой, то главное – не то, чем ты обладаешь (вещи, общественное признание, власть), а ценности – высокое, приподнимающее над миром дольным, к которому стремишься. Сегодня, когда духовный и социальный нигилизм, легкомыслие, потребительский эгоизм, «наплевательское» отношение к другим людям становятся нормой, как никогда актуален жизненный и творческий опыт Г.С. Сковороды.

***Лихих Дмитрий Геннадьевич,**
руководитель Христианского
медицинского центра «Коллеги»,
студент КГМУ, (Курск)*

КОНЦЕПЦИЯ ГРЕХА В ХРИСТИАНСТВЕ И РЕЛИГИИ «ЭРЫ ВОДОЛЕЯ» (НЬЮ-ЭЙДЖ)

Развитие и распространение постмодернистских взглядов и учений многие связывают с началом «Эры Водолея», которая сменила длившуюся около двух тысяч лет «Эру Рыб». В результате колебания земной оси, солнце в день весеннего равноденствия (21 марта) каждые 2160 лет появляется на фоне нового созвездия. Незадолго до Рождества Христова оно пересекло границу созвездий Овна и Рыб, а на рубеже третьего тысячелетия вошло в созвездие Водолея. Так как предполагается, что Водолей (Аквариус)- существо мужского пола, новая эра Водолея, по мнению астрологов, должна стать эпохой гуманизма и братства людей. Астрологи заявляют, что наступает эпоха всеобщей гармонии, мира и спасения. Символом уходящей эпохи являлись две рыбы, плывущие в разные стороны. Они указывали на противоположность таких понятий как добро и зло, истина и ложь, любовь и ненависть и т. д. Символ новой эры Водолея - текущий из кувшина единый поток, объединяет в себе все, в том числе и противоположные начала.

Воплощением духовных устремлений многих постмодернистов является религия «Эры Водолея» - Нью эйдж (дословно: новый возраст). Но обычно в литературе «нью-эйдж» переводится как «новый век», либо вовсе остается без перевода. По-видимому, понятие «нью-эйдж» прочно входит в обиход современных россиян наряду с такими понятиями, как «дилер», «киллер» и «дистрибьютор». Однако теология религии Нового века не так нова, как может показаться на первый взгляд. Она есть лишь возвращение к хорошо известному, но забытому старому. Так центральными концепциями взгляда Нового века на мир является

монизм и пантеизм. Этическая же система этого «золотого века» основывается на безграничной человеческой свободе.

Монизм утверждает, что все существующее и несуществующее - едино. Под этим подразумевается то, что между тем, что мы воспринимаем глазами, и тем, что есть на самом деле, существует лишь видимое различие, которое определяется лишь восприятием. Все есть единое целое, и человек является частью этого целого.

Пантеизм утверждает, что бог – это духовное единство во всем. Бог «растворен» во всем мире, космосе, включая человека. Следуя постулатам монизма и пантеизма делается вывод: все есть бог. А поскольку человек есть часть всего, то и человек есть бог. Бенджамин Крим, писатель Нового времени, так формулирует этот взгляд: «Вы есть бог. Я есть бог. Этот микрофон – бог. Этот стол – бог. Все есть бог».

Единственное, что отделяет человека от бога, это его собственное сознание, а не греховность. Поэтому последователи Нового Века предлагают найти бога внутри себя, изменив сознание и, тем самым, убрав так называемые сознательные ментальные блоки. Ширли Маклейн, известная актриса и адепт религии «Эры Водолея» пишет: «Каждая душа – свой собственный бог. Вы не должны поклоняться кому-либо или чему-либо, кроме самого себя. Потому что вы - бог».

Так как бог внутри человека, а человек есть своего рода бог, то отсюда вытекает соответствующая концепция греха религии Нового века. Точнее сказать отсутствие самого понятия греха. В работах последователей этого течения просто рассматриваются понятия допустимого и недопустимого. При этом сам человек определяет, что допустимо, а что недопустимо. Ведь человек бог, а, следовательно, его мышление и сознание в своем роде божественны и совершенны и не могут быть ложны, также как и не могут быть проанализированы и подвергнуты критике. Таким образом, субъективное понимание допустимого, определяемое сознанием каждого человека, и является побуждением к действию или же запретом. А поскольку все люди – боги, то и сознание каждого не может быть проанализировано и подвергнуто критике. Оно не может быть ложно. Отсюда делается вывод, что у каждого человека *свое* понимание хорошего и плохого, допустимого и запрещенного. Все определяется сознанием человека, составляющем часть общего, единого сознания. Фритьоф Капра объясняет, как все вещи поглощаются этим единством: «Все границы и дуализм разрушаются, а вся индивидуальность растворя-

ется во всеобщем неразличимом единстве». Эта философия хорошо известна со времен гностиков, но в религии Нового века принимает более решительные и радикальные формы. Сознание не может быть критически проанализировано, и его выводы не могут быть опровергнуты. Следовательно, проверка на истинность проведена быть не может, и субъективное признается истинным *a priori*.

Ведущую роль в формировании сознания человека, по взглядам последователей религии Нью-эйдж, играют опытность и совесть. Именно они через воздействие на сознание в конечном итоге и будут определять понятия хорошего и плохого, допустимого и запрещенного. Как следует из этого, совесть является одним из важных понятий, определяющих в конечном итоге, что человеку следует, а что не следует делать. Но хоть и все люди являются, согласно монизму, частью целого, все же совесть каждого человека остается сугубо индивидуальной составляющей. Каждому совесть подсказывает свое, поэтому нет ничего общепринятого плохого или общепринятого хорошего. В постмодернизме грех представляет собою то, что совесть индивида осуждает и не позволяет ему сделать. Другими словами, если человека осуждает совесть за какой-либо поступок, он считает, что это плохо, и не будет делать его в данной ситуации. Для каждого человека в постмодернизме свое понятие греха, и каждый человек сам себе судья в этом вопросе. То, что один будет считать грехом, для другого будет очень даже приемлемо, ведь совесть у всех разная, и каждому она подсказывает свое. Невозможно определить, какое действие само по себе является грехом в отрыве от конкретной личности, а какое нет. В каждой конкретной ситуации совесть и опытность, формирующие сознание, и будут определять, стоит ли это делать или нет. С точки зрения религии Нового века, любое решение человека будет всегда правильным. Ведь каждый ее последователь четко помнит, что он бог и его сознание не может быть ложным. В конечном итоге, всегда остается возможность исправить положение при будущих переопределениях. «Если у вас все хорошо, и вы верны своей борьбе в этой жизни, следующая жизнь будет легче» (Ширли Маклейн).

Рассмотрим, как определяет грех Библия, непосредственно тот источник, откуда человечество познакомилось с этим понятием впервые, и которая должна быть законодателем в понимании этого вопроса.

Уже в первых главах Книги Бытия мы сталкиваемся с понятием греха. Грех, в переводе с еврейского, означает преступле-

ние закона. Но и с точки зрения постмодернизма, грех тоже можно рассматривать как преступление закона, закона совести, точнее, закона собственной совести. В отличие от этого, в Библии грех определяется как преступления закона Божьего, преступление Божьих принципов. И хотя Бог и создал человека по образу и подобию своему, все же нарушение Божьих и человеческих принципов не одно и то же. Но вернемся к Библейскому пониманию понятия греха. В Библии мы находим конкретные упоминания грехов вне связи с конкретными людьми или группами людей и конкретными ситуациями. То есть они являются грехами для всех и каждого в отдельности вне зависимости от сознания человека и отношения человека к ним. Это такие грехи, как зависть, клевета, кража, богохульство, лицеприятие, чревоугодие, гадание, спиритизм, пьянство, идолопоклонство, блуд, прелюбодейство, убийство и многие другие. Как следует из Библии, это грехи для всех и всегда. Также, вопреки стереотипным бытовым мнениям, мы не находим в Библии какой-либо градации грехов по уровню неприятности для Бога. Для Бога все грехи одинаково неприятны, хотя, в то же время, и последствия их разные. Так, например, пьянство разрушает печень, а прелюбодейство – семьи. Одни приводят к менее, а другие к более серьезным последствиям на этой земле.

А вот как относиться к понятиям, которые однозначно не определены в Библии?! Ведь не все только черное и белое в нашей жизни. Часто люди задают вопросы, а является ли грехом умеренное употребление вина, жизнь в гражданском браке, применение некоторых методов лечения. Эти вопросы часто обсуждаются на форумах, в печати, цитируются различные места Священного Писания, косвенно имеющие отношение к этим вопросам. Да, Библия и не может прописать все жизненные ситуации, как в них поступать, но зато может дать общие принципы, которыми мы можем руководствоваться в решении своих вопросов. Так в спорных моментах, когда мы не можем определить, является ли что-либо грехом, мы должны руководствоваться общими принципами, заложенными в 14 главе послания Римлянам. Здесь на конкретном примере показываются критерии, которыми мы можем руководствоваться в ситуациях, когда Библия четко не говорит, грех это или нет. Пример, который рассматривается в послании к Римлянам, касается употребления в пищу свинины. Да, сегодня мало кто считает, что есть свинину грешно, однако, надо понимать, что евреи, которые не употребляли свинину в пищу как нечистое животное на протяжении веков, в один мо-

мент оказались перед пониманием того, что в Новом завете уже нет ни чистой, ни нечистой пищи. Для уверовавших из числа язычников это проблемой не являлось, они и раньше не гнушались свинины. А вот разрушить стереотипы евреев в один момент было невозможно, поэтому они, как мы говорим, по-старинке продолжали воздерживаться от мяса, и доходило до того, что и уверовавших язычников принуждали поступать так же. На фоне этого конфликта между двумя группами людей Павел и пишет послание с разъяснением этого вопроса, закладывая в своих рассуждениях общие принципы решения таких спорных вопросов. Но мы должны четко понимать, что с точки зрения этих принципов нам не стоит анализировать, является ли блуд грехом или нет. Так как этому мы находим подтверждения в других ссылках на Священное Писание. Эти принципы подходят лишь к предметам, по поводу которых Священное Писание не дает однозначного ответа.

Итак, рассмотрим эти принципы.

1. Если человек сомневается, можно ли это делать или нет, то пусть лучше не делает этого. Так, если человек сомневается, можно ли употреблять свинину в пищу, и ему приходится когда-то ее съесть, он согрешает, так как будет осуждать сам себя. Таким образом, он поступает против убеждений своей веры, а все, что не по вере, грех (Рим 14:23). Сам факт употребления в пищу свинины грехом не является, но может стать им для того, кто ест, сомневаясь. Тот же принцип можно использовать и в других аналогичных ситуациях. Например, если человек считает, что смотреть триллеры грех, и все же когда-нибудь решит это сделать, то, осуждая себя и поступая не по вере, он делает грех. Лучше бы ему, если он сомневается, никогда не делать этого. Хотя это и не самый лучший вариант, он свойствен людям, не утвержденным, и такие верующие называются в послании немощными в вере. Блажен тот, кто не осуждает себя в том, что избирает (Рим 14:22).

2. Не осуждать ближнего в его выборе. Если человек для себя решил никогда не есть свинину, он не должен осуждать тех, кто ее ест. Возможно, они не осуждают себя, когда едят, поэтому пусть едят спокойно, не надо свои соблазны и маловерие передавать им, так как, поступая таким образом, мы грешим и губим ближнего своего (Рим 14:3,4,10. 1 Кор 8:8-13). И напротив, если человек свободно ест мясо, он не должен унижать того, кто не делает этого. Даже если он поступает не совсем правильно в силу своей немощи в вере, таковых должно принимать без споров о мнениях (Рим 14:1).

3. Не подавать случая для соблазна ближнему своему. Так употребление свинины «сильным в вере» в присутствии рядом «немощного в вере» будет для него поводом для преткновения и соблазна. В таком случае правильным будет решение воздержаться от этого в присутствии людей, подверженных соблазнам. То есть тех, для кого это может быть камнем преткновения. Тем самым можно навредить ближнему (Рим 14:13).

4. Быть свободным во Христе. Т.е. одновременно выполнять первые 3 пункта: уважать выбор ближнего, не подавать ему повода для соблазна, и самому не осуждать себя в том, что избираешь (Рим 14:22).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что взгляды постмодернизма и библейский взгляд на грех имеют кое-что общее. Так библейский взгляд также подразумевает роль личности и ее совести в определении понятия греха, однако, не в той мере, как это прослеживается в постмодернизме, где всецело и полностью грех определяется субъективно личностью. Библия также подразумевает, что роль каждого человека, его понимание конкретного вопроса, его уверенность в правильности соответствующего поведения, наличие или отсутствие сомнений, отношение к рядом находящемуся человеку в той или иной степени все же определяют, будет ли совершение определенного действия грехом или нет. Однако в библейском аспекте это скорее исключительные ситуации, в которых мы точно не можем определиться и узнать прямое указание Священного Писания. Постмодернисты же готовы руководствоваться критериями совести вообще, беря их за основу определения понятия запрещенного.

Стоит отметить и другое различие: в культуре постмодернизма мало или совсем не учитывается влияние окружающих людей, их позиций и их восприятия в определении значения греха, в то время как в библейском отношении этот фактор является определяющим. И в контексте всей Библии не могло бы быть иначе. Ведь главные библейские принципы «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» и «возлюби ближнего своего, как самого себя» и определяют отношение к окружающим людям.

Жохов Валентин Николаевич,
*священник, Православный Свято–
Тихоновский гуманитарный
университет, (Москва)*

ДИАЛОГ БОГОСЛОВИЯ И НАУКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В Основах Социальной концепции Русской Православной Церкви отмечено, что христианство, преодолев языческие предубеждения, демифологизировало природу, и тем самым способствовало возникновению научного естествознания. К концу XX века наука и техника достигли столь впечатляющих результатов и такого влияния на все стороны жизни общества, что превратились, по существу, в определяющие факторы бытия цивилизации. Секуляризация наук, прежде всего естествознания, привела к свободе научно-технического развития, «которая выражается в возрастании человеческих страстей, <...> так что разрушает духовную гармонию жизни, со всеми вытекающими отсюда негативными явлениями...

Поэтому ныне для обеспечения нормальной человеческой жизни как никогда необходимо возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями (выделено в оригинале — свящ. В.Ж.)¹.

Архиерейский Собор РПЦ в октябре 2004 года в Итоговых документах в духе Социальной концепции подтвердил намерение Русской Православной Церкви развивать свидетельство Истины современному миру, активизировать диалог и взаимодействие Церкви со светской культурой и наукой.

Развитие диалога предполагает трудную работу по преодолению сложившихся стереотипов – менее десяти лет тому назад некоторые православные богословы, в духе концепции двух истин Сигера Бранбантского, заявляли, что диалог науки и богословия невозможен, поскольку богословский и научный интерес к миру в корне

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. — М.: Московский патриархат, 2001. — С.127

различаются. Проф. МДА Осипов А.И. констатирует отсутствие связи богословия с философией и естественными науками¹.

Епископ Венский и Австрийский Иларион (Алфеев) справедливо полагает, что отечественная богословская наука все «еще не стала на ноги».²

Возрождение и Новое время сформировали новый метод изучения действительности – экспериментально–математический, становление и развитие которого действительно привело к невозможности конструктивного диалога богословов и ученых. До недавнего времени реальным был диалог в форме острой полемики, в которой ученые отстаивали истинность научных фактов и теорий, а богословы стремились показать целостность познавательной деятельности человека и, используя философские аргументы и естественнонаучные факты, отстаивали истинность богословских теорий, основанных на Откровении. Модернистская наука, таким образом, актуализировала философскую и естественнонаучную апологетику.

За 300 лет своего существования модернистская наука претерпела в развитии существенные изменения, пройдя ряд этапов, которые по ряду характеристик противоречат друг другу. Среди этих этапов выделяют **классическую, неклассическую и постнеклассическую науку**.³

Специалисты в области философии науки считают этап постнеклассической науки переходным состоянием от исторического таксона «модернистская наука» с ее представлениями о научной рациональности к качественно новому историческому таксону науки, который может быть назван «постмодернистская наука», с совершенно иными представлениями о «научности» и «рациональности».⁴

В структуре постнеклассического научного знания к XXI веку, кроме эмпирического и теоретического уровней, появляется *метатеоретический уровень*, задачей которого является обеспечение целостного понимания конкретных научных теорий, их смысла, мировоззренческой и культурной значимости и т.п.

¹ Осипов А.И. Православное понимание смысла жизни. — Киев, изд-во им. свт. Льва, 2001. — С.18

² Иларион (Алфеев), еп. Православное богословие на рубеже столетий. — М.: Крутицкое подворье, 1999. — С. 386

³ Основы философии науки. — Сб. под ред. С.А.Лебедева. — М.: Академический Проект, 2005. — С. 50

⁴ Там же. С. 52

Наука, таким образом, в своем развитии от эмпирически–математического метода периода «модерна» достигла уровня философско–методологической рефлексии, которая позволяет прояснить и осознать предельные онтологические и культурно–исторические предпосылки и допущения, неявно принимаемые учеными в своей научной практике.

Парадоксальным образом оказывается, что цель такой метанаучной рефлексии совпадает с вышеупомянутой целью богословской рефлексии, а именно, свидетельством целостности и единственности истины как смысла любой когнитивной деятельности человека.

Научное знание эпохи модерна базировалось на онтологических принципах антителеологизма, однонаправленного детерминизма и механицизма.¹

Постмодернизм в постнеклассической науке конца XX века выражается в системном подходе к исследуемым объектам, в стремлении к научному синтезу и целостному научному знанию на основах системности, глобального эволюционизма, телеологизма, антропологизма.

Развитие науки и смена ее онтологических принципов не отменила вызова модернизма христианскому пониманию мира, однако, постмодернизм современной науки в отношении развития диалога ученых и богословов, по нашему мнению, имеет положительное значение.

Достойный богословский ответ становится все более возможным и более вероятным в связи с тем, что метатеоретический уровень современной науки, включающий анализ исходных принципов научного познания и философскую проблематику взаимоотношений мышления и бытия, субъекта и объекта, истины и заблуждения, усваивает современной науке характер мировоззрения, то есть диалог богословов и ученых будет иметь общий мировоззренческий формат, а это вселяет надежду на взаимопонимание.

Диалог между российскими богословами и учеными уже идет. Более 10 лет проводятся Рождественские чтения, на которых, наряду с богословами, выступают ведущие ученые страны. Между чтениями проводятся богословско–научные конференции по специальным вопросам, в частности, по православной антропологии.

¹ Там же. С. 50

Поскольку онтологическими принципами науки постмодерна является системность, глобальный эволюционизм и антропоцентризм, то проблемными и постоянными темами развивающегося диалога науки и религии являются концепции возникновения мира и человека, то есть сотворения всего Богом или глобальной эволюции вселенной. XX век ознаменован тем, что некоторыми богословами была предпринята попытка совмещения библейского Откровения о сотворении мира Богом и научной гипотезы эволюционного развития мира, то есть возникла идея теистической эволюции. Этот компромисс согласны принять и многие ученые, поскольку этим объясняется первопричина в концепции эволюционного развития мира.

В диалоге участвуют лица разных мировоззрений. Во-первых, ортодоксальные богословы, отстаивающие буквальный характер изложения события сотворения мира в 1-2 главах Книги Бытия; во-вторых, богословы либерального направления, которые так или иначе стараются связать сотворение мира с научно-эволюционными данными; в-третьих, верующие ученые, разделяющие ортодоксальную или либеральную точки зрения; в-четвертых, ученые, отрицающие бытие Бога. Атеисты участвуют в дискуссии вынужденно и косвенно, а также в связи с тем, что для религиозных слоев общества эволюционная гипотеза не имеет статуса научности и моральной ценности. Эволюционисты должны их постоянно доказывать, тем самым как бы соучаствуя в диалоге по теме «сотворение или эволюция».¹ С 1959 года существует креационная наука, собирающая научные факты, свидетельствующие против гипотезы эволюционного становления мира. Концептуального объяснения или систематизации этих фактов креационная наука не предлагает, видимо, полагая, что обилие фактического материала очевидным образом опровергает идеи эволюции.

Изучение материалов такого многостороннего диалога свидетельствует о том, что современная богословско-научная дискуссия имеет всего лишь характер обмена мнениями. Развитие действительно плодотворного диалога, по нашему мнению, невозможно без методологической базы, которая в богословском

¹ См. обзор: Шестой день творения и некоторые факты биологической науки. / Жохов В., свящ. – ПСТБИ – М., 2004. – 87 с. – Библиогр. 71 назв. – Рукопись, деп. в ИНИОН РАН № 58854; см. также www.spasi.ru/bibliotek (электронный ресурс).

отношении должна соответствовать системному подходу, общепринятому на современном постнеклассическом этапе научной рациональности.

Любой диалог в разных его формах, как правило, выражает определенную проблемную ситуацию.¹ В отношении диалога богословов и ученых можно отметить проблемные ситуации, во-первых, относящиеся собственно к мотивам дискутирующих сторон и, во-вторых, к области эротетики и прагматики диалога.² Плодотворная дискуссия требует внимательного отношения к проблемным ситуациям второго типа и невозможна без предварительных терминологических договоренностей, без систематизации предлагаемой к обсуждению информации (уменьшения информационной энтропии) по некоей общей для сторон парадигме, иначе диалог будет разговором на разных языках.

Успешный диалог богословов с учеными, по нашему мнению, связан с формированием *полей аргументации* в области:

- концептуальных соглашений относительно терминов, содержания и объема вовлеченных в диалог научных и богословских понятий;

- концептуальных соглашений относительно используемых в диалоге логических операций;

- исходных, дополнительных и основных методов (схем) доказательства позиций, точек зрения, гипотез, версий, теологуменов, богословских мнений;

В процессе обсуждения сторонами спорной проблемы могут сложиться следующие отношения между *полями аргументации* сторон: а) пересечение (совпадение) полей или включение одного поля аргументации в другое, что типично для конструктивной или обобщающей дискуссии; б) противоположность или противоречивость полей аргументации, что связано с ростом неупорядоченности информации (незавершенная полемика).³

В связи с этим наиболее значимой и актуальной проблемой в возобновляющемся диалоге между естественными науками и православием является определение богословских оснований для общих концептуальных соглашений.

Метод фактического свидетельства, используемый креационной наукой, по нашему мнению, ограничен, по меньшей мере,

¹ Солодухин О.А. Логика. – Ростов-на-Дону, Феникс, 2002. – С. 253.

² Там же. – С. 280.

³ Там же. – С. 252

в двух отношениях: а) в отсутствии системного подхода к обширному фактическому материалу; б) в преимущественном интересе к глобальным последствиям грехопадения и невнимании к его антропологическим следствиям (3-я гл. книги Бытия).¹

Методы православной апологетики должны быть иными. Во-первых, православное богословие в святоотеческом наследии уже имеет ставший актуальным в постнеклассической рациональности системный подход. Во-вторых, использование научной аргументации в апологетике предполагает такой же подход и к событиям, случившимся после сотворения мира и изложенным в третьей главе книги Бытия. Эта глава связывает Откровение о начале творения мира с наличным статусом бытия; именно этот статус изучает естествознание, и он же является одним из предметов исследования для богословских наук.

Выход диалога за рамки уровня обмена мнениями и поиск методов для достижения уровня конструктивной дискуссии возможны именно в таком контексте.

Системный подход в диалоге с целью апологии сотворения мира Богом, по нашему мнению, может быть богословски обоснован а) учением прп. Максима Исповедника о *становлении* невидимого и видимого космоса и б) учением святых отцов о человеке.

Преп. Максим Исповедник в VII веке осуществил синтез святоотеческого богословия, в том числе, и в области космологии и антропологии.² До Максима Исповедника наиболее авторитетным источником толкования 1–2 глав книги Бытия были «Беседы» святителя Василия Великого, в которых св. отец не касается темы сотворения человека и последующих событий, приведших мир в наличествующее состояние. Преп. Максим предложил принцип гармонизации творения через выделение Богом противоположных природ, воссоединение которых человеком должно было привести к наивысшей гармонии – небесной Церкви.

По Максиму Исповеднику, становление и бытие мира есть динамический, развивающийся процесс, происходящий в согласии с Божественной волей. Этот процесс состоит из трех стадий: а) осуществления невидимого и видимого мира – *Божественный*

¹ См. обзор: Шестой день творения и некоторые факты биологической науки. / Жохов В., свящ. – ПСТБИ – М., 2004. – 87 с. – Библиогр. 71 назв. – Рукопись, деп. в ИНИОН РАН № 58854; см. также www.spasi.ru/bibliotek (электронный ресурс)

² Новиков Д.В. Христианское учение о человеке // Человек. – М.: б.м., 2000. – Вып 5. – С. 112-126.

генесис; б) дальнейшая свободная реализация Божественных идей, предполагающая устремленное к Богу движение человека и всего мира – *кинесис*; в) «успокоение» всего в Боге, поскольку движение имеет целью стабильное состояние – *стасис*.

Вселенная как целое возникает в результате последовательных отделений разных природ. В *генезисе* бытия – собственное шестодневие – преп. Максим различает следующие пары противоположений: нетварное естество противопоставляется тварной природе; в тварной природе выделяется небо и земля; на земле, соответственно, рай и мир за пределами рая; в раю отделяется духовное начало и материальное; в человеке как субстрате духовного райского начала Бог производит отделение женского естества от мужского.

Основное разделение, в котором имеет начало вся реальность тварного бытия, это противопоставление нетварного Вечно-го Бога тварному и временному миру.

Противоположения в мироздании находятся в единстве, в котором одно естество немислимо без другого. Создавая мир таким образом, Бог, очевидно, имел в виду гармонию, а не разделение в собственном смысле слова, противоречивую борьбу или вечное бытие противоположений. В разделениях был заложен импульс движения мироздания к Богу (*кинесиса*), который должен был реализоваться через участие человека, сотворенного свободным, по образу Божьему. Однако человек злоупотребил своей свободой, и прекрасный Божий мир распался на части, в него вошли смерть, противоречие и вражда. Противоположения первозданного мира после грехопадения человека становятся противоречиями, гармония в миробытии через грехопадение Адама разрушается. Несмотря на это, Божественная цель мироздания остается прежней – всеобщее единение в Боге, *сотворение* царства небесного – небесной Церкви как наивысшей, неземной гармонии (вышеупомянутый *Божественный стасис*).

Концепция глобальной эволюции предлагает в качестве принципа становления видимого космоса принцип исторического развития космоса (эволюции во времени) как природного целого. История вселенной от Большого взрыва до возникновения человечества рассматривается как единый процесс развития, в котором космический, химический, биологический и социальный ти-

пы развития предполагаются имеющими генетическую и структурную преемственность.¹

В сборнике «Глобальный эволюционизм. Философский анализ», изданном ИФРАН в 1994 году, концепция глобального эволюционизма получила многостороннее освещение: рассмотрены ее мировоззренческие, логико-методологические, аксиологические аспекты. В ряде статей обсуждается проблема статуса этой идеи в качестве самостоятельного концептуального образования, анализ ее естественнонаучных оснований, механизмы ее вхождения в мировоззренческие представления эпохи и т.д. В выводах авторы склоняются к мнению, что «разгулу ненаучных, фантастических, произвольно эклектичных и религиозных [точнее – фидеистических – свящ. В.Ж] представлений о глобальном эволюционизме противостоит, как правило, лишь благостная футурологическая мечта о ноосферогенезе, о грядущей гармонии Человека и Природы, о гуманистической направленности процесса коэволюции. Реальное место конкретных естественных наук в изучении коэволюции почти не рассматривается. Засилие предельно широких, общеполитических рассуждений о ноосферогенезе лишь по видимости повышает престиж философии, поскольку при этом игнорируется сложность совмещения философского и конкретного научного знания».²

Алешин А.И. полагает, что «наука ни логически, ни эмпирически не обосновывает (и не может обосновать) эволюционную перспективу, она способна лишь ввести нас в эту перспективу, наделяя внутри нее вполне определенными концептуальными и инструментальными возможностями».³

В статье о христианском эволюционизме Тейяра де Шардена, в мировоззрении которого предвосхищается идея глобальной эволюции, отмечено, что «история – по Тейяру – это борьба между ее организующей силой и неорганизованным множеством». Организующая сила истории является следствием существования «великого закона сложности и сознания, который предполагает психически конвергентную структуру, психически конвергентную кривизну мира».⁴ Перенос действия этого «закона» с природы на общество и духовный мир дает *оптимистический фата-*

¹ Глобальный эволюционизм. Философский анализ. – Сб. статей под ред. Л.В. Фесенковой. – М.: ИФРАН, 1994. – С.3.

² Там же. – С. 7.

³ Там же. – С.22.

⁴ Т. де Шарден, П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – С. 59.

лизм (курсив автора – свящ. В.Ж.) – ибо «радиальная энергия» преодолевает всякое сопротивление. «Радиальная энергия, внутренний психизм, восхождение сознания, ноосфера, «Божественная среда» и «точка Омега» – оппоненты оценивали это, в худшем случае, как мифы, в лучшем – как гипотезы» – отмечает Л.И.Василенко.¹

Другие авторы цитируемого сборника пишут, что как бы жизнь ни была схожа с неживой материей по тем или иным параметрам, но в ее исследовании точными методами постоянно сохраняется «остаток», необъяснимый с их помощью. Этот «остаток» неизмеримо возрастает, когда речь идет о человеке. Этот «остаток», очевидно, и есть та область соприкосновения интересов истинных наук и христианства; область, в которой мотивы и стимулы к познанию у богословия и науки совпадают: истинную науку интересует только необъясненное, ее влечет тайное, которое наука должна сделать явным; то же можно сказать и о христианстве, предметом которого также является постижение тайны бытия, но познаваемой не точными методами, а верой.

Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, председатель Синодальной богословской комиссии РПЦ, на открытии конференции «Богословие и философия: аспекты диалога» (Институт философии РАН, 25 января 2001 года) говорил, что «для христианства тема о человеке является центральной, поскольку все христианское богословие строится вокруг Христа, то есть события Боговоплощения. Бого–словствование всегда есть и человеко–словствование, теология связана с антропологией, ибо Христос – Богочеловек, а потому можно сказать, что Истина – богочеловечна. Бог открывается через человека и в человеке, а человек обретает человечность, становится в полном смысле человеком только в своей обращенности к Богу».

Естествознание полагает человека не центром, а вершиной исторического развития вселенной, окончательное завершение которого, согласно гипотезе глобальной эволюции, происходит в ноосфере, а не в человеке. На первый взгляд, научная и богословская позиции вполне не совпадают, особенно, если учесть то обстоятельство, что христианство считает человека утратившим абсолютное совершенство, то есть падшим и сохранившим спо-

¹ Василенко Л.И. Христианский эволюционизм о.Пьера Тейяра де Шардена. / Сб. Глобальный эволюционизм. Философский анализ. – М.: ИФ РАН, 1994. – С. 31–39.

способности к совершенствованию только при содействии Промысла; наука убеждена в реальном относительном совершенстве человека, называя его венцом развития. На самом деле, совпадение представляется почти полным, если принять во внимание то, что упомянутый выше *кинезис* (грехопадение) был движением к периферии, а в центр бытия человека вернуло событие Боговоплощения Иисуса Христа.

Учение святых отцов о человеке тесно связано с богословием творения и спасения человека после грехопадения его в раю. Священное Писание и святые отцы говорят не только о райском бытии человека (*σὺστασις* – сѹстасис – 1 и 2 главы книги Бытия), но и наличном его бытии, которое изменилось после грехопадения (*κατάστασις* – ката́стасис – 3 глава книги Бытия).

Святитель Григорий Палама различает два состояния человеческой природы: статическое, в раю до грехопадения, и динамическое, после грехопадения. Исаак Сирий и авва Дорофей – три: естественное – в раю; неестественное – после грехопадения; сверхъестественное – после искупления человека Иисусом Христом. В XX веке о различных состояниях человеческого естества по отношению к добру и злу писал свт. Игнатий (Брянчанинов).¹ Естествознание, по свт. Игнатию, изучает *нижеестественное* состояние человека, именно поэтому у богословов и ученых есть и будет общий интерес в познании мира и человека.

Истина о сотворении (а с XIX века и об эволюции) человека не может рассматриваться отдельно от Личности Богочеловека Иисуса Христа, Который, как известно всем христианам из Священного Писания Нового Завета, в чуде Боговоплощения и Воскресения обновил творение (*ἀνάστασις* – ана́стасис – воскресение).

Таким образом, учение святых Отцов о человеке (*сѹ*стасис – ката́стасис – ана́стасис) наряду с учением Максима Исповедника о становлении космоса (генезис – кинезис – стасис), по нашему мнению, могут быть богословским основанием в системном подходе к проблемам методологии в диалоге науки и религии, прежде всего в отношении объема вовлеченных в диалог богословских понятий; обоснования методов доказательства богословских мнений; критики неистинных концепций мироздания, прежде всего идеи теистической эволюции.

¹ Игнатий Брянчанинов, еп. Аскетические опыты. – СПб.: Изд. Тузова, 1905. – Т.2, Сс. 362–412.

Озеров Юрий Владимирович,

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии и социальных
дисциплин МЭБИК (Курск)*

ПОСТМОДЕРНИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ

Постмодернизм как художественная и культурная идеология, возникшая во второй половине XX столетия, очень ярко выразил себя в архитектуре. К этому времени прежний новаторский дух модернизма и интернационального стиля себя исчерпал. Городская среда стала дискомфортной в связи с дешевой застройкой домами, выдержанными в духе чистого рационального функционализма, создающими ощущение уныния, монотонности и однообразия. В такой обстановке некоторые архитекторы попытались изменить формальный язык архитектуры, вернув в него формы из прошлых веков, исключенные из практики орнамент, цвет и прочие «лишние» элементы.

С конца 70-х гг. были построены общественные центры, окружённые ярко раскрашенными аркадами и колоннами, напоминающими древнеримские форумы и римские барочные здания, в которых прежние архитектурные формы обновлены и гротескно переосмыслены. Введены были новые, нетрадиционные материалы: анодированный алюминий, нержавеющая сталь, неоновые трубки и т. д. (Пьяцца д'Италия в Нью-Орлеане, США, арх. Ч. Мур). В этот период появились города-спутники, распланированные по строго осевой системе, застроенные домами с тяжёлыми карнизами и фронтонами, мощными декоративными колоннами на рустованных стилобатах (новые города-спутники Парижа, арх. Р. Бофилла). Немало возникло деревянных и каменных особняков с развитыми скатными крышами и свисающими карнизами, слуховыми окнами и дымовыми трубами (проекты арх. Р. Вентури)¹.

Но было бы неверно ограничивать суть нового движения одним лишь ностальгическим обращением к историческим формам прошлого, хотя оно сыграло большую роль в сложении но-

¹ <http://www.rudesign.ru/interior/articles/styles/contemp/post~modern.htm>

вого стиля, названного его теоретиками постмодернизмом. Главное, что попытались представители постмодернизма вернуть в архитектуру, – это изгнанную из нее много десятилетий назад образность, делающую ее не просто процессом создания пространственных структур, а видом искусства. Кроме того, они попытались внести в архитектуру еще и другие законы, кроме функционального соответствия и максимального упрощения основных форм, – выдумку, фантазию, театральное игровое начало, сложные образные ассоциации.

Еще одно качество, которое отличает архитектуру постмодернизма, особенно в европейских странах, – это осознанное желание увязать новые постройки с историческим городским окружением, не испортив его новыми включениями, почувствовать городской контекст будущих построек. Иногда это направление постмодернизма называется *контекстуализмом*. В то же время, следует отметить, что обращение к историческим формам в постмодернизме никогда не носит характера прямого цитирования, вместо этого появляется игра в намеки на прообразы, зашифрованная символика и сложные ассоциации. В этом смысле характерным примером может служить вызвавшая сенсацию в 1977 г. постройка Чарльза Мура – Пьяцца д'Италия в Новом Орлеане, месте, избранном итальянской общиной города для проведения своих фестивалей. Желание заказчиков – создать материальное воплощение ностальгии – архитектор выполнил в форме гротеска, создав коллаж из классических европейских архитектурных мотивов, который располагается вокруг громадной каменной карты Италии. Сама постановка задачи здесь предопределила и сделала оправданным использование эклектичных форм ради создания художественного образа-ассоциации.

По мнению теоретика постмодернизма Джеймисона, новый стиль в архитектуре является логически достаточным феноменом в качестве разновидности эстетического популизма. Своей риторикой он привлекает внимание к одной базисной характеристике всех постмодернизмов, а именно, стиранию в них старых (главным образом модернистских) границ между элитарной и массовой культурой и появлению новых видов текстов, наполненных формами, понятиями, содержанием той самой культурной индус-

стрии, которая так энергично отвергалась всеми идеологами модернизма¹.

Среди архитекторов европейского постмодернизма отметим, в частности, имена Марио Ботта и Ханса Холляйна. Первый внес в архитектуру постмодернизма некоторые формальные приемы, которые впоследствии были использованы его последователями и стали своего рода универсальным архитектурным языком постмодернизма. В его односемейных домах – виллах в Швейцарии заложены идеи уединения, изоляции в природном или архитектурном окружении. Виллы М. Ботта характеризуются самодостаточностью, им не нужно никакого общения. В небольшом жилом доме используются крупные формы, как бы предназначенные для больших общественных зданий, – огромные круглые окна с зеркальной поверхностью стекла, защищающие внутренний мир даже от взглядов извне. Австрийский архитектор Ханс Холляйн стал удивительным мастером тонкого стиля небольших объектов. В интерьерах Бюро путешествий в Вене он попытался средствами архитектуры передать ощущения, образы, мечты и иллюзии, возникающие у человека, отправляющегося в далекие страны. Там, где архитектор-модернист сделал бы стеклянные стены и увешал их рекламными плакатами, Холляйн ставит стальные пальмы, среди которых стоит руина классической колонны. Над авиакассой летают орлы. Пространство здесь похоже на сцену, а посетитель, двигаясь по ней, включается в общий спектакль, начиная играть какую-то роль. Архитектору удалось создать атмосферу чего-то неизведанного, загадочного, полную предвкушения предстоящей поездки и открытия каких-то тайн².

В 1980-е годы родился стиль *деконструктивизм* – своеобразная модификация постмодернизма. Он отображает виртуальный мир с его бесконечными пространствами, контрастными цветами, взаимопроникающими объемами и нетрадиционными материалами. Противоречие общим законам гармонии среды является единственным запретом в свободной и раскрепощенной архитектуре и мебели этого стиля.

При всех просчетах и порой изощренном злоупотреблении формотворчеством, постмодернизм дал очень много. Он глубоко

¹ <http://infolio.asf.ru/Philos/Postmod/postmodernism2.html>

² <http://visaginant.nm.ru/POST/postarh.htm>

расширил диапазон возможных вариантов, композиционных принципов, введя в арсенал современной архитектуры и дизайна гигантский пласт культурного наследия, накопленного цивилизацией. Расшатав догматические установки профессионального мышления архитекторов и дизайнеров, постмодернизм расширил горизонты творческого поиска. Главной заслугой его стало то, что язык архитектурных форм стал несравненно богаче, объемы и композиции выразительнее, понятие красоты и образности было реабилитировано даже в отношении строго функциональных построек. Архитекторы постмодернизма, проявляя уважение к историческому и национальному наследию, создали немало замечательных проектов реконструкции исторических частей городов, ассимилируя современные постройки в исторический контекст города без ущерба для сторон. Тем самым архитектура возвращается в лоно искусства.

Литература:

1. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М., 1985.
2. Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997.
3. Райхман Д. Постмодернизм в номиналистской системе координат.- Флэш Арт (русское издание), 1989.

Спичак Иван Александрович,

*кандидат искусствоведения,
профессор кафедры дизайна Курского
Государственного Университета,
(Курск)*

СПАСЕТ ЛИ МИР КРАСОТА?

На всем протяжении человеческой истории человек всегда находился и находится сегодня в водовороте проблем этого мира. При этом для большинства людей очевидно, что человек с каждым годом, а человечество с веками и тысячелетиями продвигается в своем развитии по весьма ухабистой дороге взлетов и падений, прогресса и регресса.

Несмотря на колоссальный научный и технический прогресс, сам человек в процессе этого развития не становится чище и лучше в морально-нравственном отношении. Зачастую в так называемом цивилизованном обществе людей можно наблюдать падение нравственности, упадок моральных устоев.

Человек все более ожесточается, становится в большей или меньшей степени циничным и черствым, а человечество в целом, отдаляясь от своей колыбели, незамутненных источников правды, все более опускается в омут морально-нравственного разложения.

Благодаря развитию медицины и научной профилактики многих заболеваний, средняя продолжительность жизни человека как будто возрастает, однако, повсеместно наблюдается картина, когда человек уже практически не способен существовать, не убивая себя же алкоголем и наркотиками, жить без военных и семейных конфликтов.

Теория эволюции и реальная жизнь все в большей и большей степени становятся не совместимыми. Если эволюционисты доказывают, что для превращения обезьяны в человека понадобились миллионы лет, то реальная жизнь подтверждает, что обратное превращение занимает гораздо меньше времени.

История человеческого мира – это хороший учитель. Однако, к большому сожалению, историю часто используют для оправдания больших ошибок и заблуждений и в гораздо меньшей степени ее изучают для извлечения полезных уроков и прогнозирования, хотя бы недалекого, будущего.

В различных учебниках и научных трудах по истории мира используются разнообразные способы деления всей истории на отдельные периоды и эпохи, но, по большому счету, всю историю мира можно разделить на 3 больших периода:

1-й – от начала времени, от Адама и Евы и до всемирного потопа.

2-й – от потопа и до прихода в этот мир Иисуса Христа.

3-й период – от Рождества Иисуса Христа и до наших дней.

При этом история каждого из этих больших периодов убедительно подтверждает постепенный, но достаточно устойчивый, регресс морально-нравственных устоев человеческого общества.

Причем каждый из этих периодов завершается таким разложением нравственности, что это приводит к достижению критической точки, за которой следует событие всемирного масштаба – наступает момент радикального вмешательства в этот мир его Создателя.

Моральное разложение 1-го периода – допотопного мира – достигло такой степени, что привело к уничтожению потопом всего человечества, кроме 8 душ.

Второй период, период идолопоклонства и разврата, закончился также наказанием и смертью, но, на этот раз, не всего человечества, а Одного за всех. Причем это наказание и эта смерть Одного превышает по своей значимости наказание всего мира, потому что стать Этим Одним на земле никто не мог удостоиться, и поэтому в мир пришел Иисус Христос. И только Его заместительная жертва спасла этот мир 2000 лет тому назад.

После Рождества, Смерти, Воскресения и Вознесения Иисуса Христа начался 3-й большой период истории мира, который продолжается и до наших дней. Характерной особенностью данного периода является то, что после искупительной жертвы Иисуса Христа в этом мире возникло христианство, которое вот уже 20 веков является в определенной степени сдерживающим фактором морально-нравственного падения человечества. Однако можно легко заметить, что и христианство не смогло в полной

мере обеспечить защиту человеческого общества от разложения, так как христианство не имело повсеместного распространения, и, к тому же, многие люди становились христианами чисто формально, не принимая учения Иисуса Христа для практики своей жизни.

Из этого краткого обзора всей истории мы видим, что когда человеческий мир начинает переходить меру допустимого, за этой чертой наступает возмездие.

Это было замечено уже давно, и поэтому на всем протяжении истории лучшие умы выдвигали идеи, теории и рецепты спасения человечества от неминуемого возмездия. Всех этих теорий и идей было уже столько, что их всех трудно перечислить. К сожалению, пока что ни одна теория не достигла желаемого результата.

Среди множества всевозможных теорий спасения мира особое место по своей простоте занимает одна идея, выдвинутая более 100 лет тому назад и принадлежащая выдающемуся русскому писателю Федору Михайловичу Достоевскому, которого называют провидцем тьмы. Суть этой идеи заключается в том, что «красота спасет мир». Подобные взгляды на западе несколько раньше высказывал немецкий философ, поэт и драматург Фридрих Шиллер, но Достоевский более определенно развил эту идею в своем художественном произведении «Братья Карамазовы».

Прошло уже более века после того, как появилась эта идея. Она очень часто приводится в искусствоведческих и философских теоретических исследованиях ученых прошлого и настоящего времени. Причем каждый раз авторы, ссылающиеся на авторитет Достоевского и его идею, что «красота спасет мир», трансформируют эту идею в качестве обоснования какой-нибудь своей прикладной изобразительной, дизайнерской или философской теории.

Возникает вопрос: насколько реалистична была эта идея Достоевского во времена модерна и в наше время, время постмодернизма?

Отвечая на этот вопрос, необходимо иметь в виду то, что вкладывал в эту идею сам Достоевский и что под «красотой» понимали и понимают различные апологеты этой идеи, ссылающиеся на Достоевского.

Большинство теоретиков искусствоведческих наук, а подчас и философских, под «красотой» понимают гармонию и со-

вершенство рукотворного материального мира, что само по себе вполне правильно, и такая «красота» является весьма положительным достижением искусства, архитектуры и дизайна. Но такое понимание и такая «красота» предполагают всего лишь удовлетворение эстетических потребностей человека в формировании окружающего материального мира, создаваемого самим человеком.

Достоевский же относил свою идею «красота спасет мир» прежде всего к категории духовного мира, к человеческим отношениям, к созиданию мира и добра, на которых и должны строиться человеческая мораль и вся практическая жизнь человеческого общества.

Однако, к большому сожалению, и эта посылка Достоевского оказалась привлекательной лишь как теоретическая идея, не нашедшая практического воплощения в человеческом обществе.

В этом можно легко убедиться, если внимательно посмотреть на то, что происходит вокруг нас, особенно в наше постмодернистское время. Достижениям цивилизации и современному техническому комфорту сплошь и рядом сопутствуют повседневные примеры безнравственного поведения, уродливая мода, цинизм и жестокость в человеческих отношениях.

С глубоким вздохом облегчения можно сказать, что, наконец, и у нас, в России, наступила свобода. Но оказалось, что теперь, после освобождения от длительного тоталитаризма, наши люди спешат показать всему миру, какие мы стали свободные. При этом свободу многие восприняли как свободу делать непотребное; своим вызывающим поведением делают вид, что вести себя безнравственно – это особый шик и свидетельство внутренней раскрепощенности.

То, что всего лишь 10-15 лет тому назад у нас было невозможным по своей безнравственной сущности, сегодня настырно лезет в души людей с рекламных щитов, экранов телевизоров, со страниц газет и журналов.

Чего стоит стремление стереть различия между мужчинами и женщинами по употреблению алкоголя, табака и наркотиков, а также во внешнем облике. Однополые браки в некоторых странах уже узаконены. Все больше входят в моду так называемые гражданские браки. Снова поднимается вопрос о легализации многоженства и т. д. и т. п. Все это наводит на печальную мысль, что

человек опускается все ниже и ниже на ту психологическую ступеньку, с которой открываются двери в «культуру Содома» с ее беспредельно извращенной нравственностью.

Все это нельзя иначе назвать, как вызовом постмодернизма. Какой же достойный ответ может быть на этот вызов?

Сегодня все настойчивее слышны призывы к возвращению в Православие с его культурой и традициями. Многие видят именно в этом возвращении спасение от безнравственности. Но тогда достаточно вспомнить те времена, когда Православие было чуть ли не наравне с государственной властью, и то, как протестовал против такого Православия другой всемирно известный русский писатель и мыслитель Лев Николаевич Толстой.

Достойный ответ на вызов постмодернизма необходимо искать, на наш взгляд, не в возвращении, а в обращении к непреходящим ценностям.

И если снова прислушаться к Достоевскому, то достойным ответом постмодернизму может быть обращение к подлинной красоте – красоте духовной, красоте евангельской, красоте Иисуса Христа.

Об этой красоте хорошо сказано в одной христианской песне:

«Красота Иисуса, светись во мне,
Чистота и любовь, проявись вполне.
Дух любви и огня, обнови и меня,
Чтобы образ Христа сиял во мне».

Такая красота может действительно спасти мир от разложения и самоуничтожения. И, к всеобщему счастью, ко всему сегодняшнему миру по-прежнему звучит призыв от этого Источника подлинной и вечной красоты - Иисуса Христа: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас».

Прислушаться к этому призыву и обратиться к красоте чистого евангельского учения Иисуса Христа – это и будет самым достойным ответом современному вызову постмодернизма.

**Тинякова Елена
Александровна,**
*кандидат философских наук, доцент
кафедры философии КГУ (Курск)*

СЕМИОТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Постмодернизм диагностирует размытость концепции семиотичности человеческого бытия и, следовательно, языка, как средства фиксации текущего бытия. Человеческий язык достиг такого уровня развития, что лингвистическое пространство каждого отдельного человека стало довольно обширным, включающим множество сингулярностей (термин постмодернизма, означающий «спрессованный исток» смысла). Поэтому возникла сложность в сочетании лингвистических пространств отдельных личностей. Это явилось одной из причин всплеска иррационализма. Другая причина усиления иррациональности - это ответ на технизацию, сциентизацию, рационализацию человеческим разумом человеческой жизни (несоответствие различных компонентов социальной сферы); полюсы смысла природы и культуры, творимой человеком, сильно разошлись, и иногда трудно гармонизовать их дихотомию- это и есть пространство иррациональности, то есть несочетаемость смысла природы и смысла социально-культурного. В XX веке после 1 и 2-ой мировых войн началось масштабное смысловое переструктурирование мира. Это сказалось прежде всего на науках гуманитарного цикла: пересмотр истории, социальных теорий, литературоведения. Переструктурирование мира первыми проиллюстрировали различные виды искусства. Например, изображение человека в различных художественных направлениях, атональная музыка. Всплеск криминальности и терроризма - тоже своеобразное переструктурирование мира: концепция жизни перестала замыкаться на человеке, человеческая жизнь, как единичная ценность, пошатнулась. Отсюда можно сделать вывод: усложнившиеся причинно-

следственные связи человеческой жизни пошатнули семиотические процессы коммуникации. Разрушение единого центра рационально понимаемого мира привело к эпистемологической неуверенности. Согласно философии постмодернизма, для построения смыслового хода, облаченного в язык, большее значение имеют ассоциативность, образность, метафористичность, мгновенные откровения инсайта, а не аппарат логики. Однако попытка постструктурализма и деконструктивизма выпрыгнуть из человеческого обличья семиотики может привести к коллапсу – концу антропологической сущности. Чтобы навести порядок в лингвистическом пространстве, созданном человеком, проверить его истинность, как альтернатива, возникают негативные социальные типы поведения (хиппи, художественный андеграунд, маргинальные сообщества и другое). Они вырабатывают лингвистический материал, противоположный по ценностям. Неравновесность двух противоположных по ценности потоков лингвистического материала решается в пользу негативного фактора, он пытается соединиться со своей противоположностью и вызывает семиотический хаос.

Постмодернисты совершают разрыв с классической философией самопознания, классическим психоанализом. Г.Гийом разводит дальше обычно принимаемого речь и язык¹, применяя фактор времени: язык присутствует в нас постоянно в состоянии возможности, а речь присутствует в нас время от времени в состоянии действительности. Ж.Делез разводит понятия «знак» и «смысл»: в знаке «след» объекта, а смысл представляет собой нечто текучее, подвижное, формирующееся². К.Поппер просматривает слоистость семиотики диахронически, то есть влияние факторов из прошлого, знаков культурной традиции и эволюцию. М. Пеше призывает к лингвистической процедуре делинеализации текстов, то есть отказывается от линейного видения дискурсивных феноменов³.

¹ Пост-модернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис. Книжный дом, 2001. 1038 с.-С. 158-159.

² Там же. - С.424-426.

³ Там же. - С.16-18.

Постмодернизм придает особое значение субъективности в интерпретации языка, так как сомневается в выводах о языке, утвердившихся в истории гуманитарных наук. К такой методологии постмодернизм толкнуло обнаружение недостаточности лингвистической коммуникации.

К концу XX века лингвистическое пространство слишком обильно загрузилось языком, это было предвестие информационного кризиса. У постмодернистов сам язык становится объектом исследования как отделившееся от человека идеальное автономное пространство нашего бытия. Во многом черты постмодернизма представлены не новыми идеями, а новыми фразами, за ними движения мысли нет, а лишь детализация представления ситуации. Например: след (от знака), социальный текст, мир как текст, лингвистика текста, нарратив, сюжетные модусы, ряд терминов, включающих слово «текст», феноменологическое тело, социальное тело, понятие «антропологичность» подменяется «телесностью», эпистемологическая неуверенность, эпистемологический разрыв, эффект значения, «украденный объект». Поскольку образ человека как бы растворяется и представлен разрывно (патологическое пользование языком тоже включается в коммуникативное пространство, коммуникация выступает не проводником знания и благих намерений, а размыванием и уничтожением знаний), то возникает представление о разрыве самого человека, бытие выступает как жизнь языка. Созданный человеком язык теряет зависимость от своих материальных носителей, разрывается на идеальные начала, фрагменты, которые, оторвавшись от породившей их сущности, пытаются создать мир идеального бытия. Для философии языка постмодерна характерно признание энергетической сущности языка. В сновидениях Лакан выделяет два основных процесса: конденсация, связанная с метафорой, и замещение, связанное с метонимией.

Отрицая детерминизм в языке, считая консенсус «устаревшей и подозрительной ценностью», постмодернисты рассредоточенность языка пытаются довести до логического предела. Это своеобразный эксперимент выживания языка на прочность. С такой позицией постмодернистов состыковывается концепция нелингвистического позитивизма, разрабатываемая автором настоящей статьи. Основные ее положения сводятся к следующему:

преодоление избыточности пользования языком, не отбор по когнитивному приоритету, как это делалось в постпозитивизме, а эпизодическое устранение языка из коммуникации; активное включение в коммуникацию невербальных средств общения; признание фундаментом лингвистической коммуникации семиотики человека, так как язык существует для человека, пока не найдено других объектов, которые тоже нуждались бы в языке, в земных условиях существует коммуникация животных, но человек с ней не состыковывается; религиозный аспект нелингвистического позитивизма - обращение коммуникации к Богу, в этом высший смысл молчания. Все беды коммуникации в том, что она замыкается в человеческом пространстве и из коммуникации устраняется Бог. Постмодернисты, не апеллируя к религии, пытаются разорвать антропологический круг лингвистической коммуникации. Нелингвистический позитивизм – наиболее насыщенная культурологическим содержанием ветвь науки, изучающей язык. В этом направлении философии артефакты культуры выступают ярче, как непосредственные носители информации. Нелингвистический позитивизм исследует невербальные средства общения и вписывает их в процесс лингвистической коммуникации.

Здесь можно провести параллель: с расширением прочности жизни биосферы, создана концепция ноосферы, где человек присутствует в смысле, а не в телесности. В философских размышлениях о языке у постмодернистов прижились некоторые термины общеприродного смысла: «ризома», «сингулярность», «симулякр». В древних культурах были тексты высшего порядка (например, «веды»), которые не предназначались для общения между людьми, а для возведения человека в смысле к высшим смысловым сущностям мира. Но постмодернисты не смогли возвести человеческий язык, накопивший тысячелетний опыт цивилизационного развития, до высших смысловых начал. Но они разорвали антропологический круг, консервирующий человеческий язык. Они сделали семиотику человека многомерной как в синхроническом, так и диахроническом плане. Постмодернистская семиотика языка настолько детальна, что на первый взгляд кажется хаотичной, даже существует такой термин – «хаология». Проведем сравнение «геометризма», как классического философского понятия, и «фрактологии», как современного философского

понятия. Фрактология – многомерна, но более точна в копировании сложных пространственных реальностей, так как использует множество векторов. Так и философия постмодерна, отрицая традиционную логику, стремится выстроить семиотику языка высшего порядка. Это можно считать первым шагом на пути к поиску смысловых линий коммуникации за пределами к земному пространству. Постмодернизм теоретически исчерпал себя в самодиагностике языка средствами языка. До XIX века человеческий язык изучался со стороны, в XX веке он стал изучаться изнутри – это постмодернистская лингвистическая философия. Традиционно-понимаемый язык стал тесен. Делез хочет разрушить традиционную структуру знака, подвергнуть сомнению его способность репрезентировать обозначаемое им явление или предмет, доказать недостоверность, ненадежность функции языка. Постмодернистская культура манипулирует языком (произведения Кэрролла, Джойса). Делез доводит язык до такого состояния, когда нет грамматики или синтаксиса, артикулированных слогов, буквенных или фонетических элементов. Делез берет для примера шизоидный язык А.Арто. Эти близкие к эксперименту применения языка преследуют две цели: с одной стороны сделать язык универсально соединимым с окружающей реальностью, как бы преодолеть «кабалу» слов, составляющих смысловую структуру, а с другой стороны- применить язык к передаче высшего смысла. Эта философская позиция постмодернистов может быть понята таким образом: за долгий период цивилизационного развития язык приобрел жесткую социальную силу над человеческим обществом, и появилось желание средствами человеческого языка снизить эту социальную напряженность, свободно обращаясь с языком, человек получает идеальную проекцию свободного утверждения своей личности.

Главная заслуга постмодернистской философии в том, что она исчерпала индивидуальное представление о языке: лингвистическое пространство максимально сконцентрировано на отдельной личности (подход лингвистического эгоцентризма), а с другой стороны – размыкается социальное пространство языка, то есть определяется возможность бесконечного развития смысла от антропологического начала (конфликт дискурса, война языков, шизофренический язык). Вопрос, когда происходит отклонение

языка от реальности и он теряет связь с окружающим миром, не может быть решен однозначно. С точки зрения постмодернистской философии решать этот вопрос нужно не путем наложения лингвистического текста на окружающую реальность (ведь здесь имеют значение не только непосредственные контакты, и память может создать нелинейный поток смыслов в лингвистическом тексте), а путем установления логического соответствия между следующими друг за другом фразами и высказываниями. Поэтому вопрос о бессмысленном и ложном в языке состоит в нарушении соответствия между следующими друг за другом мыслями в языковом общении. В семиотическом анализе языка постмодернистской философии два уровня: связь языка с окружающим миром и внутренняя семиотика языка. Вопрос о внутренней семиотике языка можно вывести на проблему информационного кризиса: мы обнаруживаем семиотическую многомерность языка, это уже не простая идеальная масса лингвистических средств, а расширяющийся и сжимающийся лингвистический материал, который можно экономить в описании окружающего мира, а с другой стороны, обилие лингвистического материала при передаче какого-либо смысла показывает интенсивность человеческой индивидуальной практики.

В классической лингвистике семиотика языка понималась номинально, то есть в аспекте знаково-символической природы языка. А в неклассической лингвистике семиотический анализ более концентрируется на связях между лингвистическими знаками и символами. И причем эти связи трактуются максимально вариативно, практически каждая личность имеет свой семиотический подход. Такая позиция постмодернистской философии постулирует полную семиотическую свободу каждой личности, применяя термин хаология. Постмодернисты иррационализм с поверхности языка (то есть смысл, ведущий человека по жизни, не соответствует традиционным выводам человеческой практики) передвигают во внутренние структуры языка. В результате получаем отказ от традиционного типа философствования в семантическом пространстве субъект-объект, смешение устного и письменного, привычного с необычным, коллективного с индивидуальным. Гиперреальность постмодерна ведет к виртуальному миру. Язык принимает функцию расширения смыслового простран-

ства нашей реальности. Можно провести сравнение с таким языком искусства, как живопись: сюрреалистические картины Сальвадора Дали создают новую реальность.

В семиотической концепции языка постмодернисты видят синергетические процессы. М.Пеше призывает к лингвистической процедуре делинеализации текстов. Отказ от линейного видения дискурсивных феноменов позволяет, согласно Пеше, рассмотреть дискурсивную среду как самоорганизующуюся, то есть функционирование языка по отношению к самому себе. Такой подход вписывается в теорию лингвистического менталитета (феноменология языка) постмодернистов. Отсюда следует, что требуется новый подход к поиску истины: не язык и логика, а интуитивная логика. Открываемый лингвистический потенциал, хранящийся в подсознательном, соединяется с уровнем коммуникации, реализуемого сознательным применением языка. Требуют исследования семиотические связи сознательного и подсознательного уровня лингвистической коммуникации. Этим можно объяснить особое внимание постмодернистов к различным эпизодам отклонения от принятых норм лингвистической коммуникации, например, языку шизофреников. А в аспекте художественной культуры возникает новый уровень литературного творчества: автор пользуется языком более свободно, чем принято в традиционном литературном творчестве (например, Л.Кэрл, Д.Джойс). Современная литература отходит от сюжетного творчества, а экспериментирует языком. Манипуляции с человеческим языком ориентируют и на углубление понимания психики человека. Человек до сих пор остается загадкой, и ключ к разгадке ищется именно в главном продукте человеческой психики - его языке.

Кузнецов Дмитрий Петрович,
*кандидат философских наук, доцент
кафедры философии Курского
Государственного медицинского
университета, (Курск)*

ПОСТМОДЕРН И МЕДИЦИНСКАЯ ЭТИКА

Важнейшей чертой постмодерна является отсутствие объективного критерия предпочтения того или иного решения, уверенность в невозможности сформировать одинаковые правила игры для всего общества. Такая установка необходимо ведет к пересмотру основных положений классической этики. Центральным феноменом такой реформы базовых этических установок стала биоэтика. Возникнув на волне либерализации 60-х годов, биоэтика постепенно превратилась в центральную этико-медицинскую доктрину, несущую в себе матрицу постмодернистского взгляда на мир.

В разработке современной медицинской идеологии центральной является идея о неординарности медицинского знания, т. е. понимание того, что медицина в современном мире не является более *одним из многих* направлений высокотехнологичных практик. Медицина – одно из примечательнейших явлений современной культуры. Пройдя путь от ремесла до развитой научной отрасли, она стала неотъемлемым компонентом комплекса современного знания; превратилась в мощную ветвь бизнеса; приобрела сравнимые только с компьютерными технологиями культуртрегерские функции; оказывает мощное влияние на политику посредством экологически ориентированных организаций. Все вышеперечисленное уже ставит медицину над другими отраслями науки, но не исчерпывает ее значение в современном мире.

Постмодерн фиксирует расширение любой проблематики за рамки установленного для нее поля, вернее дисциплинарные границы становятся размытыми, что в явном виде обозначилось во второй половине XX века. В медицине появились проблемы, не поддающиеся решению собственно медицинскими методами. Эти проблемы неожиданно оказались скорее философско-мировоззренческого плана, чем врачебно-технологического.

Вплоть до этого времени этическая компонента медицинского знания была сама собой разумеющейся; добросовестная деятельность врача считалась априорно нравственной, решение медицинских проблем связывалось с развитием науки и техники. Биоэтические проблемы такого решения принципиально не имеют. Их понимание возможно лишь на пути рефлексии над основами человеческого бытия и западной культуры. Так медицина пережила обычную постмодернистскую трансформацию, став вдруг «не только медициной».

Развитие медицинского знания стремительно изменяет мировоззренческие установки человека в направлении постмодернистского взгляда на вещи, для которого характерна непроявленность mainstream'ов, как следствие непредсказуемости развития общества. Можно провести аналогию между физикой начала двадцатого века и медициной и биологией начала двадцать первого. Формирование новой медицинской проблематики ведет к изменению современной культуры, что и проявилось в феномене биоэтического знания. Последнее отнюдь не исчерпывается проблематикой этической (отношением врач-пациент, уважением прав пациента и т. п.), а скорее выражает испуг интеллектуальной элиты западного мира перед нарастающей угрозой сущностного изменения культуры и рождением новой, еще не понятной и, следовательно, непредсказуемой, цивилизации.

Из громадного и все расширяющегося блока проблем биоэтики остановимся, для примера, только на двух – генетических экспериментах и проблеме СПИДа. Проблемы генетики отнюдь не сводятся к вопросам моральным или правовым. В генетических исследованиях медленно, но неуклонно разлагается центральная идея европейской культуры – уникальность человека. На протяжении веков именно неповторимость человека поддерживала основания западной культуры; так что даже *возможность* ее изменения (существующая пока только в головах гума-

нитариев) вызывает священный апокалиптический трепет. Таково же примерно положение и со СПИДом. В самом деле, существуют инфекции не менее опасные, чем «чума XX века», да и размеры ее еще не сопоставимы с грозными пандемиями средневековья, в ходе которых вымирали целые города. Такое положение не раз наводило на мысль – не является ли шумиха вокруг этой инфекции всего лишь последствием тяги к особому рода сенсациям, возникшей на фоне затухающей сексуальной революции? Ответ на подобного рода вопросы должен быть отрицательным. СПИД является проблемой, однако, его проблематичность более культурного, нежели медицинского плана. Появление новых инфекций ставит под сомнение важнейшую идею нашего культурного мира – идею человека как суперсущества. Эта идея создавала возможность биологических классификаций, а также идею возможности успешного познания мира. Кризис этой концепции приведет к перестройке всего здания европейской культуры.

В-третьих, биоэтика имеет и социологическую составляющую. Она является одним из проявлений «powershift», распределения власти медицинского сообщества в большом обществе. Монополия на знание рухнула, информационные технологии сделали принципиально доступными любые сведения, подрывая былой образ врача как «бога в белом халате».

Показательно, что именно медицина, а не, скажем, физика, стала доминирующей отраслью научного знания в период постмодерна (количество публикаций по медицине и связанным с нею отраслям биологии намного превышает количество публикаций в физике или химии). Сомнения в этической адекватности медицинского знания самому себе есть сомнения в самих биологических (всегда рассматриваемых как наиболее устойчивые и достоверные) основаниях человеческого существования. Реальность человека стала практически неуловимой вначале на уровне идеологии, теперь же само физическое существование человека оказалось возможным реформировать, человеческое тело стало размываться не только многообразием постмодернистских идеологий, но и самим естественно научным знанием. Исходившая из самодостоверности существования человека классическая европейская этика сменяется аморфностью оценок различных биоэтических моделей.

**Закурдаева Кристина
Александровна,**

*студентка Курского Государственного
медицинского университета, (Курск)*

БИОТЕХНОЛОГИЯ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Биотехнология - это совокупность методов, использующих живые организмы и биологические процессы для получения продуктов, применяемых в медицине, экологии, пищевой промышленности и других областях.

Рынок биотехнологии только в Европе в 2005 году достиг 100 млрд. долларов, а количество людей, вовлеченных в биотехнологию, вместе с теми, чья работа связана с использованием биотехнологической продукции, может достигнуть 3 млн. Объем американской биотехнологической промышленности в настоящее время в 8 раз превышает европейскую.

Успехи биотехнологических исследований:

1. Синтез антибиотиков.
2. Разработка вакцин.
3. Получение генно-инженерного инсулина, необходимого больным сахарным диабетом.
4. Успехи в терапии различных заболеваний (болезнь Альцгеймера, ожоги, инфаркт миокарда, некоторые формы рака, лейкозы и т.д.).
5. Разработка методов очистки загрязненной воды, почвы.

В настоящее время спектр биотехнологических исследований охватывает огромное количество разнообразных методов: от генной инженерии и клонирования до кибернетики и нанотехнологий. Однако в данной статье будут рассмотрены лишь некоторые, наиболее актуальные для медицины аспекты биотехнологии и поставленные ими этические вопросы.

1. Проект «Геном человека»

В ходе проекта «Геном человека» уже сейчас установлена структура и хромосомная локализация многих генов, необычные варианты которых служат причиной заболеваний или благоприятствуют их развитию. В ближайшее время станет возможным осуществлять раннюю диагностику наследственных болезней – как в индивидуальном порядке, так и в порядке массового генетического тестирования (скрининга). Бурно развивающаяся гено-терапия уже сейчас ворвалась во многие отрасли клинической медицины, и её методы способствуют успешному лечению многих патологических состояний. Но так ли безопасно знание своего личного генетического паспорта?

В специальном документе Совета Европы («Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины: конвенция о правах человека и биомедицине»), принятом в 1996 году, содержатся лишь самые общие положения. Ст. 11 запрещает любую дискриминацию по наследственным признакам. В статье 12, посвященной генетическому тестированию, говорится, что «проведение тестов на наличие генетического заболевания или на наличие генетической предрасположенности к тому или иному заболеванию может осуществляться только в целях охраны здоровья или связанных с ними целях медицинской науки и при условии надлежащей консультации специалиста-генетика».

2. Клонирование

Клонирование – это искусственное создание точной генетической копии особи определенного вида.

Впервые мировая научная общественность заговорила о клонировании в 1996 году. Именно тогда из одной из британских научно-исследовательских лабораторий пришло сообщение о создании первого в мире клона – овечки Долли. В настоящее время подобные заявления – уже не редкость, они появляются практически ежедневно из различных уголков света.

Процесс клонирования достаточно сложен и трудоемок. Суть его сводится к имплантации в цитоплазму яйцеклетки ядра соматической клетки клонируемой особи. После стимуляции полученной «зиготы» она начинает развиваться во взрослый организм.

Во всем мире принято разделять клонирование на терапевтическое (искусственное выращивание определенных органов с

целью последующей трансплантации) и репродуктивное (собственно создание генетической копии).

Области возможного применения клонирования и связанных с ним методик достаточно широки:

- 1) искусственное оплодотворение;
- 2) воспроизводство людей с желаемыми чертами;
- 3) создание банка тканей и органов для лечения пациентов;
- 4) преимплантационная диагностика.

Применение клонирования не ограничивается рамками медицины. Многие говорят о возможности использования данных технологий в целях сохранения исчезающих видов, воспроизводства домашних животных с желаемыми чертами, а также трансгенных животных для получения лекарственных белков.

Клонирование, как никакое другое направление биотехнологических исследований, привлекает особое внимание общественности большинства стран. Во всем мире ведутся споры между сторонниками и противниками подобных разработок. Каковы же их основные доводы?

Аргументы против репродуктивного клонирования:

- Медицинский и психологический риск
- Инструментальное использование эмбрионов
- Контроль над людьми

Аргументы против терапевтического клонирования:

- Медицинские проблемы и риски
- Нет доказательств необходимости и пользы
- Инструментальное использование людей
- Риск для доноров и суррогатных матерей
- Коммерциализация человеческой жизни

3. Репродуктивные технологии

Недавно в США гомосексуальная пара удочерила девочек-близнецов от суррогатного материнства. В этой истории оказались задействованы шесть человек. Итальянский бизнесмен и его жена нашли суррогатную мать, англичанку Claire Austin, греческий врач из Афин имплантировал ей эмбрион, полученный от слияния яйцеклетки и сперматозоида неизвестных людей. Когда пара узнала, что родятся девочки, они отменили заказ и потребовали сделать аборт. Девочки всё же родились, и их удочерили.

Это один из многих примеров

В основе своей репродуктивные технологии преследуют благую цель – даровать радость материнства и отцовства тем парам,

которые по каким-либо причинам не могут иметь детей, т.е. бесплодны. В последнее время искусственное оплодотворение стало вполне доступной процедурой в большинстве крупных городов.

Методы репродуктивных технологий разнообразны и включают:

- искусственную инсеминацию
- интрацитоплазматическое введение спермы
- овариальную стимуляцию
- ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение) и др.

Одним из аспектов репродуктивных технологий является также преимплантационная диагностика (искусственное получение эмбрионов, генетическое тестирование с целью выбора наиболее подходящего эмбриона с последующей его имплантацией и уничтожением остальных), которая в настоящее время запрещена в большинстве стран мира.

4. Стволовые клетки

Стволовые клетки – прародительницы всех без исключения типов клеток в организме. Они способны к самообновлению и, что самое главное, в процессе деления образуют специализированные клетки различных тканей.

Среди стволовых клеток выделяют:

- a. Тотипотентные – способны образовывать клетки любых типов.
- b. Плюрипотентные – способны образовывать клетки многих, но не всех типов.
- c. Мультипотентные – способны образовывать клетки нескольких типов.
- d. Унипотентные – способны образовывать только один тип клеток.

По своему происхождению стволовые клетки могут быть эмбриональными (получены из эмбрионов, чаще абортированных) и аутологичные (собственные). На мой взгляд, исследование и применение эмбриональных стволовых клеток сопряжено с огромным количеством деонтологических проблем и может рассматриваться как одна из разновидностей экспериментов над человеком. В то время как исследование аутологичных стволовых клеток является достаточно перспективным направлением современной науки и в самое ближайшее время найдет широкое применение в медицинской практике.

Заболевания, при которых целесообразно применение аутологичных стволовых клеток:

- Рак (лимфома, миелома, лейкемия, рак молочной железы, нейробластома, почечно-клеточная карцинома, рак яичника);
- Аутоиммунные заболевания (множественный склероз, ревматоидный артрит, склеродерма, склеромикседема, болезнь Крона);
- Анемии (включая серповидно-клеточную анемию);
- Иммунодефициты;
- Инсульты;
- Болезнь Паркинсона;
- Восстановление сердечной ткани после инфаркта, желудочного эпителия при язве, сосудов при гангрене;

В Великобритании открывается первый в мире банк стволовых клеток в графстве Хартфордшир. В России полным ходом идет проект создания банка аутологичных стволовых клеток из пуповинной крови.

5. Кибернетика и нанотехнологии

«Кибернетика однажды позволит слепому видеть, а хромоте идти».

Действительно, применение кибернетических технологий в настоящее время довольно широко, особенно в развитых странах.

Нанороботы (микрочастицы размером менее 100 нм) – одна из последних разработок в этой области. Они могут быть использованы в лечении рака, инфекций, генетических нарушений, в целях обеспечения действия фармакологических препаратов на молекулярном уровне, способны замещать поврежденные клетки.

Основная потенциальная опасность повсеместного внедрения этих технологий во всемирную медицинскую практику заключается в тонкой грани между лечением человека и изменением человека.

В заключении хотелось бы отметить необходимость решения этических проблем, возникающих на фоне бурного развития биотехнологии, на общемировом уровне, а также принятия правовых документов, четко регламентирующих действия врачей и исследователей в этой области.

Плоды, приносимые быстрым развитием новых технологий, зависят от принципов, которыми руководствуются исследователи. Поэтому очень важно не забывать основную заповедь: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», (Мф. 22,39) и основывать на ней все принимаемые решения.

Орлова Надежда
Хаджимерзановна,
кандидат философских наук, доцент
Республиканского гуманитарного
института Санкт-Петербургского
государственного университета,
(Санкт-Петербург)

ЗАЧАТИЕ IN VITRO И ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ

Развитие прогресса в области генной инженерии проходит весьма стремительно. Только постановка вопросов, вставших в связи с этим перед биополитиками и биоэтиками, достойна добротного научного доклада. Биотехнологии ставят трудную моральную дилемму, поскольку любые наши возражения против прогресса должны быть соотнесены с признанием неоспоримых положительных перспектив. В использовании биотехнологий крайне зыбка грань между очевидными преимуществами и потенциальным злом.

Биоэтика представляет собой важную точку роста философского знания, а формирование и развитие биоэтики связано с процессом общей трансформации этики традиционной и медицинской этики, в частности. Неослабевающий интерес к биоэтике обусловлен, прежде всего, резко усиливающимся вниманием к правам человека (в медицине — это права пациента, испытуемого и т.д.), а также созданием новых медицинских технологий, порождающих множество острейших проблем, требующих юридического и морального регулирования. [1]

Сегодня очевидно, что широкие этические дискуссии, скорее, отстают от стремительных темпов внедрения биотехнологий в повседневную жизнь людей. Мы еще рассуждаем о том, этично или неэтично внетелесное зачатие, а в повседневной практике эта технология не только широко удовлетворяет спрос конкретных женщин и мужчин, но уже индуцирует создание правовых регламентирующих норм ее применения. Биоэтика в современной ситуации сконцентрирована преимущественно на анализе отдельных случаев, моральных коллизий, казусов, трудных с моральной точки зрения для принятия решения. Однако простого научного

дискурса, разворачивающегося в социокультурной системе, сегодня уже недостаточно.

Фундаментальной задачей биополитики является сохранение и поддержание жизни. Особенно остро стоит проблема сохранения жизни на фазе рождения. Чрезвычайно важным оказывается здесь прогнозирование возможных патологий и предотвращение их. В условиях автономизации сексуального поведения от репродуктивной функции современного человека, сопровождающейся устойчивой тенденцией снижения рождаемости до уровня ниже простого замещения поколений, родители стремятся планировать не только сроки появления ребенка, но и пол. Человек современный приобретает способность и возможность модифицировать самого себя, способность к эктогенезу. Сторонники этого направления в эволюционном учении рассматривают историческое развитие живой природы как процесс прямого приспособления организмов к среде и простого суммирования изменений, приобретаемых организмами под воздействием среды, и отрицают роль естественного отбора (противоп. автогенез); пример эктогенеза — механоламаркизм.

В тот момент, когда человек по развитию науки, техники, генетики смог добраться до самых истоков жизни, перед биоэтиками встает важнейшая проблема этики и нормы внетелесного зачатия, а также проблема человеческого эмбриона. Это очень важное понятие, поскольку человеческий эмбрион, оставаясь почти невидимым и очень маленьким, связан с зарождением жизни и очень важен для понимания, что такое человеческая жизнь. Вопрос о сохранении жизни человеческому эмбриону является темой крайне деликатной и этически сложной, так как он зависит от разрешения вопроса о человеческой личности.

Зачатие *in vitro* дает возможность женщине самостоятельно принять решение о качестве ребенка, которого она хотела бы родить, приобрести замороженный эмбрион, который после имплантации в ее матку будет ею выношен и рожден, как если бы он был зачат в ее собственном теле. А. Тоффлер [2] предполагает, что и женская матка может оказаться не нужной, так как репродуктивные технологии позволят вырастить плод, «освобождая» женщину от дискомфорта беременности.

Все традиционные представления о материнстве, любви, воспитании детей могут оказаться в списке симулякров. А «моральный и эмоциональный выбор, перед которым мы будем поставлены в ближайшие десятилетия, будет ошеломляющим» [2, 155]. Возможность стандартизировать человеческий эмбрион еще до импланта-

ции выводит человечество на путь технотизированного размножения, когда Богоблагословенная тайна зачатия и рождения становится забытым опытом психических переживаний человека.

Здесь дискутируется очень широко вопрос, что такое человеческая личность и кому принадлежит достоинство человеческой личности. Формальное согласие с общепризнанным принципом об уважении к человеческой личности не упрощает решение вопроса, так как существуют разные концепции личности. Генетика и другие точные науки могут дать важные сведения о человеке, но само понятие личности принадлежит к философии и может трактоваться только в поле философии.

Можно ли говорить о личности в момент зарождения человека и его смерти? Существуют ли пределы, и каковы они в поддержании жизни смертельно больного человека? Допустима ли эвтаназия? С какого момента следует считать наступление смерти? С какого момента зародыш можно считать живым существом? Допустимы ли аборт? Или аборт есть убийство живых существ? Можно ли путем философского размышления применять понятие личности к эмбриону. Следует все же говорить о том, что субъектом права на жизнь является также и женщина и ее жизнь может оказаться не менее подверженной опасности, в том числе и самой беременностью. Кроме того, имеем ли мы право в принципе говорить о слабости эмбриона, находящегося в теле матери? Ведь в этом симбиозе именно мать, вся ее биологическая, психологическая и социальная жизнь всецело подчиняется жизни плода, но не наоборот.

Биология и биофизика выделяют определенные характеристики, которые могут быть приписаны личности, но на основе этих данных нельзя ни отказать эмбриону в праве на жизнь, ни постулировать его. Говоря словами Владимира Лосского, это значит, что уровень, на котором ставится проблема человеческой личности, превосходит уровень онтологии, как ее обычно понимают. И здесь можно вести речь о некоей метаонтологии, когда лишь Бог, приостанавливающийся в Своем творчестве, как бы советуется с Собой: *«Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему»* (Быт.1: 26) [3].

В современной литературе (В. Поссенти и др.) выделяются два подхода к определению личности в соотношении с проблемой человеческого эмбриона: функциональный и субстанционалистский.

1. Исходя из принципа функциональности, личность характеризуется согласно тому, что она может, то есть, способна ли

она осуществлять свои действия на основе свободы воли, нравственности, самосознания. Если считать, что именно эти характеристики являются самыми существенными для квалификации личности, тогда по отношению к старому человеку, потерявшему память, разумность и пр., мы можем говорить, что перед нами нет личности. А, следовательно, у нее нет и права на жизнь. Эмбрион также не обладает этой функциональностью и, как и немощный, потерявший разум старик, имеет минимальное право на жизнь. Однако затем в процессе развития плода, а затем и человека как личности, право на жизнь может расти и достигать максимума в развитом организме. Далее, параллельно с процессами старения, когда человеческое как бы теряет те свойства, которые делали его личностью, это право вновь уменьшается. Этот подход понятие личности выводит из функций доступных человеку как личности, а не как биологическому существу.

Здесь право на жизнь не имеет абсолютного значения, а работает понятие «постепенного» права на жизнь, которое в момент смерти полностью исчезает. Согласно логике такого подхода, прекращение жизни эмбриона на начальной стадии не имеет значения, поскольку вплоть до определенной фазы развития плод хотя и принадлежит человеческому роду, но не является человеческой личностью.

2. В сущностном, субстанционалистском подходе определение личности не зависит от каких-либо свойств, и аргументация идет по онтологическому принципу. Различия в сущности считаются различиями степени, которые, в свою очередь, унаправляют классы индивидуумов, отличающихся друг от друга. Если идти по онтологическому пути, то трудность в том, что субстанция определяется не через первичные, а через вторичные свои свойства, которые коренятся, в свою очередь, в первичном акте бытия. Именно в них мы можем иметь большой выбор. И здесь мы ставим акцент на наиболее высокие качества личности, который, однако, не исключает возможность и других акцентов.

Центральным пунктом в этом случае является порядок бытия и порядок действия, которые отличаются друг от друга тем, что порядок действий вытекает из порядка бытия. Онтологический подход в понимании личности субъекта исключает вероятность ее растворения в различных вторичных актах. Фундаментальное различие порядка бытия и порядка действия определяет то, что личность может быть личностью даже в отсутствии действий.

Центральное понятие личности здесь определяется по самой знаменитой и общепризнанной формуле, которая принадле-

жит Северину Боэцию (ок. 480_525г.): *Persona est naturae rationalis individua substantia* (личность есть индивидуальная субстанция, имеющая разумную природу) [4]. Субстанция. Индивидуум. Духовность. Сущность. Через понятие человеческого субъекта и человеческой субстанции делается отсылка как на телесную, так и на духовную компоненту. Таким образом, через это определение мы можем идти как в сторону идеализма, так и в сторону материализма. И мы уже не можем говорить, что есть индивидуумы (плод младенца, умственно отсталые и находящиеся в коме), которые принадлежат человеческому роду, но не являются личностями. Там, где есть человеческий индивидуум, там есть и человеческая личность. Исходя из этого, эмбриону можно присвоить статус личности, так как он желает вести себя, как живое существо, имеет свою индивидуальную генетическую природу, в нем существует своя уникальная программа развития.

В момент зачатия происходит то, что на философском языке называется преобразованием сущностей: из двух зигот образуется новая, готовая осуществить свой собственный сценарий жизни. Было бы вполне законно утверждать, что эта реальность имеет право на жизнь, так же как и родители.

Здесь возникает проблема «судьбы» искусственного эмбриона (сохранение путем замораживания, утилизация в случае не востребоваемости, использование стволовых клеток эмбрионов для лечения тяжелых болезней). Имеем ли мы право вмешиваться в жизнь эмбриона, зачатого *in vitro*, и препятствовать его дальнейшему развитию в человека? На основе какого закона человек может присваивать себе эту огромную власть блокировать процесс жизни, который идет по своему сценарию?

Человеческие общества должны быть основаны на гарантии никому не навредить и свободного развития личности. Если признать эмбрион личностью, то в случае замораживания его мы нарушаем этот универсальный этический принцип, так как контролируем время и саму возможность дальнейшего его развития. Представляется важной постановка вопроса не только о «судьбе» уже созданного эмбриона, но о правомочности самого искусственного зачатия. Использование биотехнологий для модификации человека, вне всякого сомнения, позволяют решать задачи сохранения и поддержания жизни. С другой стороны, существует угроза возможности изменения человеческой природы, которая создает «стабильную преемственность нашего видового опыта» [5,18].

Существуют три категории возражений против генной инженерии: религиозные; основанные на прагматических сообра-

жениях; а также опирающиеся на философские принципы. Наиболее последовательные основания для протестов дает религия. Бог наделяет человека способностью к нравственному выбору, свободной волей, разумом, чем отличает его уникальный статус от остальных животных. Этими способностями Господь наделяет человека посредством природы, вмешательство в порядок и нормы которой есть нарушение воли Бога.

Вмешательство в творение человека посредством репродуктивных технологий выводит размножение из контекста половой жизни и семьи, сводя его к сумме материальных причин и условий, на которые человек может воздействовать. Здесь одновременно и неуважение к достоинству человека (он уже не есть чудесный акт Божественного творения), и попытка уравнивать себя с Богом (присвоение функции создания человека).

Опыт человечества показал, что существует много разумных причин не пренебрегать естественным порядком природного мира. Окружающая среда, по отношению к которой человек был довольно агрессивен в своем стремлении «подчинить», «преобразовать», «улучшить», продемонстрировала нам, что всякая экосистема обладает взаимосвязанной целостностью и сложностью, непонимание которых может нарушить равновесие самым непредвиденным способом.

Безоглядная модификация природы человека, как одной из сложнейших систем, чревата необратимым следствием «потери» самого человека («человек отменяется», по меткому замечанию К.С. Льюиса [6]). Эта потеря может определить неожиданные горизонты «постчеловеческого» будущего.

Литература:

1. Вопросы философии. 1994. — №3
2. Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997.
3. Лосский В.Н. Богословское понятие человеческой личности. М., 2000.
4. Бозций. Утешение философией. М., 1986
5. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004.
6. Льюис К.С. Человек отменяется. СПб., 1993.

Копцева Наталья Григорьевна,
студентка Курского института
менеджмента, экономики и бизнеса,
(Курск)

ФЕНОМЕН СМЕРТИ И ПРОБЛЕМА БЕССМЕРТИЯ

«Что такое смерть?» Этот вопрос человечество задает себе с момента своего возникновения. За последние несколько лет один из исследователей этого вопроса - Раймонд Моуди (работу которого я сделала основанием моих рассуждений) задавал его значительному числу слушателей. Среди них были студенты психологических, философских и социологических факультетов, были верующие, члены гражданских курсов, профессиональные медики. В итоге с некоторой долей осторожности он говорит, что эта тема вызывает наиболее серьезное отношение у всех людей, независимо от их эмоционального типа или принадлежности к той или иной социальной группе.

Однако, несмотря на обширный интерес, несомненно, и то, что для большинства из нас очень трудно говорить о смерти. Здесь есть, по крайней мере, две причины. Одна из них, в основном, психологического или культурного характера. Сама тема смерти – табу, мы чувствуем, по крайней мере, хотя бы подсознательно, что, сталкиваясь со смертью, даже косвенно, мы неизбежно становимся перед перспективой нашей собственной смерти. Картина ее как бы приближается к нам и делается более реальной и осознаваемой.

Например, многие студенты-медики, в том числе и их преподаватель - Моуди, помнят, что даже такая встреча со смертью, как в анатомической лаборатории медфака, вызывает весьма тревожные ощущения.

Причина моих собственных неприятных переживаний мне теперь совершенно очевидна. Как Моуди вспоминал, его переживания почти не касались тех людей, останки которых он видел,

хотя, конечно, в какой-то мере он думал и о них. Но то, что он видел на столе, было для него, главным образом, символом его собственной смерти. Так или иначе, возможно, полусознанно, но он, должно быть, подумал: «Это случится и со мной».

Таким же образом и разговор о смерти с психологической точки зрения может рассматриваться как косвенное приближение к смерти, только на другом уровне. Несомненно, что многие люди воспринимают любые разговоры о смерти, как нечто такое, что в их сознании вызывает настолько реальный образ смерти, что они начинают ощущать близость собственной кончины. Чтобы уберечь себя от психологической травмы, они просто начинают избегать таких разговоров.

Другая причина, из-за которой трудно разговаривать о смерти, несколько сложнее, поскольку она коренится в самой природе нашего языка. В основном, словами, составляющими человеческую речь, мы обозначаем вещи, знание о которых получаем благодаря нашим физическим ощущениям, в то время как смерть есть нечто такое, что лежит за пределами нашего сознательно-го опыта, т.к. большинство из нас никогда не переживали ее.

Таким образом, если мы говорим о смерти вообще, мы должны избегать как социального табу, так и языковой дилеммы. В конце концов, мы приходим к эвфемистическим аналогиям. Мы сравниваем смерть или умирание с вещами, с которыми мы знакомы из нашего повседневного опыта и которые представляются нам весьма приемлемыми.

Вероятно, одна из аналогий такого типа – сравнение смерти со сном. Умирание, говорим мы себе, подобно засыпанию. Такого рода выражения имеют место и в нашем повседневном языке и мышлении, а также – в литературе многих веков и культур.

Видимо, такие представления были свойственны и древним грекам. Например, в «Илиаде» Гомер называет сон «братом смерти», а Платон в своей «Аналогии Сократ» вкладывает в уста своего учителя Сократа, приговоренного афинским судом к смерти, следующие слова:

«Если ничего не чувствовать, то это все равно, что сон, когда спишь, что даже ничего не видишь во сне; тогда смерть – удивительное приобретение. По-моему, если бы кому-нибудь предстояло выбрать ту ночь, в которую он спал так крепко, что даже не видел снов, и сравнить эту ночь с остальными ночами и

днями своей жизни и, подумавши, сказать, сколько дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь, - то, я думаю... что таких ночей было у него наперечет по сравнению с другими днями и ночами. Следовательно, если смерть такова, я, что, касается меня, назову ее приобретением, потому что, таким образом, все время покажется не дольше одной ночи».

Та же аналогия используется и в нашем современном языке, когда имеется в виду выражение «усыпить». Если вы приносите к ветеринару собаку с просьбой усыпить ее, вы обычно имеете в виду нечто совсем иное, чем когда вы просите анестезиолога усыпить вашу жену или вашего мужа. Другие люди предпочитают иную, но сходную аналогию. Умирание, говорят они, похоже на забвение. Когда человек умирает, он забывает все свои горести, исчезают все мучительные и неприятные воспоминания.

Как бы ни были стары и широко распространены эти аналогии как с «засыпанием», так и с «забвением», их все же нельзя признать вполне удовлетворительными. Каждая из них по-своему говорит об одном и том же. Обе они утверждают, что смерть фактически есть просто исчезновение нашего сознания, исчезновение навсегда. Если это так, то тогда смерть в действительности не имеет ни одной привлекательной черты, ни засыпания, ни забвения. Сон приятен и желателен для нас, поскольку за ним следует пробуждение. Если бы не было пробуждения, всех преимуществ сна просто не существовало бы.

Сходным образом прекращение (аннигиляция) всего нашего сознательного опыта подразумевает исчезновение не только мучительных воспоминаний, но также и всех приятных. Таким образом, при более тщательном рассмотрении ни одна из аналогий не является настолько адекватной, чтобы дать нам реальное утешение или надежду перед лицом смерти.

Существует, однако, другая точка зрения, которая не приемлет утверждения, что смерть есть исчезновение сознания. Согласно этой второй, возможно, более древней концепции, определенная часть человеческого существа продолжает жить даже после того, как физическое (лицо) тело прекращает функционировать и полностью разрушается. Эта постоянно существующая часть получила много названий: психика, душа, разум, я, сущность, сознание. Но как бы она ни называлась, представление о

том, что человек переходит в какой-то мир после своей физической смерти, является одним из наиболее древних человеческих верований. На территории Турции, например, были обнаружены захоронения неандертальцев, насчитывающие около 100 тысяч лет. Найденные там окаменевшие отпечатки позволили археологам установить, что древние люди погребали своих умерших на ложе из цветов. Это позволяет предполагать, что они относились к смерти, как к празднованию перехода умершего из этого мира в другой. Действительно, с самых древних времен захоронения во всех районах мира свидетельствуют о вере людей в существование человека после смерти его тела.

Таким образом, мы имеем дело с противоречащими друг другу ответами на наш первоначальный вопрос о природе смерти. Оба они имеют очень древнее происхождение, и, тем не менее, оба широко распространены и по сей день.

Далее рассмотрим некоторые факты клинической смерти и попытаемся их понять как свидетельства в пользу того или иного понимания смерти.

Опыт умирания. Существует понятие опыт умирания. Рассмотрим некоторые варианты, принадлежащие разным людям.

Человек умирает, и в тот момент, когда его физические страдания достигают предела, он слышит, как врач признает его мертвым. Он слышит неприятный шум, громкий звон в ушах или жужжание и в то же время чувствует, что движется с большой скоростью сквозь длинный черный туннель. После этого он внезапно обнаруживает себя вне своего физического тела, но еще в том же физическом окружении. Он видит свое тело как бы со стороны, на расстоянии, как посторонний зритель. Он наблюдает за попытками вернуть его к жизни. Обладая этим необычным преимуществом, он находится в состоянии некоторого эмоционального шока.

Рассмотрим некоторые ощущения мира и покоя, сопровождающие указанные процессы.

В момент травмы человек ощутил внезапную боль, но затем она исчезла: «У меня было такое ощущение, словно я парю в воздухе, в темном пространстве. День был очень холодным, однако, когда я находился в этой темноте, мне было тепло и приятно как никогда; помню, что я подумал - «Наверное, я умер».

Женщина, которую вернули к жизни после сердечного приступа, сообщает: «Я начала испытывать совершенно необычайные ощущения. Я не чувствовала ничего, кроме мира, облегчения, покоя. Я обнаружила, что все мои тревоги исчезли, и подумала про себя: «Как покойно, хорошо и нет никакой боли».

Шум. Рассмотрим еще один случай, повторяемый разными исследователями в том или ином варианте. Молодая женщина, которая умирала от внутреннего кровоизлияния, связанного с нарушением свертываемости крови, говорит, что в момент коллапса она слышала какую-то музыку, величественную, действительно прекрасную.

Темный туннель. Часто одновременно с шумовым эффектом у людей возникает ощущение движения с очень большой скоростью через какое-то пространство. Для описания этого пространства используется множество различных выражений. Его рассматривали как пещеру, колодец, т.е. как нечто сквозное, некое замкнутое пространство: туннель, дымоход, вакуум, стоячую трубу, долину, цилиндр.

Например, мужчина, который «умирал» несколько раз от тяжелых ожогов и травм, от падения, говорит: «Я находился в шоке около недели. И в это время совершенно неожиданно ушел в темную пустоту. Казалось, я провожу там длительное время, паря и кувыркаясь в пространстве. Я был настолько захвачен этой пустотой, что просто не мог думать ни о чем другом».

Внетелесные ощущения. Общеизвестно, что большинство из нас отождествляет себя со своим телом. Мы, конечно, признаем, что у нас есть также и разум, но большинству разум представляется чем-то значительно более эфемерным, чем тело. Разум, в конечном счете, может быть не чем иным, как результатом электрических и химических процессов, происходящих в мозгу, который, в свою очередь, составляет часть физического тела. Многие люди просто не могут себе представить, что могут существовать в каком-либо ином состоянии, вне физического тела, к которому они привыкли.

До своего опыта смерти люди не различаются своим отношением к этому вопросу с обычным средним человеком. Именно поэтому умирающий бывает предельно изумлен, когда, пройдя через «туннель», обнаруживает, что смотрит на свое физическое тело извне, как посторонний наблюдатель. Он видит людей и со-

бытия, происходящими как бы на сцене или в кино. Вот один из вариантов этого видения. «Когда мне было семнадцать лет, мы вместе с моим братом работали в Луна-парке. Как-то днем мы решили поплавать, с нами было еще несколько молодых людей. Кто-то предложил: «Давайте переплывем озеро». Я хорошо плавал. Но в тот день почему-то стал тонуть почти на самой середине озера. Я барахтался, то опускаясь, то поднимаясь, и вдруг почувствовал, что нахожусь вдали от своего тела, вдали от всех, как бы сам по себе. Хотя я не двигался, находясь все время на одном уровне, я видел, как мое тело, находящееся в воде на расстоянии трех или четырех футов, то опускалось, то поднималось. Я видел свое тело со спины и немного справа.

В то же время я чувствовал, что у меня все еще есть какая-то телесная оболочка, хотя я и был вне своего тела. У меня было ощущение легкости, которое почти невозможно описать. Я казался себе перышком».

Подводя итоги изложенному материалу, который, как правило, кочует из одной публикации (книги, статьи) в другую без особых изменений, я могу сказать одно, выражая собственное мнение по этому вопросу. Смерть, конечно, очень важный феномен человеческого бытия. Долгое время в истории это явление было предметом религиозных размышлений. Последнее столетие интересно тем, что смерть все чаще становится предметом научного внимания. Но если быть искренними в этой проблеме, то надо сказать, что научные изыскания ничего нового к тайне смерти не прибавили, - они просто перевели и продолжают переводить феномен смерти на другой, нежели религиозный, язык, который более доступен современному человеку, плохо знакомому с религиозной образностью, символикой, знаковостью, а более понимающему своеобразный «околонаучный» язык. Нужен ли такой «перевод»? В положительном ответе я сомневаюсь. Я думаю, что представления о смерти и вариантах бессмертия - это область религиозной веры. Те же, кому эта область чужда, должны смириться с банальным, как атеизм, ответом: смерть – это конец моего индивидуального существования.

Литература.

Р. Моуди. Жизнь после жизни / Сб. Жизнь земная и последующая. Сост. П.С.Гуревич, С.Я.Левит: перевод с английского. М., 1991. С. 7 – 80.

Толмачев Антон Васильевич, Курская палата
адвокатов,
помощник адвоката (Курчатов)
Бакалавр юриспруденции, юрист.
Убежденный христианин,
креационист

ЭВТАНАЗИЯ – ПРАВО НА УБИЙСТВО?

Бурный рост науки привел к повышению уровня жизни многих людей. Развитие медицины увеличило среднюю продолжительность жизни человека во многих странах. Благодаря новейшим высоким технологиям стало возможным существенно продлевать жизни тяжело больным людям, которые без технических инноваций просто не смогли бы жить. Но у этой положительной стороны есть негативные моменты, в частности, серьезные обременения и проблемы, которые ложатся на близких родственников и на государство по уходу за больным вследствие невозможности тяжелобольного человека самостоятельно ухаживать за собой. Бремя заботы зачастую настолько тяжело, что порой кажется самым простым средством выхода из положения применение эвтаназии. В данном ключе перед человеком встают серьезные проблемы.

Для более глубокого понимания смысла данного вопроса следует обратиться к значению слова «эвтаназия». Впервые термин «эвтаназия» был использован в XVIII в. Ф. Беконом для обозначения «легкой», не сопряженной с мучительной болью и страданиями смерти, могущей наступить и естественным путем. «Эвтаназия» буквально означает «хорошая смерть». Это вполне безобидное словосочетание в действительности обозначает умышленное умерщвление человека, которое осуществляется либо лечащими врачами, либо теми, кто помогает больному добровольно покончить со своей жизнью. Иногда под эвтаназией понимают «умерщвление из сострадания» (*англ. Mercy killing,*) поскольку целью умерщвления считается облегчение боли и страданий больного. Но независимо от того, какую цель преследует человек, осуществляющий эвтаназию, он совершает умышленное убийст-

во. В соответствии со ст. 45 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года эвтаназия – «удовлетворение медицинским персоналом просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни».

В этой связи возникает ряд серьезных проблем, которые носят юридический, морально-этический и религиозный характер. Является ли эвтаназия политически и юридически обоснованной; является ли эвтаназия долгом любого сострадательного врача. Или же независимо оттого, какими причинами руководствуется врач, это преднамеренное убийство и поэтому – уголовное преступление?

Человек в целях сострадания умерщвляет животное, которое испытывает сильнейшие боли. Из этого положения плавно вытекает шаблонное утверждение, что так же нужно поступать и с тяжелобольными людьми. При поверхностном рассмотрении данного вопроса это кажется вполне обоснованным. В семье, где есть тяжелобольной человек, страдает не только он сам, но и его родственники, на которых ложится уход и забота за больным. Они должны постоянно находиться с ним рядом, оказывать ему определенную помощь. А что, если больной находится в тяжелой коме и уподобляется комнатному растению с только физиологическими функциями? Забота о нем превращается в ад, который зачастую убивает в родственниках любовь и желание о нем заботиться.

С другой стороны, окончание жизни человека – очень серьезный момент. Человек не животное. Созданный по образу и подобию Бога, он обладает разумом и волей. Это коренное отличие от животного мира обязывает ценить человеческую жизнь. Для большинства людей, которые верят, что жизнь дается Богом, и только Он обладает правом ее забрать, убийство человека, независимо оттого, какие цели оно преследует, считается неправильным. Но так думают не только верующие в Бога. Многие люди самых разных профессий сегодня активно протестуют против эвтаназии, поскольку она противоречит тому, за что борется медицина. Например, медики, дающие клятву Гиппократу, не могут выписывать больному смертельные дозы лекарственных препаратов, которые может использовать больной, имеющий намерение покончить жизнь самоубийством. В клятве российского врача содержатся следующие слова: «Получая высокое звание врача, и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь... никогда не прибегать к осуществле-

нию эвтаназии» (ст. 60 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года).

Различают два вида эвтаназии – добровольную и недобровольную. Под добровольной эвтаназией понимают умерщвление человека по его просьбе. Это имеет место тогда, когда человек больше не способен терпеть боль, либо тогда, когда он устает от жизни. Практически это выражается в виде прекращения лечебных действий у постели умирающего. Например, врач вводит летальную дозу лекарственного препарата, отказывается от проведения реанимационных мероприятий и т.д. Под недобровольной эвтаназией понимается лишение жизни человека без его воли или согласия. Например, врач без согласия пациента специально ставит его кровать в местах сквозняков и т.п. Все вышеперечисленные виды эвтаназии полностью подпадают под юридическое определение убийства. Если в первом случае присутствует т.н. «сочувствие», предусмотренное как смягчающее обстоятельство при определении наказания, то во втором – умышленное убийство без смягчающих признаков, а зачастую с присутствием отягчающих моментов, таких, как нахождение жертвы в беспомощном состоянии.

Рассмотрим теперь некоторые аспекты эвтаназии с правовой точки зрения. Во многих государствах эвтаназия до сих пор не считается законной. Вопрос о легализации эвтаназии заключается в том, что в некоторых случаях трудно определить, является ли эвтаназия добровольной или она была совершена под нажимом.

К числу международных правовых актов, регулирующих право на жизнь и тем самым косвенно затрагивающих вопрос об эвтаназии, относятся, в частности, Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (с изменениями и дополнениями от 11 мая 1994 года) и другие нормативные правовые акты. Правовой запрет на преднамеренной лишение жизни человека установлен в ст. 2 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

На сегодняшний день в международно-правовой базе вопрос об эвтаназии не нашел практического разрешения, так как он тесно связан с естественным правом человека на жизнь, закрепленным в вышеприведенных международных нормах.

В российском праве установлен прямой запрет на осуществление эвтаназии, закрепленный в ст. 45 Основ законодательства об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г., это положение вытекает из Конституции РФ, в частности, из п.1 ст. 20, в которой установлено, что каждый имеет право на жизнь. Данный принцип закреплен в ст. 105 УК РФ, в которой указывается, что умышленное лишение жизни человека вне зависимости от преследуемых целей в Российской Федерации считается убийством и, как следствие, преступлением, посягающим на жизнь человека. Весьма примечателен тот факт, что Особенная часть УК РФ открывается именно с данной статьи. И это понятно, так как жизнь является высшей ценностью. Интересная деталь: максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, т.е. 20 лет лишения свободы, пожизненное заключение либо смертная казнь, установлено только в 5 статьях за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь человека. Таким образом, в Российской Федерации не может быть легализована эвтаназия, т.к. для этого пришлось бы вносить поправки в Конституцию и Уголовный кодекс. Закон о легализации эвтаназии будет заведомо неконституционным и противоречащим общепризнанным нормам и принципам международного права.

Однако же, несмотря на прямой юридический запрет, существуют этические нормы, оправдывающие применение эвтаназии. Если обратиться к некоторым международным этическим нормам, содержащимся в источниках медицинского права, то на сегодняшний день сложилась следующая ситуация. По мнению некоторых авторов, установленное в этических актах Всемирной медицинской ассоциации (ВМА) право пациента умереть достойно, равно как и принадлежащее ему право на информированный отказ от медицинского вмешательства и право на облегчение боли, является ярким свидетельством морально-этического оправдания прекращения лечебных действий у постели умирающего больного – пассивной эвтаназии. Существуют такие авторы, которые даже рекомендуют практиковать пассивную эвтаназию, спекулируя закрепленными в ст. 33 Основ законодательства об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года этическими нормами о правах пациента на облегчение боли и отказ от медицинского вмешательства. Этический кодекс российского врача, утвержденный Ассоциацией врачей России в ноябре 1994 года, и Этический кодекс медицинской сестры России дают категоричный отказ в практиковании эвтаназии. В клятве российского вра-

ча, утвержденной Ассоциацией врачей России в ноябре 1994 г., врач – член Ассоциации, обязуется руководствоваться в своих действиях «международными нормами профессиональной этики, исключая не признаваемое Ассоциацией врачей России положение о допустимости пассивной эвтаназии».

Интересны некоторые признаки эвтаназии, даваемые в специальной литературе, немногие из которых закреплены в иностранных источниках медицинского права. Например, эвтаназия осуществляется безболезненным методом, т.е. с использованием таких лекарственных препаратов, которые не вызывают у человека физической боли либо устраняют ощущения, связанные с болезнью. Другой не менее важный признак эвтаназии заключается в том, что больной должен быть инкурабельным, т.е. безнадежно больным человеком, испытывающим сильные физические и душевные страдания. Этот момент особо подчеркивается в Британской и Американской энциклопедиях, где эвтаназия даже называется «милосердным убийством».

Реальная практика эвтаназии показывает, что существует высокая опасность встать на скользкий путь использования ее тогда, когда явное согласие со стороны пациента не прослеживается. Например, в соответствии с некоторыми данными, в Нидерландах, где эвтаназия практикуется с 1980 года, в 2001 г. в тысяче случаев уход из жизни человека не был добровольным.

Это переход к недобровольной эвтаназии в гедонистически настроенных обществах, когда забота о престарелых людях мешает людям молодого и среднего возраста получать удовольствие от жизни. Помимо прочего, зачастую данная составляющая имеет под собой корыстную направленность. У больного родственника могут находиться собственность или деньги, в завладении которых прямо заинтересованы его близкие. Поэтому эвтаназия для них наиболее простой и лучший выход из положения. Утилитаристский принцип достижения наибольшего удовольствия для наибольшего числа людей может послужить причиной давления на тяжело больного, чтобы тот согласился на эвтаназию, или на его лечащих врачей, чтобы те прибегли к недобровольной эвтаназии.

Забота о физически немощных людях и поддержание жизни тяжелобольных людей служит отличительным признаком здорового, нравственно чистого общества. Поддержание высокой моральной планки государства напрямую сказывается в его благополучии. Первопричиной распада государств, как показывает

история, является падение нравственности в обществе. Пример тому - Римская империя, которая была ослаблена изнутри нравственным беспределом и развратом, царившем в ней во всех слоях общества. Именно нравственный момент оказал решающую роль в ее распаде и завоевании варварскими племенами. Легализация эвтаназии может послужить катализатором распада общества. Возникнет ситуация, допускающая выборочное право на жизнь одних и лишение этого права других. Данный принцип несовместим с демократическими ценностями и правовым государством. Правовое государство ставит своей основной целью защиту интересов общества и человека как личности, обладающей естественными правами от рождения в силу их неотъемлемости и незыблемости.

Решение пациента добровольно уйти из жизни – это всегда колоссальный стресс. Например, об эвтаназии может попросить пациент, находящийся в состоянии клинической депрессии, которая часто встречается при смертельных заболеваниях. Какими принципами руководствоваться в данном случае, как нужно оценивать данную просьбу больного? Но что, если человек выйдет из депрессии и захочет жить дальше? Бывают случаи, и они не так уж и редки, когда человек, находящийся при смерти, цепляется за жизнь и начинает ее воспринимать и ценить по-особенному. На Востоке есть пословица: чтобы человек почувствовал вкус к жизни, он должен почувствовать дыхание смерти. Выражение: «Такая жизнь не стоит того, чтобы жить» чисто субъективное мнение. Данное выражение можно подвести под любые ситуации, когда человек испытывает какие-либо физические или духовные страдания и боли. Например, женщина после родов, подросток, разочаровавшийся в жизни, изнасилованная женщина и т.п.

Для тысяч и тысяч людей опасность незаметного перехода к недобровольной эвтаназии отзывается эхом программы нацистской Германии, вследствие которой перед началом Второй мировой войны в Германии было уничтожено примерно 5000 детей-инвалидов и 60 000 людей с психическими отклонениями. Данная аморальная программа проложила путь к предпринятому нацистами геноциду еврейского народа (холокост), а также к уничтожению других национальностей – поляков, цыган и др. В принятой после войны Женевской декларации была подчеркнута значимость традиции Гиппократова и необходимость отпора эвтаназии.

Другая моральная проблема связана с болью. Представление большинства людей о том, что смерти предшествуют сильнейшие болевые ощущения, является неверным. Современная медицина достигла такого уровня своего развития, когда стало возможным с помощью некоторых лекарственных препаратов, зачастую наркотиков и анальгетиков, существенно облегчать боли и страдания тяжелобольного пациента. Существуют специальные пансионаты, в которых осуществляется необходимый уход за такими больными.

В данной связи возникает серьезная проблема. Пациент нуждается в болеутоляющих средствах, но с увеличением боли требуется увеличение дозы данных препаратов. В итоге наступает такой момент, когда эта доза становится настолько большой, что возникает риск смертельного исхода в результате принятия лекарства. Здесь возникает вопрос – считается ли эвтаназией намерение врача облегчить боли пациента, давая ему смертельную дозу препарата. Думается, что все-таки данный поступок не является эвтаназией, т.к. намерение врача в данном случае не преследует цели умерщвления пациента.

Другой аспект связан с развитием новейших технологий для искусственного поддержания жизни человека. Без таких технологий многие пациенты обречены на быструю смерть. В этой связи возникает морально-этический вопрос – должен ли врач начинать применение таких технологий, если положение больного кажется ему безнадежным? А может быть, будет лучше, если не вмешиваться в естественные процессы? А как быть в том случае, когда такое оборудование обеспечивает только искусственное дыхание, а другие жизненно важные системы не функционируют? Имеет ли врач право отключить аппарат и тем самым вызвать смерть пациента?

С точки зрения христианства, эвтаназия, какие бы благородные цели она не преследовала, является убийством, а значит грехом. В Исх. 20:13 Господь сказал: «Не убивай». Христос дал более широкое определение убийства, сказав в Мат. 5:21-22: «Вы слышали, что сказано древним: «Не убивай», кто же убьет подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего напрасно подлежит суду; кто же скажет брату своему: «Рака», подлежит Синедрону, а кто скажет: «Безумный», подлежит геенне огненной». Христос показывает, что убийство – это не только физический акт, направленный на прекращение жизни

человека, но и мысль, слово, эмоциональная составляющая, которая толкает человека к действию. Обратите внимание, с увеличением значительности поступка человека (гнев-«пустой человек»-«безумный») увеличивается наказание грешника (суд-Синедрион-геенна огненная). Эвтаназия, по сути, есть завуалированное убийство. Тягчайший грех сам по себе, он отягощается тогда, когда жертвой эвтаназии выступают близкие родственники, например, мать или отец. В Исх. 20:12 Господь сказал: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». Обратите внимание, убивая своих родителей, человек убивает самого себя. Почитание отца и матери есть одна из причин долголетия («... чтобы продлились дни твои»). Убийца может быть проклят Богом. Вспомним историю Каина и Авеля. Каин убил Авеля, и Господь предпринял попытку установить связь с грешником и привести его к покаянию. Но Каин не признался в содеянном перед Богом. Тогда Господь сказал в Быт 4:10-11: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли, и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей». Наказание, которое накладывает Бог на убийцу, «... больше, нежели снести можно» (Быт. 4:13). Эвтаназия, также как и самоубийство и убийство, является нарушением шестой заповеди Декалога, и тем самым является грехом, т.е. беззаконием и преступлением перед Богом. Серьезная проблема заключается в том, что, убивая, человек убивает не только тело, но и духовную сущность неверующего человека, которого ждет ад и вечная смерть. Убийство приобретает вселенский масштаб. Убийца лишает жертву возможности покаяться и принять Христа в свое сердце и тем самым получить спасение.

Эвтаназия – это завуалированное убийство независимо оттого, какие цели она преследует. Она не выдерживает нравственный, юридический и религиозный тесты. Она не гуманна и бесчеловечна и поэтому не может иметь места в человеческом обществе.

**Телепова Надежда
Николаевна,**

*психолог-консультант, радио «Теос»,
(Москва)*

ПЛАНИРОВАНИЕ СЕМЬИ: РОК ИЛИ СВОБОДА

Одиннадцать лет назад, начиная семейное служение, мы вполне осознавали, что ступаем на почву практически девственную. О супружеской и семейной жизни все знали в плане того, ЧТО должно быть, но мало кто открыто говорил о том, КАК этого достичь.

Кроме осознания обширного поля деятельности мы понимали, что на пути этой деятельности нас ожидают далеко не лавры, но – тернии и камни, которые в нас будут бросать, как от верующих людей, так и от неверующих. Причем избежать подобной реакции людей практически невозможно из-за того, что большинство горячих и спорных вопросов, волнующих людей, находится именно в сфере взаимоотношений мужчины и женщины. Господь вложил в сердца наши боль по отношению к семьям, где люди так и не смогли построить гармоничные отношения, а так же – любовь к страдающим от обманутых надежд. Выбора, заниматься этим опасным служением или нет, у нас не оставалось. Перед нами встал иной выбор: либо во избежание этих камней быть обтекаемыми и лояльными, либо, несмотря на эти камни, говорить открыто и честно, называя все своими именами. Мы благодарны Господу, что до сего часа Он Сам давал нам Свою смелость и водительство в этих вопросах.

Одним из горячих и спорных вопросов, касающихся супружества, является вопрос о планировании семьи. Где бы мы ни проводили конференции и семинары, этот вопрос всегда всплывает как один из самых насущных. Везде нас просят высказать свою точку зрения по вопросу, каким образом состыкуются понятие «планирование семьи» и Священное Писание.

В Священном Писании описываются методы планирования.

Во-первых, это воздержание. В Первом Послании Коринфянам в седьмой главе в пятом стихе апостол Павел говорит о

взаимном согласии на уклонение от сексуальной близости. Причем он делает ударение на *взаимности* в данном вопросе, иначе супруги совершают грех уклонения и дают повод сатане искушать их невоздержанием. Там же, в седьмой главе, Павел недвусмысленно говорит о важности и благе физиологического единения супругов, для которого он предписывает два основных принципа: благорасположение и взаимное обладание. То есть если один из супругов по собственному желанию избирает полное воздержание, он грешит против своего супруга, так как лишает его принадлежащего ему по праву. Кроме того, он грешит против Бога, нарушая дизайн гармоничных взаимоотношений мужчины и женщины в брачном союзе.

Во-вторых, Писание называет такой метод воздержания, как прерванный половой акт. Об этом мы читаем в 38 главе книги Бытие. Негативные ассоциации, связанные с данной ситуацией и с именем Онана, как человека, нарушившего Божье повеление продолжать потомство брата, часто распространяется и на сам метод, которым он пользовался. Но если Вы внимательно перечитаете изложение этой истории, от Вас не укроется тот факт, что Бог наказал Онана не за этот метод планирования. Бог, повторимся, наказал его за нежелание выполнить Его повеление о продолжении рода умершего брата.

В-третьих, Писание постоянно напоминает нам о том, что мы дивно устроены Господом. Прочтите, например, псалом 138 – песню хвалы Господу за дивное устройство каждого из нас, мужчины и женщины, в том числе за дивное устройство и наших половых органов. «Я *весь* дивно устроен!» - восклицает псалмопевец (курсив наш). Дивное устройство женского организма, в частности, заключается в сексуальной цикличности. Женщина устроена так, что не каждый половой акт ведет к беременности. Это происходит в так называемые плодные дни. В остальное же время беременность исключена. Причем указание для мужчины и женщины «становиться одной плотью» нигде не расшифровывается как «делать это только в плодные дни». То есть Творец Сам предусмотрел данный метод планирования изначально.

Само по себе планирование – не только не является грехом, но оно полностью состыковывается с христианскими принципами свободы во Христе. Нелепо было бы утверждать, что в отношении чадорождения Бог отнимает у нас свободу выбора и мы становимся пешками в Его руках. Бог не противоречит Себе. Это мы проявляем порой безответственное отношение к данному вопросу. Главное, чтобы соблюдались основные принципы плани-

рования: планирование не должно угрожать жизни и здоровью мужчины, женщины, а так же зачатого ребенка.

Какие вопросы чаще всего задают по данной теме?

Вопрос первый. А как же насчет блаженства того, кто наполняет свой колчан стрелами (молодыми сыновьями)? Это такой парафраз 126 псалма. Исторические данные говорят о том, что еврейский колчан вмещал в себя пять стрел. Всего пять. Следовательно, упрекать в бездуховности и неверии пару, которая имеет менее пяти детей, то же самое, как упрекать в похотливости супругов, которые дали жизнь шести и более детям.

Вопрос второй. А как же насчет веры?

«Я помолилась Богу после третьего ребенка, чтобы детей больше не было. Он ответил мне и дал по вере. Я уже несколько лет не беременею при регулярной половой жизни».

«Бог усмотрел эту мою проблему. У мужа – простатит, и теперь я уже могу жить спокойно».

«Мы с женой помолились, и нам Бог больше не дает детей – слава Богу – у жены возникли проблемы со здоровьем – после стольких выкидышей она уже не беременеет».

«Бог все усмотрел Сам по нашим молитвам – после очередной клинической смерти моей жене перевязали трубы, и теперь мы уже свободны».

Таким образом аргументируют те, кто желают выставить свою веру «с тыкву» в противовес тем, у кого вера «с горчичное зерно».

С нашей точки зрения, все эти доводы – ничто иное, как верх цинизма по отношению к здоровым мужьям и женам. Вы только подумайте, ЧТО вводят в ранг признаков благочестивой веры такие «духовные ратоборцы»: факт бесплодия, дисфункции половых органов, хирургическое вмешательство, внутриутробную смерть младенцев. Осталось только добавить в этот перечень смерть одного из супругов.

То есть, по большому счету, логика такова: если после молитв у вас возникают проблемы со здоровьем, благодаря чему вы не можете иметь детей, вы более духовны, нежели те, кто остаются здоровыми и способными на чадородие. Это – цинизм чистой воды. Это – заведомая (или неосознанная, что менее вероятно) ложь. Чем-то напоминает идеологию процветания, которая существует в некоторых христианских церквях, где присутствует доктрина о незыблемом праве верующих на исцеление. Болезнь в таких доктринах объявляется вне закона. Если же члены подобных общин не получают исцеление, про них говорят, что

либо у них слабая вера, либо, что в их жизни присутствует грех, препятствующий исцелению. Это неизбежно вызывает у неисцеленных людей комплекс вины, лишает их радости пребывания в Боге. Да, Бог – Бог Целитель, но мы не можем до конца постичь Его замысел. Одних Он исцеляет, других – нет. Единицы исцеляются по молитвам, другим же надо обратиться к врачу. Вводить Бога в рамки собственных желаний и амбиций, шантажируя при этом окружающих понятием «истиной веры», значит совершать духовное преступление против Творца Вселенной, делая из Него «мальчика на побегушках», а так же духовное насилие над теми, кто не вписывается в рамочки «процветающей догматики», где каждый имеет незыблемое право диктовать Богу собственные условия. Такая же процветающая догматика присутствует в рассуждениях тех, у кого вера «с тыкву», помогающая им требовать от Бога задуманное количество детей, при этом, не беря на себя никакой ответственности за последствия полового акта.

Вопрос третий. А как насчет Божьей воли и Его благословений на чадородие?

Бог дал нам свободу выбора. В том числе, и по вопросу о количестве детей. Его воля, как сказал один православный священник, архимандрит Виктор, может заключаться уже в том, чтобы вложить в нас желание иметь еще одного ребенка. А пастор одной из баптистских церквей, имеющий здоровое отношение к данному вопросу, так объяснил свою позицию по планированию в условиях Божьей воли и благодати: «Когда идет дождь – по воле Божьей и Его благодати, вы прячетесь под зонтик, не преследуя целью впитать в себя все капли данного свыше дождя».

Мы считаем, что Бог желает от каждого из нас сознательной ответственности по поводу каждого зачинаемого нами ребенка. Мужчина, который не берет на себя ответственности за последствия каждого полового акта, превращается в самца, делая из своей жены сексуальную рабыню.

«Мы – члены друг другу», - сказал о каждом из нас апостол Павел в послании к Ефесянам в четвертой главе. «Любите друг друга!» - призывает апостол Иоанн. К священному союзу мужчины и женщины, призванному отражать образ Божий, эти слова относятся не в меньшей степени. Мы даже возьмем на себя смелость и скажем, что *в первую очередь* это касается мужа и жены.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ НА РАДИО

В наш стремительный век скоростей и технологизации общества услуги психолога консультанта становятся все более востребованными. Не удивительно, что консультации по радио, когда в прямом эфире задается вопрос и психолог отвечает на него, становятся все более популярны среди населения. Кто-то рассматривает такие радиоконсультации исключительно как коммерческое шоу, но есть и другая точка зрения, что СМИ может занять достойное положение и в психологической помощи людям в их конкретных жизненных ситуациях.

Начнем с того, что психологические консультации и тренинги, как правило, состоят из пяти основных компонентов:

1. Когнитивный компонент, когда удовлетворяется потребность в приобретении недостающей информации по поводу назревшей проблемы. Что касается СМИ, они по своей природе являются таким источником информации, которую человеку нужно обработать и оставить ту ее часть, которая касается его самого.

2. Рефлексивный компонент, когда полученную информацию человек пропускает через себя, отслеживая «горячие точки» своей жизни, анализирует их. Проводя ежедневные часовые консультации в прямом эфире, мы получаем достаточно много откликов радиослушателей, исходя из их рефлексии ответов, данных нами на запросы и вопросы людей, им совершенно неизвестным, но которые познакомили их со своей проблемой и получили ответ.

3. Мотивационный компонент, когда человек обретает мотивацию к действиям, чтобы изменить что-то в своем мышлении, поведении и отношении к себе и к окружающей действительности. Наша позиция заключается именно в этом: человек сам принимает решения по поводу своих действий, причем это решение во многом зависит от количества и качества информации и от его рефлексии.

4. Поведенческий компонент, когда структурируются возможные модели поведения в кризисных ситуациях, по поводу

которых и был сделан запрос. Профессор В.В.Рыжов описывает в своих трудах четыре уровня событийности каждой личности: событие с другим человеком, событие с самим собой, со своим подлинным «Я», событие с социумом, человечеством как выражение способности «соприсутствовать иной данности» (В.Франкл), событие с Богом как единство с предельными, конечными ценностями бытия. Это последнее событие часто выводится в отдельный компонент.

5. Духовно-нравственный компонент, который имеет дело с мировоззрением человека, с таким понятием, как смысл его жизни, обращенность к высшим и вечным ценностям бытия, ставшим или становящимся для личности ее естественными атрибутами. Данный компонент напрямую зависит от мировоззрения самого психолога, к которому направлен запрос. «Все люди, независимо от того, знают они об этом или нет, желают этого или не желают, связаны друг с другом всеобщей взаимной связью в добре и зле. Эта связь налагает на них известные, неотменимые взаимные обязательства и подчиняет их определенным духовным правилам» (И.А.Ильин).

Именно этот компонент является решающим при консультировании. Люди, обращающиеся к психологу, должны знать мировоззрение специалиста для того, чтобы сразу определить для себя, доверяют ли они ему. Это тем более важно при обращении к специалисту в условиях ограниченности во времени (средняя консультация в прямом эфире длится 7-10 минут).

Итак, в чем заключается специфичность консультации в прямом эфире?

Первое: обязательная четкая мировоззренческая позиция психолога. Я, как специалист, стою на христианских духовно-нравственных принципах. То есть люди, которые звонят в прямой эфир, знают, например, что я никогда не посоветую завести любовника, чтобы отомстить мужу, попробовать секс до брака, если нет возможности пожениться, сделать аборт, если ребенок нежелателен по финансовым соображениям.

Второе: ограниченность во времени не предполагает долгой беседы для установления контакта. Но предполагается, что звонящий в эфир человек уже знаком со мной как с психологом по моим беседам в прямом эфире с другими радиослушателями, то

есть открытость предполагается изначально. Я открыта для беседы, человек открыт для высказывания собственной проблемы.

Третье. В прямом эфире важно задавать четкие и конкретные вопросы по поводу возникшей ситуации, ее истоков и воздействия. Вопросы могут быть закрытыми (требующими ответа Да-Нет) и открытыми – с просьбой прояснить какую-то деталь. Но – помня об ограниченности во времени, важно формулировать эти вопросы достаточно четко и сужено.

Четвертое. Ограниченность во времени предполагает вычленение конкретной проблемы. Радиослушатели привыкают к тому, что, спустя одну – две минуты нашего разговора, я спрашиваю: «Итак, каков ваш вопрос?» Если ситуация слишком запутанна, то я формулирую свою мысль так: «Какой вопрос на сегодняшний момент для вас наиболее актуален?»

Пятое. Провиваться к психологической правде обратившегося человека приходится более радикальными методами, нежели в частной беседе. Особенно это касается запросов на почве неврастенической проекции собственных проблем на окружающих. Например: «Я пью, потому что у меня жена гуляет». В данном случае допустимо высказать радикальность своей позиции. «Вы не правы. Мужчина САМ отвечает за свои действия. Вот и отвечайте. Зачем вам это надо – напиваться?». Или: «Я не хочу играть с вами в кошки-мышки. Меня не надо обманывать». Или: «Я – не свободные уши, чтобы выслушивать в эфире сказки и мифы».

Шестое. Четко разграничивать запрос. Если высказывается собственное мнение по поводу своей проблемы, поблагодарить за него и – высказать свое. Если высказывается свое решение с просьбой одобрить его или отвергнуть, значит, это и нужно сделать. Если формулируется вопрос, вычленить его из общей массы информации.

Седьмое. Психолог, работающий в прямом эфире, обязательно должен готовиться к этому эфиру - иметь массу заготовок в виде газетных статей, истории из жизни интересных людей, цитаты из литературы, из Библии, высказывания известных людей. Эти заготовки должны быть лаконичными и жизненными. Они необходимы как когнитивный, рефлексивный и мотивационный компонент для работы с запросами радиослушателей. Например, книга под названием «Белое на черном». Ее автор – Рубен Давид Гонсалес Гальего. Он – русский испанец, который остался сирот-

той при живых родителях и провел первую половину своей жизни в детдоме для инвалидов. На страницах этой книги много печального и страшного. В одном из интервью Рубен говорит, что «его книга – попытка изжить из души те страдания, тот ад, через который пришлось пройти». Но ад в душе писателя превращается на страницах в простой рассказ без озлобленности и мрака. Эта книга заставляет задуматься о силе человеческой души и о нашей ответственности друг за друга. Я привела несколько строк из этой книги для женщины, которая звонила с вопросом о том, стоит ли ей отдавать своих детей в интернат, потому что у нее не хватает денег. Я прочитала такие строки: «Первое воспоминание: Я один, маленький, лежу в манеже. Кричу. Никто не подходит. Кричу долго. Никого. Взрослые приходят по расписанию. Когда приходят, кричат на меня, кормят. Я люблю взрослых, а они меня – нет. Пусть кричат, пусть переключают на неудобную кушетку. Мне все равно. Хочется, чтобы кто-нибудь пришел». В голосе женщины, которую я консультировала в прямом эфире, послышались слезы. «Спасибо. Я все поняла». И сразу же раздался звонок от другой радиослушательницы, которая сказала: «Благодарю вас. Вы ответили на вопрос, который последний месяц тревожит меня и моего мужа: стоит ли нам усыновлять двухлетнего малыша, оставшегося после того, как в автокатастрофе погибли его родители-наркоманы, моя сестра с сожителем. Врачи ставят ребенку очень неутешительный диагноз, но теперь я точно знаю, что этот малыш будет нашим!»

Еще несколько примеров консультаций.

Сообщение, которое пришло на наш пейджер: «Меня зовут Елена. Я в разводе уже 5 лет. Мой муж пил, издевался и избивал меня и наших детей, а потом ушел к своей сожительнице. А мой сын собирается жениться, но он не хочет приглашать своего отца, моего бывшего мужа, на свою свадьбу. Говорит, что не хочет иметь ничего общего с этим чудовищем. При этом утверждает, что не держит на отца зла, но просто не хочет, чтобы он имел что-то общее с его семьей. Но ведь мы только своим терпением и прощением можем показать ему христианскую любовь. Как мне убедить своего сына пригласить отца?»

Н.Т. Елена, вам не понравится то, что я вам сейчас скажу. А я скажу, что вы – еще большее чудовище, нежели ваш бывший супруг. Вы позволяли ему издеваться над вашими детьми, изби-

вать их, прикрываясь при этом христианскими добродетелями. Вы превратили себя в боксерскую грушу. Это – ваш выбор. Но вы не оставили выбора своим детям и сделали из них таких же жертв того, кого вы выбрали себе в мужья. Вы не имели никакого права держать своих детей в ситуации, опасной для их жизни! И сейчас вам надо думать не о христианском терпении к своему мужу, а о *собственной* вине перед своими детьми! СРОЧНО! Идите и просите у них прощения за то, что вы не были им настоящей матерью, что ваш страх перед беснующимся алкоголиком и ваше раболепие лишило их возможности полноценно расти и развиваться. А что касается вашего сына, он прав. То, что он простил отца и не держит не него зла, совершенно не обязывает его пускать «чудовище» в свою семью. Молиться за отца – ДА! Надеяться, что он придет к покаянию – ДА! Но пока ваш бывший муж не раскаялся и не изменил своего поведения, он - воплощение зла, которое ваш сын и не хочет допускать до своей семьи, до своих детей.

- Здравствуйте. Меня зовут Елена Петровна. В последнее время у меня складываются противоречиво-конфликтные отношения с моим зятем.

- В последнее время?

- Да. С тех пор, как мою дочь положили в больницу. Несколько дней назад это произошло. Зять взял на работе несколько дней за свой счет, чтобы быть дома с полуторагодовалым сынишкой, моим внуком. Но моя дочь попросила меня самой взять на себя уход за внуком, потому что зять не укладывает его днем спать. Скажите, ведь надо детям днем спать? Это же отражается на их здоровье! А мой зять отказывается слушать, и мы из-за этого ссоримся.

- Мой вам совет: не вмешивайтесь в эту семью! Уйдите! Ваш зять совершил настоящий мужской поступок – взял на себя ответственность за сына, а вы мешаете ему быть мужчиной.

- Но моя дочь просит. Дневной сон очень важен.

- Поверьте! Дневной сон в данной ситуации не столь важен. Во-первых, отец вашего внука совершает мужской поступок. Во-вторых, ваш внук и его отец получают потрясающую возможность стать друг другу ближе в ежеминутном общении. И, в-третьих, ваш зять и ваша дочь научатся решать свои проблемы, не сваливая их на нарушения режима и на бабушку-выручалочку.

- Но дочка расстроится, если я не буду приходить и следить за соблюдением режима...

- Если вы останетесь между вашей дочкой и вашим зятем, то расстроится, развалится вся их семья, а вы будете в этом соучастницей. Вас устраивает такая перспектива?

- Нет, конечно. Спасибо. Я подумаю над тем, что Вы сказали.

(Несколько дней спустя звонок в эфир: «Я – та самая теща, что раздражала зятя. Спасибо вам! И огромный совет тещам и свекровям: не вмешивайтесь в жизнь своих выросших детей! В лучшем случае – совет, и то, не ждите его немедленного исполнения».)

- Меня зовут Светлана. У меня такой вопрос. Мы встречаемся с молодым человеком четыре месяца. Наши встречи проходят раз в неделю в каком-нибудь кафе, где мы общаемся друг с другом. Причем каждый платит сам за себя, чтобы пока не быть друг другу ничем обязанными. Так было даже в День Святого Валентина. Это нормально?

- А почему вы задаете такой вопрос?

- Потому что меня это несколько смущает. Я воспитана несколько иначе. Не так современно, может быть...

- Почему вы сказали «пока» не хотите быть ничем обязанными». «Пока» до какого времени?

- Он человек серьезный. Я вижу, что намерения у него тоже серьезные.

- Значит, у него к вам, с вашей точки зрения, серьезные отношения, но он «пока» не желает тратить на вас деньги. А вы воспитаны традиционно, когда предполагается, что мужчина, приглашая женщину, с которой он строит какие-то отношения, платит за нее в кафе. В этом – возникший дискомфорт. Я правильно вас понимаю?

- Да. Но ведь если я позволю ему заплатить за себя, значит, я ему чем-то становлюсь обязана?

- Если мужчина платит за вас в кафе, намереваясь за это получить от вас что-то, например, сексуальное удовлетворение, такие отношения ни в коей мере не называются «мы встречаемся». Такие отношения называются издавна проституцией. «Мы встречаемся» предполагает постепенное построение отношений между мужчиной и женщиной с целью построить прочные суп-

ружеские отношения. То есть мужчина берет на себя инициативу этих встреч, как глава отношений. В том числе – и в финансовом вопросе.

- Так что же мне делать?

- А почему бы откровенно не сказать ему то, что вы сказали мне, что вы воспитаны традиционно и не понимаете всех этих современных «наворотов»? Я считаю, что происходящее между вами эти четыре месяца, нельзя назвать «мы встречаемся». Это просто деловые бизнес-ланчи.

- Спасибо. Я все поняла.

Это - примеры рефлексии и мотивации к действию, которые произошли на основе услышанной информации и духовно-нравственных христианских принципов.

Литература

1. Рыжов В.В. Духовность и качество образования. Актуальные проблемы науки и гуманитарного образования. Сборник научных трудов. Нижний Новгород 2002
2. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.,1992
3. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Лондон, Канада: За-ря, 1975

Телепов Михаил Николаевич

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СУПРУГОВ К КОНСТРУКТИВНОМУ РЕШЕНИЮ КОНФЛИКТОВ

В 2004 году в Московской области количество разводов превысило количество заключенных браков. Первое место (39%) в списке причин стоят разводы из-за сексуальной неудовлетворенности в браке и, как следствие – из-за супружеской неверности. Причем, на почве каких-либо аномалий или отклонений от нормы в физиологии одного из супругов возникает менее одного процента проблем в интимной жизни. Подавляющее большинство - продукт нежелания или неумения понять своего супруга. Второе место среди причин разводов занимают конфликты на

бытовой почве (27%), третье – отсутствие эмоциональной близости супругов (19%).

Формирование отношений, которые бы удовлетворяли обоих супругов на протяжении долгого времени, требуют понимания как мужем, так и женой, социальных, эмоциональных и физиологических отличий друг друга, знание основных потребностей, способностей и возможностей друг друга в браке, иными словами – гендерных различий друг друга. При отсутствии вышеперечисленного, неизбежно возникают супружеские конфликты.

Обобщая различные подходы к определению понятия «конфликт», можно определить, что супружеский конфликт – это различные виды противодействия или противоборства мужа и жены по поводу рассогласованных, существенно значимых для них целей, интересов, ценностей, установок, а так же осознанная практическая деятельность по преодолению этих противоречий.

В своей практике мы выделяем пять стилей поведения в конфликте: конкуренция (принуждение, «битва до победного конца»), уклонение (избегание, уход), приспособление (уступчивость), компромисс и сотрудничество.

Конфликты в супружеской жизни самым тесным и непосредственным образом связаны с эмоционально-психологическими потребностями супругов. В.А.Сысенко приводит пять причин, по которым возникают конфликты в интимной жизни супругов:

1. Смутное представление о гендерных различиях.
2. Неудовлетворенность или ущемленность «Я».
3. Неудовлетворенность эмоционально-психологических потребностей: любить и быть любимым, поддержание и сохранение чувства собственного достоинства, психологической поддержке, защите, взаимопомощи и взаимопонимании.
4. Низкая социальная культура обоих или одного из супругов.
5. Индивидуальные особенности супругов: состояние здоровья, образа жизни, интоксикации организма, профессиональной деятельности.

Исходя из вышесказанного, предлагаемая нами программа во время проведения супружеских семинаров и конференций включает в себя пять необходимых компонентов:

Во-первых, когнитивный компонент, включающий в себя усвоение системы знаний и представлений о гендерных различиях мужчины и женщины.

Вторым компонентом является мотивационный, который можно определить как процесс выработки соответствующих мотивов и установок, осознание и принятие их в качестве стимулов в поведении и деятельности.

Третий компонент – рефлексивный. Осознание себя как уникального самоценного человека, включение соответствующих мотивационных установок, снятие симптома тревожности, формирование адекватной самооценки. Необходимо, чтобы супруг начал воспринимать самого себя, свою уникальность как данность для супружества.

Четвертым компонентом является операциональный компонент – овладение системой практических действий и умений, связанных с решением конфликтных ситуаций. Важно волевое участие каждой стороны супружеских отношений в удовлетворении насущных потребностей друг друга.

Пятым компонентом, необходимым для принятия друг друга в сотрудничестве по решению конфликтов, является духовный компонент – закрепление ориентаций на высокие духовные ценности семейной жизни: любовь, преданность, прощение, и готовность следовать им.

Духовный компонент является достаточным и необходимым для принятия супругами своих гендерных различий при решении конфликтных ситуаций. Гармоничные отношения невозможны без духовно-ориентированного диалога (В.В.Рыжов), в основе которого лежит любовь и преданность друг другу. Формирующая работа по формированию такого диалога с учетом всех необходимых компонентов проводится на конференциях и семинарах супружеских пар.

Конференция проходит на фоне погружения в атмосферу внутрисемейных отношений и общения мужа и жены друг с другом - с выездом на турбазу или в дом отдыха. Обычно мы проводим такие конференции с вечера пятницы до воскресного вечера. Задача коррекции коммуникации между супругами достигается за счет создания условий для непосредственного общения супругов между собой. При этом универсальность поднятых для обсуждения ими проблем способствует снятию деструктивных защитных механизмов.

Дозированность информации позволяет лучше ее воспринимать и начинать использовать в своих отношениях. После каж-

дой лекции предлагаются специальные практические тесты и упражнения, которые достаточно просты для индивидуального выполнения и обсуждения их в парах. Благодаря этим заданиям, супруги начинают осознавать свои различия, основываясь на этом осознании решать конфликтные ситуации. На вопрос анкеты, проводимой после конференции «Вы обсуждали на конференции темы, умалчиваемые вами ранее?», все респонденты ответили утвердительно. Таким образом, когнитивный компонент предполагает ознакомление и выдачу информации о целях и назначении семьи, функциях, которые она выполняет, принципах построения гармоничных отношений и гендерных различиях. После этого включается мотивационный компонент, направленный на выработку мотивов для действия и позитивных установок супругов на признание семьи, ее психологического здоровья основным фундаментом своего отношения к жизни и к своему супругу, признания уникальности самого себя и своего супруга, стремления к единству в совместном поиске счастья. Рефлексивный компонент направлен на выработку механизмов самосознания и саморегуляции. Супруги начинают понимать, что необходимо повышать собственный уровень притязаний в браке, осознается необходимость в покаянии в собственном эгоизме. Операциональный компонент направлен на выработку и закрепление полученной системы навыков и умений при выполнении различных тестов и упражнений.

Духовный компонент на конференции призван помочь обоим супругам понять и принять ориентации на высокие духовно-нравственные ценности семьи, принять семью как основной жизненный приоритет, когда первоочередной задачей является забота о своем супруге и удовлетворение потребностей друг друга.

Литература:

1. Андрушакевич А.А. Духовно-нравственное и нервно-психическое здоровье. – Н.Новгород, 2001
2. Рыжов В.В. Психологический климат семейного общения и Я-концепция ребенка. Н.Новгород, 2002.
3. Сысенко В.А. Супружеские конфликты. – М.Мысль. 1989.
4. Эйдемиллер Э.Г. Юстицкий В.В. Семейная психотерапия. – Л., 1989.
5. Powell J. Why I am afraid to tell you who I am? Argus Communications, NY, 1969

АТЕИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Несмотря на провозглашение «светскости» образования, которую можно было бы понимать как сопоставительное изложение различных точек зрения в изучаемых дисциплинах, в России полностью сохраняется созданная в период воинствующего безбожия мощная и разветвленная система воспроизводства материалистической идеологии в умах людей, и особая роль в этой системе отводится противопоставлению естественных наук и Христианства. Много внимания уделялось наглядным химическим реакциям, в которых проявлялись невидимые до того изображения, в опытах на уроках физики показывали свечение, возникающее в сильных электрических полях, посредством чего внушалась мысль о том, что Православные чудеса и благодатные явления (обновление икон, освящение воды и другие) представляют собой просто ловкие фокусы. На многих эти «разоблачения церковного обмана» произвели сильное впечатление, определившее их взгляды. Много говорится об огромных достижениях науки и техники, и делаются выводы типа «раз самолеты летают, значит Бога нет». Исключительная важность придается «теории эволюции», и в современном учебнике биологии (1998!) приводятся как *педагогически полезные* высказывания Маркса, Энгельса и Ленина, в которых с позиций «диалектического и исторического материализма» дается высокая оценка «учению Дарвина». В самом деле, принцип «борьбы за существование» хорошо согласуется с идеей «классовой борьбы». Уже один тот факт, что следование этой идее принесло в 20-м веке неисчислимые бедствия всем слоям русского народа, должен был бы показать всю ложность и вред эволюционизма, материализма и атеизма. Однако, несмотря на прекращение прямых гонений на Церковь, идеологическая обработка через систему образования и СМИ продолжается, и роль научного знания в этой битве за сердца людей несколько не уменьшилась.

Полностью замалчиваются Христианские убеждения основоположников новоевропейской науки (Коперник, Галилей, Паскаль), хотя, по словам «Невтона земли Российской» Михаила Васильевича Ломоносова, «наука и вера суть две сестры родные, кои в распрю между собою прийти никак не могут». Религиозные

верования выдающихся ученых (Фарадей, Пастер, Павлов, Бор, Гейзенберг, Королев, Хойл) отрицаются или искажаются. В советский период под действием пропагандистско-атеистической машины выросло целое поколение научных работников и педагогов, впитавших материализм в молодом возрасте (эффект импринтинга), и поэтому в России сейчас наибольший процент атеистов среди ученых по сравнению с «развитыми странами», где в последнее время тяга к Христианству в научных кругах, наоборот, заметно возрастает. Наиболее агрессивными среди российских атеистов-естественников являются академики В.Л. Гинзбург, Э.И. Кругляков и профессора Ю.Н. Ефремов и С.П. Капица (они же подписали и «Гуманистический манифест» 2003 г., в котором для Бога, как и в новой «Конституции Европы», не нашлось места). Переход к активному антихристианству у С.П. Капицы начался, видимо, в ноябре 1987 г., когда он (в порядке самообороны) на глазах целого потока студентов МФТИ убил ледорубом внезапно напавшего на него психически больного человека, на чьи навязчивые псевдонаучные концепции С.П., как ведущий популярной в то время телепрограммы «Очевидное-невероятное» и главный редактор журнала «Знание – сила», давал резко отрицательные письменные отзывы.

Православному педагогу следует постоянно иметь в виду и подчеркивать, что большая часть материала, преподаваемого в курсах естественнонаучных дисциплин (физике, химии, астрономии, геологии, биологии), представляет собой некоторый исторически сложившийся и адаптированный к уровню восприятия учащихся набор моделей, гипотез и теорий, дающих систематизированное объяснение большому числу наблюдаемых данных, и именно степень соответствия эксперименту является критерием принятия той или иной теории. По мере появления и накопления новых фактов старые теории перестают их объяснять, и возникает потребность в новых теориях. В истории известны многие «революции» в естествознании (в 17-18-м и в начале 20-го века), когда полностью менялась вся объяснительная система (парадигма). Этот момент нужно выделить особо, так как отсюда приходит осознание того, что вскоре и современные теории будут заменены следующими. Признаки назревающего научного кризиса уже сейчас четко просматриваются, например, космологи уверенно заявляют, что 95% массы галактик и всей Вселенной составляет «темная материя», имеющая, по словам самих космологов, абсолютно другую природу и потому не взаимодействующая ни с одним известным типом полей или частиц. В геологии накопились факты, свидетельствующие о быстром возникновении 95% структур земной коры, и это приближает к пониманию гран-

диозности Всемирного Потопа (Бытие, глава 6). Генетики, завершившие недавно расшифровку генома человека, утверждают, что функции более 95% наблюдаемого кода остаются для них совершенно непонятными. Другими словами, серьезнейшие авторитеты во всех областях естественных наук признают, что они знают и могут объяснить не более 5% того, что им хотелось бы знать. Кроме того, есть редко наблюдаемые природные процессы (например, шаровая молния), для которых нет вообще никакого научного объяснения. Сюда же можно отнести объекты и явления, выходящие из ряда естественных, такие как Туринская Плащаница, Схождение Благодатного Огня на Гроб Господень в Храме Воскресения Христова ежегодно в Великую Субботу по неизменно действующему в Православии Юлианскому календарю, обновление и мироточение икон, а также получаемые от них исцеления. К сожалению, научное исследование Христианских чудес сейчас хотя и проводится, но явно недостаточно.

В то же время, поиски жизни в Солнечной системе (кроме Марса, еще и на Титане, спутнике Сатурна) и в далеких просторах Вселенной (посредством сверхчувствительных приемников излучений), контакты с внеземными пришельцами (это, по сути дела, - прямое общение с демоническими силами), сообщения о достижениях клонирования (эксперименты с человеческими эмбрионами принципиально то же самое, что и садистские исследования на людях, как аборт - один из видов убийства), стремление к приобретению тайного «высшего знания» в каббале и других оккультных учениях (отсюда один шаг до поклонения сатане) - все это не только обрушивается на народ из телевизоров, радиоприемников и других носителей информации, но и преподносится детям и молодежи в школьных и вузовских учебниках, программах и факультативных курсах как торжество объективного «строго научного подхода». Но какой немыслимый шум (точнее сказать, вой) вызвал вопрос о введении в школах предмета «Основы Православной культуры». Лишь в единицах вузов страны факультативно преподается дисциплина «Библейская и научная картина мира» как альтернатива обязательному чисто атеистическому курсу «Концепции современного естествознания».

*) Дополнительную информацию о различных аспектах соотношения науки и религии, а также о Православном образовании и воспитании можно найти на интернет-сайтах www.pravoslavie.ru, www.creation.crimea.com, www.portal-slovo.ru, www.creation.webzone.ru

Ямпольский Леонид Михайлович, кандидат химических наук, доцент кафедры математических и естественно-научных дисциплин Курского института менеджмента, экономики и бизнеса, (Курск)

Каримов Рамазан Хамзатович, студент Курского института менеджмента, экономики и бизнеса, (Курск)

ПОСТМОДЕРНИЗМ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ

Возникновение на рубеже XXI века, наряду с классической наукой, постмодернистских тенденций в естествознании обусловлено расцветом (по терминологии Т. Куна) периода «нормальной науки» с его активным поиском новых научных фактов, часто не вполне соответствующих общепринятым представлениям.

И хотя кризиса новой, едва возникшей парадигмы естествознания конца XX – начала XXI века не отмечается, потребность в толковании, систематизации и обобщении этих не всегда соответствующих классическим канонам данных очевидна.

Естественное стремление человека к познанию истины, открытию новых закономерностей, созданию новых теорий не всегда возможно удовлетворить в рамках существующих фундаментальных научных представлений, часто подспудно стремящихся к позитивной эвристике при полном игнорировании её негативной составляющей.

Такая ситуация обуславливает возникновение новых, не всегда классически обоснованных и проработанных теорий, концепций, актуальность появления которых часто превалирует над их научностью. Однако «часто» не означает «всегда». Целый ряд современных неудачных идей, например, квантованность времени, существование вокруг черных дыр вращающихся газовых

дисков, новая трактовка регулирования синтеза белков с участием специфических РНК, современная гипотеза механизма возникновения ураганов, несмотря на их кажущуюся революционность, несомненно, способны обогатить науку своим нестандартным подходом и нетривиальными решениями.

Часто возникновение новых, несоответствующих классическим представлениям, научных идей вызвано потребностями общества, если угодно, социальным заказом.

Например: классические научные представления о хрусталике глаза, помутнение которого ведёт к катаракте, достаточно просты и дают полное теоретическое обоснование для его замены оперативным путём на искусственный имплантат. Неклассический же, современный, постмодернистский подход к этой проблеме состоит в изучении признаков функционирования хрусталика как системы плотных клеток, видимая прозрачность которой достигается за счет переизлучения световой энергии. Несомненно, необходима более детальная проработка этой проблемы, разработка физиологической теории работы хрусталика и ее стыковка с классическими представлениями. Именно в этом решение проблемы сохранения и консервативного лечения хрусталика.

Иначе говоря, постмодернистские представления, как и в свое время модернистские, на наш взгляд, историческая и гносеологическая данность, отражающая тенденции развития современного общества со всеми его плюсами и минусами. Поэтому изучение проблем вызова постмодернизма должно, как нам кажется, носить характер обсуждения его положительных и отрицательных воздействий на общество.

Действительно, приведенные выше естественно - научные проблемы как примеры проявления положительных постмодернистских тенденций в современной науке требуют вполне конкретной реализации, ответа, позволяющего их решить, развить, адаптировать, а самое главное, разработать практическое применение.

Но ответ на этот вызов требует участия грамотных специалистов, причем не только исполнителей с хорошо отработанными практическими навыками, но и теоретиков, способных разработать концепции развития данной отрасли познания.

В нашем обществе сейчас практически не сформированы моральные и социально-экономические условия для существова-

ния таких специалистов. Энтузиазм отдельных ученых не способен изменить ситуацию в целом. В конце концов, это ведет к оттоку наших интеллектуальных сил за границу или изменению сфер деятельности специалистов на более прибыльные, но гораздо менее социально значимые для общества. К сожалению, возможны и иные варианты развития событий для ученых, так и не нашедших себя в современных условиях стихийно - рыночной экономики нашей страны. Все это наводит на мысль, что ответ на вызов постмодернизма в положительном плане у нас в стране на сегодня отсутствует. И именно это определяет 65 место нашей страны по уровню и средней продолжительности жизни населения.

Поиск адекватного ответа, видимо, ведется, в том числе и на государственном уровне, однако глобальных, реально положительных результатов пока нет.

Нет также заинтересованности и на региональном уровне, где все ограничивается декларативными утверждениями о необходимости развития науки, ее социально – экономической базы и создания условий для привлечения способных специалистов.

Замедление интеллектуального развития общества не может не вызывать, не стимулировать отрицательные тенденции в воздействии постмодернистских представлений на человека. Поток псевдонаучной, часто сознательно скомпилированной информации, попадает на благодатную почву невежества, произрастает на ней пышным цветом. Развиваются различного рода и направления суеверия, часто подменяя религиозные представления.

В свою очередь суеверия становятся предметом торга, спекуляции различных недобросовестных авторов книг и брошюр, в том числе и из бывших ученых, зарабатывающих на страхах и легковерии невежественных людей, гадалок, знахарей и т.п.

Адекватный ответ на эти проявления постмодернизма в нашем обществе также отсутствует. И главное, что в нем не сформировано ощущение необходимости этого ответа. Ведь такие потребности возникают лишь при достаточно высоком уровне интеллектуального развития нашего населения.

Чем же современное общество может ответить на вызов постмодернизма? Это, прежде всего усиление образовательной деятельности. Расширение возможности доступного и эффектив-

ного образования. Создание условий для последовательного обучения человека в течение всей жизни. Улучшение подготовки специалистов и создание условий для их интеллектуально - нравственного роста.

Нравственный аспект вообще является важнейшим оружием в борьбе с отрицательным воздействием постмодернизма. Ведь не может быть глубокого, устойчивого мировоззрения без достаточно высокого нравственного потенциала. Иначе естественнонаучные знания становятся страшным оружием против всего человечества.

К сожалению, с такими проявлениями постмодернизма приходится сталкиваться современной естественной науке. И далеко не всегда она выходит в этих столкновениях победителем.

Особенно это актуально в нашей стране, традиционно обладающей громадным военно-техническим потенциалом, сочетающимся с достаточно низким уровнем образованности широких масс населения, что позволяет чрезвычайно эффективно манипулировать общественным мнением.

Адекватный ответ в этом случае, в едином образовательно-нравственном воспитании каждого члена общества.

Для развития системного просвещения населения необходима интенсификация деятельности существующих известных просветительских организаций различной методологической направленности, но единого концептуального подхода. Постмодернистские тенденции могут нести в себе различные опасные для человечества естественнонаучные идеи, например, создание могильников для хранения радиоактивных отходов атомных электростанций различных стран, поворот речных потоков или выбросы в атмосферу различных канцерогенных веществ, аэрозолей, разрушающих озоновый слой.

Борьба с этим явлением важнейшая задача всего просвещенного общества, и для ее решения необходимо консолидировать все имеющиеся силы и средства.

Но этого не происходит. Мы боремся за защиту окружающей среды, а различные загрязнения растут. И одна из важнейших причин этого - столкновения различных финансовых интересов, в которых на первый план выходит в явном или неявном виде получение прибыли. И, как правило, все благие начинания уходят на второй план.

Несомненно, к эпохе постмодернизма можно отнести идеи эвтаназии, явления, получившего общественное звучание в последние 20 лет, но уже ставшего предметом всевозможных противоречивых толкований.

Действительно, наука дает способы, позволяющие максимально безболезненно произвести эвтаназию. Но ведь проблема не естественнонаучна, а нравственна. Где критерии, по которым возможно определить границы применения этого метода? И где границы его неприменения? И то и другое в зависимости от ситуации может стать благом или убийством. Ведь право эвтаназии провоцирует врача не бороться до конца за больного.

А в то же время из наших больниц выписывают домой пожилых тяжело больных пациентов, сохраняя им лишь обезболивающее и иногда поддерживающее лечение, оставляя их практически наедине со своей болезнью, т.е. в ожидании смерти. И это еще страшнее и безнравственнее любой эвтаназии.

А ведь было время в нашей медицине, когда на каждой кафедре во многих городах, в том числе и в Курске, были свои научные центры, свои научные лидеры, воспринимавшие смерть каждого пациента, как личную неудачу и требовавшие с учеников активной борьбы за жизнь больного до конца. И происходило чудо. Обреченные выздоравливали, тяжело больные после тяжелых операций возвращались к полноценной жизни. И если больной погибал, то это происходило после отчаянной борьбы за его жизнь.

Сейчас лидерство из нашей медицины куда-то ушло, и на это, конечно, есть причины. И это тоже отражение современного постмодернистского подхода. Странно, что это как - то совпало с развитием идей эвтаназии в нашей стране.

На Западе подход к этой проблеме имеет другой акцент. Располагая технологичной высокоразвитой медициной, врачи применяют эвтаназию в случае бесперспективности поддержания деятельности лишь биологически существующего организма, и только по судебному решению.

Сложно определить, насколько это верно. Ведь в медицине описаны случаи внезапного полного восстановления жизнедеятельности через 5, 10 и даже 17 лет

Ещё одной проблемой, отражающей особенности постмодернистского подхода к естественнонаучным проблемам, являет-

ся клонирование. Возникшее из чисто научного исследования, оно приобрело общегражданское звучание после появления первого

клонированного полноценного живого организма (овечки Долли). Несмотря на то, что ни при каких обстоятельствах один организм не может быть полной фенотипической копией другого, эта научная разработка стала предметом торга, спекуляций различных нечистоплотных людей.

Проблема современного постмодернизма в формировании обобщенных представлений, заключений, при дефиците фактологического материала.

С одной стороны, этот подход делает его очень динамичным, но с другой, чрезвычайно поверхностным и конъюнктурным. При чём, слишком много места уделяется интуитивному, психологическому мышлению. Естественнонаучный постмодернизм во многом закономерен и является одним из вариантов логического развития, эволюции научных знаний. Ведь его анти-традиционализм своими корнями уходит в логику естественнонаучных представлений 19 – 20 веков.

Нам кажется, что постмодернизм необходимо воспринимать как данность, объективно существующую не зависимо от наших ощущений и, очевидно, отражающую точку зрения достаточно большого числа людей. И, как любое явление, он имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Достойный ответ негативным тенденциям постмодернизма, на наш взгляд, в систематической, разъяснительной, образовательной и воспитательной деятельности, направленной на формирование, прежде всего у молодёжи, фундаментальных мировоззренческих принципов.

Однако мы не должны забывать, что истина всегда субъективна, и проявление взаимной терпимости и уважения должно быть основой для формирования достойного ответа отрицательным сторонам постмодернизма.

Туякбасарова Надежда

Анатольевна,

старший преподаватель

Курского института менеджмента,

экономики и бизнеса (Курск)

Круг научных интересов:

информационные технологии,

социокультурные особенности Интернет

- коммуникаций, их влияние на систему

ценностей пользователей

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА ПОД ВЛИЯНИЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Сегодня Россия, несмотря на экономические и политические сложности, активно включается в глобальное информационное пространство, развивая и осваивая новейшие телекоммуникационные технологии. Процесс информатизации общества сопровождается утверждением новой системы ценностей, новых принципов деловой культуры. Ценностные ориентации молодежи, в частности студенчества как самой «динамичной» группы общества, более всего подвержены изменениям. Потеря личностью способности ориентироваться в постоянно меняющемся внешнем мире может сформировать у студенческой молодежи потребность в использовании различных средств ухода от действительности: в употреблении наркотиков, алкоголя, а также привести к чрезмерному увлечению виртуальными мирами, снижающему способности взаимодействия с окружающей средой, объективным миром.

В настоящей статье приведены результаты конкретно-социологического исследования, проведенного автором в октябре 2004г. на тему: «Интернет-коммуникация как средство формирования ценностных ориентаций личности студента». Одной из за-

дач исследования явился анализ сферы интересов студенческой молодежи в Интернете. Как оказалось, наибольший интерес у студенчества вызывает музыка, поиск информации, общение посредством электронной почты, сведения о компьютерах, пятое место в системе интересов принадлежит популярному среди студенческой молодежи сайту «Халява», где совершенно бесплатно можно «скачать» мелодии, фотографии, получить программное обеспечение, щедро выставленное разработчиком для всеобщего использования. Необходимо отметить, что многие начинающие программисты, будучи еще студентами, именно таким образом заявляют о себе, о своих способностях к разработке программного обеспечения, получают отзывы на созданные ими программные продукты от пользователей и заказы на дальнейшие разработки, что, несомненно, способствует самореализации и самоутверждению личности. Создание программного обеспечения, веб-страниц, сайтов – вот неполный перечень созидательной работы пользователя в Интернете. Этот вид деятельности, как никакой другой, способствует развитию творческого потенциала личности.

Повышенный интерес проявляют студенты к техническим средствам (32,5%) и программному обеспечению (28,9%), интересуется их наука (25,5%), 21,3% опрошенных студентов обращаются к Сети в поисках рефератов. В то же время политика, газеты практически не вызывают интереса студенческой аудитории в Интернете. Напрашивается вывод о том, что студенты, посещающие Интернет, ориентированы, прежде всего, на получение знаний, на развитие профессиональных навыков, налицо политическая усталость, апатия молодых людей от безрезультатных политических дискуссий, неверие в обещания правительства разрешить многочисленные острые проблемы, стоящие перед молодыми людьми.

Однако интересы при всей своей значимости определяют лишь целенаправленные поступки, на которые воздействует система ценностей и нравственные нормы. Ценности говорят о более фундаментальной мотивации всех видов действий, а впоследствии выступают как социальные индикаторы качества жизни. Данные настоящего исследования говорят о незыблемости базовых ценностей, они остаются доминирующими для всех групп

респондентов. Однако наблюдается изменение в иерархии ценностей для студентов посещающих и не посещающих Интернет.

Положение семьи, отношения в семье, так или иначе, находились на первом месте, обуславливающим настроению и ожидания молодых людей. В 1988 году об этом говорили 47,5% респондентов. За три года влияние этого фактора стало еще сильнее - в 1991 году это уже отметили 52,5% опрошенных, а в 1995 году - 59,5% респондентов¹. Данные проведенного нами исследования показали, что в 2004 году влияние указанного фактора еще более возрастает. Об этом свидетельствуют 87,01% опрошенных молодых людей, не посещающих глобальную компьютерную сеть Интернет, и 88,21% студентов, регулярно работающих в Сети. Более того, последняя категория студенчества отвела семье как важнейшей ценности первое место в системе ценностей.

Чем выше социальный статус семьи, тем выше молодые люди оценивают свои жизненные шансы по сравнению со сверстниками, рассчитывая при этом на помощь родителей, и тем больше среди них тех, кто выражает готовность взять на себя ответственность за свою жизнь. Таким образом, студенты, регулярно посещающие Интернет, скорее, чем их сверстники, готовы взять ответственность за свою жизнь на себя.

Регулярно посещающие Интернет студенты понимают, что сегодня настало время профессионалов, поэтому ценят профессионализм гораздо выше, нежели их сверстники, не посещающие Интернет. Примечательно, что студенты, не посещающие Интернет, расположили по убыванию значимости следующие ценности: образование, деловые связи, знания, профессионализм. Регулярно работающие в Сети студенты расставили приоритеты следующим образом: образование, знания, профессионализм, деловые связи.

Новый императив поведения студенческой молодежи проявляет себя, прежде всего, в переоценке мотивов получения образования, в выборе профессиональных ориентиров, в переоценке

¹ По данным социологического исследования, проведенного научно-исследовательским центром Института молодежи в 1995-1998 годах в рамках программы мониторинга «Молодежь России», а также данным социологических центров ИТУ, ВЦИОМ, Российского независимого института социальных и национальных проблем. См. Молодежь и общество на рубеже веков. - М., 1999. - С.312.

роли образования в сторону инструментальной ценности. По мнению респондентов, образовательный уровень влияет на профессиональную, организационную и психологическую адаптацию в новых общественно - экономических отношениях, что позволяет легче и быстрее находить способы удовлетворять свои жизненные потребности.

Студенты, регулярно посещающие глобальную компьютерную сеть, более высоко ценят дружбу, общение по сравнению со студентами, не работающими в Интернет. Очевидно, в реальном социальном окружении эта категория студентов испытывает недостаток в дружеских отношениях, межличностном общении, а виртуальные знакомые все-таки не могут полностью заменить реальных друзей.

Общая потребность в воспроизводстве человека применительно к студенческой молодежи трансформируется в устойчивую доминирующую потребность в поиске партнера для совместной жизни. Именно поэтому, по результатам нашего исследования, третьей по значимости ценностью, намного превосходящей другие, стала любовь у всех групп респондентов.

Ценность карьеры для регулярно посещающих Интернет студентов значимее денег как статусного критерия, чего нельзя сказать о студентах, не работающих в Сети. Ревизия терминальных ценностей происходит на уровне мировоззрения: важно, «как достичь лучшей материальной обеспеченности». Такие ценности, как знания, профессионализм, как уже отмечалось выше, для регулярно посещающих Сеть занимают более высокую ступень в иерархии ценностей, нежели для студентов, не посещающих Интернет. Несмотря на переживаемые материальные трудности, все без исключения группы респондентов выбирают свободу как наиболее значимую для себя ценность, приоритетную по отношению к материальному благополучию, особенно это характерно для посещающих Интернет студентов. Ценность порядочности, справедливости, самопожертвования хоть и находится на периферии значимости для исследуемой аудитории, тем не менее, студенты, не работающие в Интернет, придают им большее значение по сравнению с другими категориями респондентов. Напрашивается вывод о том, что студенты, не посещающие Интернет, в силу зависимости от существующих стереотипов, следуя инстинкту самосохранения, легче воспринимают существующие

стереотипы поведения, в том числе в форме нравственных и национальных норм, правил, принципов. Эта часть студенческой молодежи, вероятнее всего, является носителем традиций общества. Посещающие же Сеть студенты, не делают ставку на форму коллективных действий в достижении личного успеха, они, вероятнее, предпочитают индивидуальные формы отношений, проявления себя.

Доминирование ценности «здоровье» показывает универсальность инструментальных ценностей. Со здоровьем связана защитная позиция студенческой молодежи, представление о том, что следует сохранить собственную физическую идентичность, с тем, чтобы успешно включиться в адаптационный и социально-проективный процессы. В связи с этим примечателен тот факт, что студенты, регулярно работающие в Интернете, выбирают здоровье как ценность гораздо реже, чем другие респонденты и отводят ему лишь четвертое место в системе ценностей, в то время как не посещающие Сеть студенты считают эту ценность наивысшей. Следовательно, студенты, регулярно посещающие Интернет, чувствуют себя более уверенно, они обладают способностью хорошей самореализации. С другой стороны, предпочтение ценности здоровья студентами, не посещающими Интернет, может свидетельствовать о физиологическом эгоизме, недальновидной эгоистической сосредоточенности на своем телесном. Ложное чувство самосохранения может привести молодых людей к изоляции от мира и, как следствие, снизить уровень способности самореализации в информационном обществе.

Студенчество предпочитает заниматься собственным делом и быть подальше от политики (51,8% опрошенных студентов, не посещающих, и 46,9% посещающих Интернет). Вторая группа студентов имеет более активную гражданскую позицию, о чем свидетельствуют данные: 37,1% несогласных находиться в стороне от политических процессов против 31,3% несогласных в первой группе респондентов. Посещающие Интернет студенты более своих сверстников стремятся к власти, к возможности влиять на политические процессы общества (32,9% и 26,7% респондентов). Быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить, как все, – жизненная позиция, которая более привлекает посещающих Сеть студентов (согласны 69,7% посещающих и 60,3% студентов, не посещающих Интернет).

В условиях социальной «игры без правил» индивид воссоздает для себя другого субъекта избирательно: идеальным социальным партнером представляется «человек без проблем», ради которого не предстоит поступаться личными интересами. Свобода в ее ценностном измерении превращается в возможность «жить, не оглядываясь на мнение других». Эта позиция укрепляется свойством неопределенности социальных норм и поведения в среде глобальной компьютерной сети, что может спровоцировать не просто изменения, но и различные девиации среди молодежи. Так, например, считают, что быть порядочным человеком важнее, чем добиться успеха, 66,5% не посещающих и 36,6% студентов, регулярно посещающих Интернет. Поэтому респондентам не так важно общественное признание (отвергают общественное признание 43,6% не посещающих и 46,2% студентов, регулярно посещающих Интернет). Регулярно посещающая Интернет исследуемая аудитория оказалась более циничной, по сравнению с не посещающей Сеть. Например, первая из них считает, что все продается и покупается (согласны 51,7%, не согласны 30,8%), вторая аудитория, скорее, не согласна с этим утверждением (33,3% согласны, 47,7% не согласны). Посещающая глобальную компьютерную сеть аудитория более, чем другая, допускает, что приносить благо обществу можно, работая не слишком честно (25,2% и 20% опрошенных), спокойная совесть и душевная гармония для них также менее важна (89,2% и 83,9% респондентов), чем для студенчества, не посещающего Интернет. Эта группа выражает большую уверенность и в том, что каждый склонен присвоить чужое, если знает, что не понесет наказание. Напрашивается вывод о том, что студенты, регулярно посещающие Сеть, демонстрируют новый тип сложного поведения. Эта часть студенчества не склонна упрощать отношения с миром, в то время как другая часть респондентов, напротив, не стремится усложнять эти отношения.

И для первой и для второй группы респондентов немаловажное значение приобретает интересная работа. Согласны потратить большую часть жизни на такую работу 65,7% посещающих и 62,1% не посещающих Интернет студентов. При этом обе группы студентов выразили несогласие выполнять любую работу, лишь бы за нее хорошо платили (52,4% посещающих и 55,4% не посещающих Интернет студентов). На первый план в страте-

гии успеха у современного студенчества выходит такая инструментальная ценность, как обязательность. И посещающие и не посещающие Интернет студенты в подавляющем большинстве считают, что у человека должны быть как права, так и обязанности. Обе группы респондентов также выражают уверенность в том, что успешная карьера, благополучие невозможны без поддержки семьи и друзей.

Не может не вызывать тревогу факт снижения значимости нравственных норм. Так, например, проблема наркомании, алкоголизма, угроза СПИДа почти не заботит настоящую студенческую молодежь, не так остро стал восприниматься рост преступности, что особенно характерно для регулярно посещающей Интернет молодежи. Проблема безопасности, как ни странно, также находится на периферии значимости для современных молодых людей, несмотря на обострение криминальной обстановки в стране, усиление угрозы террористических актов. Такое положение дел можно интерпретировать как растущий релятивизм, терпимость к особенностям поведения окружающих, или как равнодушие, индифферентность. Таким образом, в данном случае, видимо, имеет место как проявление аномии, так и динамическая трансформация структуры личностных и коммуникативных ценностей в направлении от традиционных к модернистским, отражающим происходящие в российском обществе перемены.

Нельзя не заметить влияние социально навязываемых образов со стороны доминирующих в социальном и культурно-информационном пространстве групп. Стойкий «саботаж» проблемы секса показывает интеллектуализированность студенческой молодежи и неприятие ими языка «сенсаций и развлечений» для демонстрации молодежной проблематики. Следует учитывать и консервативность локальной социокультурной среды, в которой секс относится исключительно к тематике «приватного общения», и особенности социальной среды Интернет, которая, напротив, открывает доступ к информации секс - сайтов. Однако студенчество, регулярно посещающее Интернет, эта информация, как правило, не интересует.

Студенчество, регулярно посещающее Интернет, гораздо сильнее заботит снижение уровня культуры в обществе, этих молодых людей волнует и проблема возрождения страны, вывода ее из кризисного состояния, где можно будет реализовать свои воз-

возможности. Эта группа студентов более прагматична, более реалистично смотрит на мир, стратегия успеха для нее – получение желаемого образования и успешная карьера, решение, прежде всего, тех проблем, которые мешают в достижении поставленной цели.

Процесс социализации студенческой молодежи происходит под влиянием изменений в обществе, которые не могли не коснуться досуговой деятельности студенческой молодежи: ее современные формы явились результатом бурного распространения в молодежной среде западной постиндустриальной субкультуры, не имеющей в наших условиях противовеса в виде подлинно рациональной, хорошо организованной экономики. В итоге Россия оказалась лидером по количеству казино, ночных баров, развлекательных комплексов и прочих увеселительных заведений, взвалив, по существу, содержание дорогостоящей индустрии досуга на плечи молодежи.

Результаты проведенного нами исследования, позволяют представить картину досуга студенческой молодежи г. Курска и проследить влияние Интернет на его структуру.

Итак, студенты, регулярно посещающие Интернет, вероятно, охотнее своих сверстников читают (49,9% против 34,4%), посещают театр (17,5% против 9,2%), слушают классическую музыку (28,7% против 23,1%), имеют хобби (32,9% против 11,8%), реже смотрят телепередачи (31,5% против 48,2%), реже гуляют (56,6% против 62,6%), менее общительны (29,4% студентов, посещающих Интернет, общаются с друзьями против 40,5% студентов, не посещающих Сеть). Естественно, одним из приоритетных увлечений являются компьютерные игры, для разных групп респондентов их жанры различаются. Например, регулярно посещающие Интернет студенты в первую очередь предпочитают стратегии (58,7% против 23,6%), протяженные во времени игры, развивающие логическое мышление, требующие умственной сосредоточенности и целеустремленности от пользователя.

На втором месте по популярности Arcade, так называемые «кровавые игры» (44,1% против 18,5%). С одной стороны, такие игры могут послужить лекарством для личности, перенесшей в реальности унижение и в силу своей физической слабости не сумевшей постоять за себя. В этом случае компьютерная игра служит средством преодоления внутренней агрессии, путем моделирования индивидуального преодоления препятствий внешнего

мира. Игровой механизм может стать привычным средством разрешения конфликтов со средой. С другой стороны игры, воспитывающие жестокое отношение к себе подобным, могут служить средством адаптации к реалиям современного мира или же могут провоцировать проявление патологических свойств личности

Не посещающие Интернет студенты по сравнению с выше-рассмотренной категорией студенчества, вероятно, в свободное время предпочитают, прежде всего, погулять (62,6% против 56,6%), послушать популярную музыку (55,9% против 39,9%), посетить развлекательные заведения (48,2% против 39,9%), посмотреть телевизионные передачи (48,2% против 31,5%), это более общительные молодые люди (40,5% студентов, не посещающих Интернет, общаются с друзьями против 29,4% студентов, посещающих Сеть), многие из них любят читать (34,4% против 49%). Студенты, не работающие в глобальной компьютерной сети, гораздо реже посещают театры, имеют хобби по сравнению с посещающими Интернет сверстниками.

Итак, в результате проведенного анализа сферы интересов студенческой молодежи в Интернете, деятельности, которую ведут студенты в Сети, сравнив структуру интересов и сопоставив значимость проблем, стоящих перед молодежью, посещающей и не посещающей Интернет, можно сделать следующие выводы о ценностных ориентациях различных групп студентов:

а) студент, регулярно посещающий Интернет, – это, вероятнее всего, молодой человек с высоким уровнем интеллекта, он испытывает потребность в духовной или приближенной к духовной деятельности, как следствие, обладающий способностью к планированию и прогнозированию. Этот молодой человек обладает широким кругом интересов, культурной требовательностью. Молодые люди, регулярно посещающие Интернет, менее общительны, чем их сверстники, для них тенденция коммуникативного взаимодействия в реальной социальной среде заменяется ориентацией на увеличение автономности личности, которая для некоторых студентов превращается в отчужденность. Порой, не встретив достойных партнеров по общению в реальном социальном окружении, молодые люди стремятся компенсировать недостаток в нем общением с виртуальными знакомыми. Молодые люди демонстрируют новый тип сложного поведения. Эта часть студенчества не склонна упрощать отношения с миром, она не

делает ставку на форму коллективного взаимодействия в стратегии достижения личного успеха, предпочитает индивидуальные формы отношений, проявления себя, обладает определенным творческим потенциалом и более реально смотрит на жизнь.

б) студент, не посещающий Интернет, – это, вероятнее всего, молодой человек с более узким, по сравнению с первой категорией студентов, кругом интересов, нетребовательный к содержанию культурного досуга, склонный воспринимать готовые образы с экрана телевизора, увлекающийся низкопробной продукцией шоу бизнеса. Эта часть молодежи более общительна, открыта, дружелюбна. Для нее характерен физиологический эгоизм и, как следствие, пониженный уровень способности самореализации. В силу зависимости от существующих стереотипов, следуя инстинкту самосохранения, эта часть студенчества пытается уйти от сложных типов поведения, от сложных форм отношения к миру. Молодые люди легче воспринимают существующие стереотипы поведения, в том числе в форме нравственных и национальных норм, правил, принципов. Эта часть студенческой молодежи – носительница традиционных ценностей общества.

**Баркатунов Владимир
Феоктистович,**

*кандидат социологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
социологии и права Курского
института менеджмента, экономики и
бизнеса, (Курск)*

НРАВСТВЕННО- ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Одним из серьёзнейших последствий постмодернизма является коррупция как крайняя степень нравственного разложения общества и личности. Уровень внутренней связанности личности, определяющий его поведение, понижается, и на историческую сцену выходит индивид абсолютно свободный от нравственных принципов и идеалов. Современная криминальная терминология изобрела для этой категории особое название - «отморозки». Однако возникает вопрос о причинах такого явления. Их множество, и далеко не последняя из них - это то, что Россия пережила чрезвычайно не простой период отрицания религиозных догм, разрушения и поругания веры и её символов. Такие понятия, как справедливость, честность, порядочность, принципиальность, стали немодными или надевали классовые одежды. Началась, по словам известного Булгаковского героя, «разруха в головах». Именно она и спровоцировала всплеск психических заболеваний, и именно поэтому Россия сегодня по данному заболеванию занимает одно из первых мест в мире. В свою очередь, это заболевание спровоцировало устойчивый рост суицида на территории современной России. Не сложно заметить, что практически одной из главных причин такого поведения граждан является так называемое атеистическое воспитание. Не отрицая заслуг атеизма в развитии науки, не следует забывать о тех страшных последствиях, которые связаны с «раскрепощением личности». С того момента, когда русский человек забыл о том, что за его грехи будут отвечать его дети, он стал абсолютно свободным от всякого рода нравственных обязательств. Именно эта причина является основ-

ной в разгуле преступности на территории РФ, в том числе и коррупции.

Однако не следует списывать всё на наше советское прошлое. Особенность исторического развития России в том и заключается, что, похоронив коммунистическую идеологию мы не сумели её заменить ничем аналогичным. Не следует забывать, что в Советской России поведение многих из её членов давало основание выдвигать коммунистическим лидерам предположение о скором отмирании государства и возможности замены всего свода законов одним – «Моральным кодексом строителя коммунизма». Кризис ленинизма, идей социальной демократии и общества всеобщего благоденствия - всё это вместе взятое и составляет то, что сегодня обозначается постмодернизмом. Доводы в пользу его существования опираются на гипотезу радикального перелома или разрыва. Перелом этот, прежде всего, связан с представлениями об угасании столетнего развития. В связи с этим в обществе развивается отчуждённость, отсутствие ценностей, чувство одиночества, социального распада и изолированности. Формируется установка на восприятие мира в качестве хаоса. Фундаментальной предпосылкой интерпретации мира выступает для постмодернизма отказ от идеи целостности, иерархичной структурности и гармоничной упорядоченности мира.

Следует заметить, что ещё русский учёный прошлого столетия Л.И. Петражицкий (1867-1931 г.г.) отмечал в своих работах, что поведение человека определяется не только и не столько совершенством или несовершенством права, сколько уровнем его внутренней связанности. А этот уровень определяется наличием или отсутствием у личности нравственных принципов и идеалов. В гносеологическом и методологическом отношении он следовал началам позитивной философии, но при этом проявил оригинальность в освещении правовых явлений и самой природы права. Право определяется и исследуется Петражицким как явление нашей индивидуальной психики. Социальный момент в праве не игнорируется, но воспринимается под углом зрения психологически-правовых переживаний постольку, поскольку социальный элемент в этих переживаниях отражается. Петражицкий признает различия между правом и нравственностью, но главное различие между ними он видит и воспринимает как различие между чисто императивным характером нравственных импульсов и импера-

тивно-атрибутивным характером права. «Императивность» в данном случае предстает в толковании Петражицкого индивидуально-личностным сознанием долга, обязанности, в то время как «атрибутивность» - это сознание «своего права», выступающее вовне как притязание. Для нравственности важен императив и момент добровольности в исполнении обязанностей, тогда как для права основное сосредоточено в моменте атрибутивности, т. е. в непременном исполнении обязанности и в связанном с этим удовлетворении. Если в нравственном общении психика участников довольно мирно реагирует на неисполнение обязанностей, то в правовом общении неисполнение обязанностей (в том числе правовых требований, подтвержденных судебным решением) вызывает гнев, влечет оправданные требования принудительного исполнения.

Одним из важных выводов теории стало положение о том, что, с точки зрения социальных целеполаганий и достижения твердого порядка, роль права в общественной жизни важнее роли нравственности, поскольку пассивная этическая мотивация в этом плане явно уступает активной этической мотивации. В этом отношении «та и другая ветвь человеческой этики» исполняют не просто различные функции, они различны и в силе мотивации, во влиянии на поведение. Правовой психике, сообразно ее природе, свойственно двустороннее мотивационное действие - «наряду с пассивною этическою мотивациею (сознание долга) имеет место активная (сознание управомоченности), так что получается соответственно координированное индивидуальное и массовое поведение. При этом пассивно-правовая мотивация оказывает более решительное и неуклонное влияние на поведение».

На стороне правового актива имеется не только поощрительно-санкционирующая мотивация в пользу осуществления права, но также стремление «добиваться причитающегося». Последнее осуществляется вне зависимости от усмотрения и воли обязанных, оно сопровождается требованием, домогательством, тенденцией заставлять обязанных подчиняться с помощью разных средств, в том числе насильственных, и, кроме того, - «тенденцией злостных, мстительных и вообще репрессивных реакций по адресу нарушителей». Все это оказывает добавочное мотивационное давление. «Вообще, указанные две тенденции, влияющие на поведение обеих сторон в пользу неуклонного осуществ-

ления требований права, придают упомянутой выше социальной координации поведения особенно крепкий, правильный и прочный характер». В итоге действия указанных законов-тенденций правовой психики и ее развития получается прочная скоординированная система вызываемого правом социального поведения, прочный и точно определенный порядок. Недаром в психике публики и юристов имеется прочная ассоциация двух идей: «права» и «порядка», так что вместо слова «право» весьма часто применяют выражение «правопорядок». Для такой ассоциации существует и «научно-причинное объяснение».

В своем воздействии на социальное поведение особо заметными делаются такие специальные функции права, которые Петражицкий именует «распределительною» и «организационною». Так, в частности, дистрибутивная (распределительная) функция в области народного (и международного) хозяйства может отличаться от функции распределения частей плодородной почвы, средств и орудий производства, предметов потребления, вообще хозяйственных благ между индивидами и группами. Основной тип и главный базис распределения хозяйственных благ, а вместе с тем и основной базис экономической и социальной жизни вообще, представляет явление собственности (в частнохозяйственном укладе, в условиях «капиталистического» социального строя - индивидуальной собственности, в условиях первобытного или другого коллективистского строя - коллективной).

К числу несомненных заслуг создателя психологической теории права относят обычно решительное и безусловное освобождение теории права от узкого юридического догматизма. В этом вопросе Петражицкий создал своеобразное учение о многообразии нормативных фактов и видов положительного права. Отказавшись от сложившихся вариантов догматического истолкования источников права и стремясь охватить все известные факты из истории права и современного его состояния, Петражицкий насчитал целых 15 видов положительного права, неизвестных, по его оценке, современной науке или же не признаваемых ею. Среди них он, помимо официального права (законодательства), различает книжное право, для которого нормативным фактом служит авторитет книги, преимущественно юридического содержания (имеются в виду священные книги, сборники обычного права, научные трактаты и Свод законов Юстиниана); далее следует

«право принятых в науке мнений», «право учений отдельных юристов или групп их», «право юридической экспертизы» (сюда же отнесены знаменитые «ответы» римских юристов); отдельно выделено «право изречений религиозно-этических авторитетов: основателей религий, пророков, апостолов, святых, отцов Церкви и т. д.» и «право религиозно-авторитетных примеров, образцов поведения». Своеобразное семейство образуется из «договорного права», «права односторонних обещаний» (например, государственных органов и частных лиц), «программного права» (программное заявление органов государственной власти), «признанного права» (признание известных прав и обязанностей одной из сторон юридического отношения). «Прецедентное право» усматривается в деятельности государственных учреждений и в международном праве. Различается также «общенародное право как везде существующее право» (нормативным фактом для него служат ссылки на то, что «так принято во всем мире», «у всех народов»). Отсюда становится понятным соседствующее с прецедентным и общенародным «право юридических поговорок и пословиц». Петражицкому принадлежит весьма точная и по-своему конструктивная критика юридической ментальности, в которой «власть» и «господство» имеют характер не научно содержательных и фиксированных смысловых терминов, а скорее характер слов для всевозможного и необременительного употребления в различных областях правосознания без ясно определенного смысла. Он писал в своей «Теории права и государства» (1907): «Современное государствоведение ... не знает, в какой сфере находятся и какую природу имеют те реальные феномены, которые соответствуют его теоретическим построениям, и как с помощью научных методов можно достигнуть их реального, фактического (наблюдательного, опытного) познания; и, таким образом, вместо изучения фактов... получается фантастическое конструирование несуществующих вещей и незнание действительно существующего».

Несколько лет назад появилась весьма интересная работа С.С. Алексеева «Самое святое, что есть у Бога на земле». Оказывается, что самое святое- право. Эта точка зрения приписывается И. Канту, однако, Кант рассматривал право и мораль как две важнейшие формы регулирования поведения. В основе и права и морали лежит категорический императив, вечный нравственный

принцип. Однако мотивом морального поступка является чувство долга, понимание необходимости руководствоваться категорическим императивом. Право же, наоборот, действительно только в том случае, если его нарушение влечёт законное принуждение. С этической точки зрения, мораль выше права. Если есть в праве что-то святое, то это отражение нравственного закона, который правом не исчерпывается и не поглощается. В этой связи возникает вопрос о том, насколько совершенен закон с позиций нравственности и идеален механизм его разработки, принятия и применения. Благоговение у Канта вызывает не право, а « звездное небо над нами и нравственный закон в нас». Однако не следует забывать о том, что светское право- атрибут града земного, а не града Божьего. Право неотделимо от возможности законного принуждения, предназначенного не для святых, а для грешников, которые не желают соблюдать принципы справедливости добровольно. Нравственному человеку не нужны законы и санкции. Он не нарушит наиболее существенные нормы права, потому что не утратил присущей ему от природы способности различать добро и зло. В конечном счёте, именно к категорическому императиву сводится философское понимание права. И определение права у Канта, и гегелевская формула « будь лицом и уважай других в качестве лиц» соответствуют евангельскому « возлюби ближнего своего, как самого себя». Смысл права состоит в согласовании своей свободы со свободой других. Право - не только утверждение свободы чиновника, но и уважение свободы граждан. К сожалению, теоретическая российская юриспруденция проявляет пренебрежение к нравственной природе права, что, в свою очередь, находит отражение в принимаемых законах. Ярким примером такого подхода является ФЗ «О государственной гражданской службе», который не предусматривает такого основания для расторжения контракта, как совершение государственным служащим аморального проступка.

В этой связи особого внимания заслуживает удивительный источник, хотя и неюридического характера. Речь идёт об «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых в августе 2002г. на юбилейном архиерейском соборе РПЦ.

В этом документе, в частности, отмечается: «Основопологающий принцип права - не делай другому того, что не желаешь себе», право вырастает из самой жизни, основываясь на совести».

Коррупционные проявления в большинстве своём нарушают нравственные начала и принципы. Классики политической и правовой мысли, в том числе Т.Гобс в своём знаменитом сочинении «О гражданстве», в числе «обязанностей людей, осуществляющих верховную власть», говорят; «Правильно преподавать гражданину учение о государстве необходимо для поддержания мира». Ш. Монтескье, объявляя принципом демократии добродетель, поясняет: «Политическая добродетель есть самоотверженность, - вещь всегда очень трудная. Эту добродетель можно определить как любовь к законам отечества.... любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному». Особым аспектом является добродетель должностных лиц, политических деятелей. Обществу, как правило, навязываются два ложных и крайне неэффективных метода укрепления добродетели коррумпированных чиновников. Первый из них - это создание для них таких материальных условий, которые делали бы ненужным мздоимство. Однако практика показывает, что чем больше мы заботимся о благосостоянии чиновника, тем больше у них растут аппетиты, - а добродетели, к сожалению, не прибавляется. Второй столь же неэффективный способ – разработка кодексов поведения для парламентариев, муниципальных чиновников, судебного корпуса. В лучшем случае, это проявление наивности, в худшем, - пропагандистский приём, отвлекающий внимание общества от неспособности власти бороться с коррупцией. В этой связи возникает вопрос о возможности активного противостояния законопослушного гражданина действиям коррумпированного чиновника. Практически речь идёт о возможности гражданского неповиновения, и в основе его лежит принцип взаимной ответственности сторон. Невыполнение своего долга государством освобождает от повиновения граждан. «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и его Церкви, а также к греховным, душевредным линиям, Церковь должна отказывать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнять повеление власти, понуждающего к тяжкому греху. В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти со стороны церковной Полноты, церковное Священноначалие при должном рассмотрении вопроса может предпринять следующие действия: вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме, призвать народ

применять механизмы народовластия к изменению законодательства или пересмотру решения власти, обратиться в международные инстанции, их мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению». В тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя её противоположной, он перестаёт быть законом, становясь беззаконием, в какие бы правовые одежды он не рядился. «Христианин должен открыто выступать законным образом против безусловного нарушения обществом или государством установлений и Заповедей Божьих, а если такое законное выступление невозможно или неэффективно, занимать позицию гражданского неповиновения».

Всё вышеизложенное позволяет мне прийти к предположению, что только правовыми методами победить коррупцию невозможно. Необходимо объединение усилий государственных структур, семьи, религиозных объединений, в том числе усилий, направленных на формирование гражданского общества и воспитание высоконравственной личности.

Литература

1. Гобс. Т. Избр. произв. Т.1. М., 1965.
2. Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1965.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М. 2001
4. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: В 2 т. Спб., 1909-1910. Т. 1. С. 50.
5. Петражицкий Л. И. Очерки философии права. Спб., 1900. С. 21.
6. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. Спб., 1905. С. 3.

Малов Сергей Валерьевич,
пресвитер Церкви Евангельских Христиан – баптистов
«Благодать»,
(Курск)

ЧТО МЫ ОСТАВИМ НАШИМ ДЕТЯМ?

Этот вопрос в последнее время все чаще звучит на самых разных уровнях: семейном, государственном и даже международном.

Человеку свойственно заботиться о своем потомстве. Это стремление вложено в него Богом, и если кто-то не думает, не беспокоится о своих детях, то это воспринимается как отклонение от нормального поведения практически во всех современных культурах.

Подавляющее большинство людей желает счастья и благополучия своим детям, но в вопросе, в чем это самое счастье заключается и как его достичь, мнения людей часто значительно расходятся. Одни считают, что для счастья детям необходимо хорошее образование и престижная профессия. Другие говорят, что главное не образование, а хорошая материальная база. Будут деньги – все остальное можно купить. Кто-то мечтает подобрать для своего сына или дочери хорошего спутника жизни, кто-то старается отправить свое чадо учиться или работать за границу.

В наше время довольно часто можно увидеть совсем молодого человека за рулем престижной иномарки. Сомнительно, чтобы в восемнадцать лет он смог ее самостоятельно заработать, скорее всего, папа постарался. Недавно в одном из выпусков программы «Время» прозвучало сообщение о том, что в государстве Катар на каждого ребенка в момент рождения открывается счет в банке со стартовым капиталом 3000 долларов, а к моменту своего совершеннолетия он становится обладателем полумиллионного состояния. А 18-летняя внучка греческого миллиардера Аристотеля Онассиса получила наследство, превышающее 3 миллиарда долларов. Афина стала владелицей самолета, 38 танкеров, остро-

ва Скорпиос, недвижимости в Греции, уникальных произведений искусства и 33 тонн золота. Это называется заботой о детях!

Иногда в вопрос: «Что мы оставим нашим детям?» вкладывается экологический смысл. Какую природу мы оставим последующим поколениям? Какую воду они будут пить, каким воздухом дышать? Насколько хватит им полезных ископаемых и энергетических ресурсов? Все эти вопросы, конечно, очень важны, но среди этих вопросов как-то теряется самый важный.

Если мы действительно любим наших детей, необходимо задать себе вопрос: «А в чем больше всего нуждаются наши дети?» Ответ на этот вопрос лежит в духовной сфере. На него отвечает самая главная книга – Библия. В псалме 77 говорится о том, что больше всего необходимо нашим детям, «грядущему роду». *«Что слышали мы, и узнали, и отцы наши рассказали нам, не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу Господа, и силу Его, и чудеса Его, которые Он сотворил. Чтобы знал грядущий род, дети, которые родятся, и чтоб они в свое время возвещали своим детям, возлагать надежду свою на Бога, и не забывать дел Божиих, и хранить заповеди Его».* (Пс.77:3,4,6,7). Больше всего наши дети нуждаются в том, чтобы научиться возлагать надежду свою на Бога. К сожалению, не все понимают, как это важно. Наш народ многие годы учили надеяться на себя, на партию, на государство и т.д. «Никто не даст нам избавленья – ни Бог, ни царь и ни герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой», – так пелось в известной песне. Надежда на Бога предполагает нечто совершенно противоположное. Возложить надежду на Бога – значит доверить Ему управление своей жизнью.

Когда мы садимся в автобус, то надеемся, что водитель автобуса достаточно опытен и внимателен, что он благополучно доставит нас по назначению. Вряд ли кто-то согласится сесть в автобус, если узнает, что водитель автобуса впервые за рулем или мертвецки пьян. Однако практика показывает, что не все профессиональные и опытные водители избегают аварий. Можем ли мы полностью доверять Богу, не опасаясь за последствия?! Да! Тысячу раз, да!!! Почему?

Во-первых, потому, что об этом говорит Сам Бог. *«Я Господь, надеющиеся на Меня не постыдятся» (Исаия 49:23).* Бог никогда не изменяет Своему слову. Не было ни одного случая в

истории, чтобы Он нарушил Свое слово. Те, кто надеются на себя или на других, часто испытывают разочарование. Те, кто искренне надеются на Бога, – никогда.

Во-вторых, надеяться на Бога и полностью доверять Ему учат нас примеры героев веры. Моисей, Даниил, Давид, апостол Павел и многие другие великие мужи Библии говорят о том, как они в своей жизни надеялись на Бога и как эта надежда помогала им в безнадежных по человеческим меркам ситуациях.

В-третьих, истинность этого утверждения полностью подтверждается опытом современных христиан. В конце концов, каждый может проверить это на себе, попробовав возложить свою надежду на Господа.

Псалмопевец Асаф, автор 77 псалма, призывает не скрывать от детей славы Господа, силы Его и чудес Его, которые Он сотворил. Иисус Христос также говорил: «Не препятствуйте детям приходить ко Мне». Нужно рассказывать детям о Боге. Задача и обязанность родителей – познакомить детей с самым надежным Другом – Иисусом Христом, чтобы уберечь их от многих жизненных ошибок, поставить на твердое основание. Это намного важнее приобретения образования, богатства, профессии. Евангелист Иоанн пишет: ***«Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине» (3 Ин. 4 ст.)***

Но процесс обучения подразумевает не только изучение теории, но в большей степени практику, обучение на личном примере. Если родители не поступают по Божьим заповедям, не возлагают надежду на Бога, они не смогут научить детей надеяться на Господа. Дети скорее верят делам, чем словам. Поэтому, если мы хотим счастливой жизни для своих детей, если хотим дать им самое главное, мы должны проверить свою жизнь, свои жизненные принципы, насколько они соответствуют Божьему стандарту. К великому сожалению, многие родители к этому не готовы. Бог возложил на родителей великую ответственность – воспитание детей, и когда-то придется отвечать перед Ним за то, как мы пользовались нашими родительскими полномочиями.

Но, может быть, кто-то скажет: «А настолько ли все это важно?» Живут же люди и без всего этого: без христианского воспитания, без постоянного обращения к Богу, всего добиваются своими силами и преуспевают. С этим трудно спорить. Да, действительно, живут. Но как? Если человек сел не в тот самолет, свою

ошибку он может обнаружить уже в аэропорту, после приземления, когда поздно ее исправлять. Если родители не учили своих детей надеяться на Господа с детства, то цена ошибки может быть слишком высока.

В связи с этим мне вспоминается случай из моего детства. Я родился в христианской семье. Мои родители водили нас, детей, в Дом Молитвы, читали вместе с нами Библию, учили молиться Богу и доверять Ему. Когда я пошел в первый класс, я впервые столкнулся с атеистическим окружением.

Моя первая учительница Нина Яковлевна всеми силами старалась сделать так, чтобы я перестал ходить в Дом Молитвы. В городской газете «Енакиевский рабочий» вскоре появилась статья о нашей семье, в которой говорилось о том, как родители лишают меня радостей жизни, приобщая к вере в Бога. Нина Яковлевна со страниц газеты обещала бороться за меня, чтобы я не стал верующим. Несложно представить, с чем я столкнулся, когда на следующий день пришел в школу. Дети часто обижают друг друга, а здесь такой удачный повод! Мои родители ободряли меня и молились обо мне Господу.

Но у этой истории есть продолжение. Однажды, уже будучи взрослым, в один из своих приездов на родину я посетил дом моей первой учительницы. Она в то время уже не преподавала в школе. Когда я зашел в дом, то был поражен. Большой дом, дорогая обстановка, даже не скажешь, что здесь живет простая учительница. Но больше всего меня поразило то, что Нина Яковлевна живет в этом доме одна. Единственный сын Нины Яковлевны, ее гордость, совершил преступление и попал в тюрьму. Если человек сознательно отказывается от Бога и хочет построить счастливую жизнь своими силами, его ожидает жестокое разочарование. Мы, конечно, не стали вспоминать мою учебу в первом классе, статью в газете. Но для себя я сделал вывод на всю жизнь: тот, кто возлагает надежду на Господа, никогда не останется в стыде. У нас с женой растут двое детей. И больше всего нам хочется научить их *всегда возлагать надежду на Господа.*

ИЗДАНИЕ НАУЧНОЕ

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

«Вызов постмодернизма:
есть ли достойный ответ?»

Альманах
Выпуск 1

Ответственная за выпуск Коровина Е.А.
Корректор Белоусова Т.В.

Подписано в печать 10.02.2006
Формат 60х84/16. Уч.-изд. л. 11,2
Тираж 200. Заказ №

Издательство Курского института
менеджмента, экономики и бизнеса
305000, г. Курск, ул.Радищева, 35

Научный Библейский Центр
«Апологет»
305035 Курск, Асеева дом 31/12 офис 7
www.apologet.ru
